

1988

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ნ. ჭავჭავაძე
 ვ. ვახუშტი
 მ. ლომიძე
 დ. გუგუშვილი

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Четыре дня в стране
Айоса. Документальная повесть. Продол-
жение. Перевод Вадима Коленчен-
ко 3

ИЗ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Арчил II, Вахтанг VI, Димитрий Саакадзе.
Стихи. Перевод Георгия Ашкинадзе 57

ДЖЕМАЛ КАРЧХАДЗЕ. Мой дядя Иона. По-
весть. Перевод Александра Злат-
кина 61

ГИВИ АЛХАЗИШВИЛИ. Стихи. Перевод
Юлия Даниэля 112

ЛИДИЯ КОГОШВИЛИ. Стихи 116

ДЖЕМАЛ ТОПУРИДЗЕ. Для тех, кого оста-
вил отец. Рассказ. Перевод Беллы Ца-
раховой 117

ГЕОРГИЙ ГРИГОЛИЯ. Дверь. Рассказ . . . 129

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АНДРЕЙ ПАРШЕНКОВ. Человек, судьба,
вселенная 139

ДМИТРИЙ ТУХАРЕЛИ. Тифлис, апрель 1930

года

160

РЕЦЕНЗИИ

МАРИНА СУРОВЦЕВА. «Солнечные часы» . 171

ОЧЕРК

МИРОН ХЕРГИАНИ. Все станет на круги своя 174

ОНИ ПРИБЛИЖАЛИ ПОБЕДУ ОКТЯБРЯ

ИГОРЬ ЛЕЙБЕРОВ. Ленинский посланец в
Закавказье 188

НАУКА

СВЕТЛАНА КОШУТ. Василий Зуев о Грузии 204

ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

В ритме времени. 216

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ 224

ХРОНИКА 111, 170, 203

ЧЕТЫРЕ ДНЯ В СТРАНЕ АЙОСА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

7

ДОРОГА в Гарни лежит к востоку от города; чтобы выехать на нее, нужно миновать новый жилой массив Норк. Он разбит в низине и за естественным прикрытием скалистых громад издали почти не виден. Первое село на крутой, изобилующей подъемами дороге — Джрведжи. Все здания здесь — небольшие одно-двухэтажные дома, школа, магазины — построены из туфа, причем с неменьшим искусством, чем в столице. Приусадебных деревянных построек, столь частых, скажем, на рачинских, имеретинских подворьях, здесь не встретишь. Дерево дорого, менее надежно, и поэтому самый ходовой строительный материал — камень. А уж по прочности и долговечности, по легкости и простоте обработки туфу нет равных.

Вдали сияют заснеженные вершины Гегамского хребта. Грубое тело его изрезано глубокими ущельями, на отвесных склонах почти нет никакой растительности. Вокруг библейский пейзаж: пустынная тишина, только легкий парной дымок провозвестником зарождающейся жизни стелется над землей. А дорога между тем упрямо взбирается вверх. Внизу, огороженная с четырех сторон холмами, лежит ровная, как ладонь, Араратская долина; рядом, с далеких заоблачных высот, по-отечески смотрит на нее беловершинный Масис.

— Серго, — сказал Геворк шоферу, — останови у арки Чаренца.

Продолжение. Начало см. № 2

— Арка Чаренца? — переспросил я.

— Егише Чаренц любил это место. Стоял, бывало, и часами смотрел на Арарат. В память об этом мы и возвели здесь арку и назвали ее аркой Чаренца.

Серго, коренастый, с легкой проседью в поредевших коротко стриженных волосах, остановил машину: на обочине дороги у родника и открыл дверь.

Справа от дороги, на вершине довольно высокого холма я увидел арку Чаренца и, не дожидаясь своих спутников, стал взбираться по отвесному склону. В сухих травах свистел холодный ветер и если бы не теплая шуба — дрожать бы мне как осиновому листу. Крутому подъему, казалось, не будет конца. Бешено колотилось сердце, но я преодолевал усталость и упорно шел вверх. Чем ближе я подступал к вершине, тем с большим неистовством ветер пытался сбить меня с ног. До арки уже было рукой подать.

А вот и арка — сработанное словно одним движением руки изящное сооружение из розового туфа. Здесь можно присесть, отдохнуть, любуясь горными кряжами, сверкающей голубыми озерами Араратской долиной.

Каким величественным кажется отсюда Арарат, когда небо ясно и долина не подернута туманом! Будто на дне прозрачной реки вырисовывались на горизонте рваные очертания далеких гор, в окружении которых гордый Арарат выглядел всемогущим властелином.

На полукруге арки, со стороны дороги, была высечена надпись на армянском языке.

— Отрывок из стихотворения Чаренца? — спросил я Геворка, безуспешно пытавшегося привести в порядок растрепанные ветром кудри.

— Вы угадали. Стихотворение написано в 1920 году. Вот как приблизительно переводятся эти строки: «Весь мир обойди — не найдешь белой горы, подобной Арарату.»

— Кто знает, может быть, они написаны именно на этом месте, — после короткого молчания заметил я, не отрывая взора от библейской горы, окутанной туманом.

— Говорят, что так и было.

— Арарат отсюда действительно прекрасен.

— Я думаю, не стоит удивляться категоричному утверждению поэта. Арарат для него — символ родины,

олицетворение ее мощи, и вполне понятно, что Чаренц любил его больше всех прочих земных вершин! — В ином случае он и не был бы поэтом. Это же поэтическое признание, а не трактат о горной системе. Чаренц обращается к соотечественнику с призывом любить родину. Сын другого народа вправе видеть в Арарате Чаренца свою гору, свою землю. Именно так раскрывается общечеловеческий смысл конкретных поэтических строк.

— Полностью с вами согласен. Помните, была такая песня, ее распевали во время войны: «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех». Кто только ее не пел?! В ней, если не ошибаюсь, Болгария представлялась чудесным, благодатным краем, но было видно и то, что автор текста — русский поэт, безмерно влюбленный в свою страну. По-иному песня эта не воспринималась. Со временем кое-кому показалось, что вторая строчка припева «...а Россия лучше всех» оскорбительна для Болгарии, и уж не знаю по чьей там милости песня захлебнулась на самой высокой ноте. Сегодня ее никто почти и не помнит.

Я горько улыбнулся: глупее этого трудно что-либо придумать. Неужели у нас мало других проблем, требующих безотлагательного вмешательства и исправления. Неужели не существует других дел — более достойных, чем нападки на добрую, безобидную песню?

Дорога по-прежнему серпантинном вилась вверх. Мы проехали мимо какой-то большой стройки с разбросанным в разных местах строительным материалом, — я представляю, как нелегко было грузовикам везти его на такую высоту — миновали голые склоны, и внезапно перед нашими глазами возник оазис. Это было высокогорное, утопавшее во фруктовых садах густонаселенное село Гарни — излюбленное место отдыха ереванцев. Летом здесь яблоку негде упасть. Со всех концов света стекаются сюда туристы полюбоваться памятниками армянской старины. Но лучше приезжать в Гарни ранней весной, как это сделали мы. Спокойнее чувствуешь себя без пестрых туристических палаток с их полуобнаженными хозяевами, подставляющими тела под лучи горячего южного солнца.

Что скрывать, после серого, пустынного пейзажа ухоженные дворы с яблоневыми, грушевыми, персико-

выми деревьями, огородами, цветниками радовали глаз. Я вдруг почувствовал себя дома, где-то в Кахети, на берегу Алазани.

Скудный, почти безжизненный ландшафт окрестностей Гегамского хребта объясняется природными особенностями этой зоны, но я думаю, свое пагубное воздействие оказали, конечно же, многочисленные набеги завоевателей, безжалостно вырубавших леса, что привело к катастрофическому падению уровня почвенных вод и в итоге — к полному обезвоживанию местности.

Но Гарни? Как сохранились его цветущие сады на полупустой, усохшей земле? Вода! Гарнийское чудо сохранила живительная вода, с незапамятных времен постулавшая сюда по глиняным трубам. Вода Армении прохладна и приятна на вкус. Гарнийская — не исключение. Селение это всегда славилось чистыми источниками и горным целебным воздухом. Недаром армянские цари избрали его местом своей летней резиденции. В знойную пору, когда Араратская долина изнывала от жары, центр государственной жизни перемещался в Гарни. Здесь в роскошных палатах правители Армении принимали иностранных послов, составляли планы военных походов против многочисленных врагов. Царский дворец, от которого нынче остались одни руины, располагался на высокой горе в восточной части Гарни. С трех сторон его окружала неприступная крепостная стена со сторожевыми башнями. Днем и ночью дозорные войны охраняли единственные хорошо укрепленные ворота цитадели.

Когда-то рядом с гарнийским царским дворцом стоял языческий храм, построенный в эллинистическую эпоху и несший на себе характерные следы архитектуры того времени. Как известно, в 301 году Армения отказалась от язычества и объявила христианство государственной религией. Этот исторический факт имел для страны большое политическое значение. Приняв христианство, Армения тем самым идеологически отмежевалась от соседей-иноверцев, в первую очередь, от Персии — своего лютого врага.

В древних летописях — как армянских, так и грузинских — содержатся сообщения о прибытии в Армению для распространения христианства двух женщин-проповедниц Рипсима и Гаянэ. Правда, неясно, имеют

ли эти сообщения под собой реальную фактическую основу или же являются литературной редакцией бытовавших в то время легенд.

К сожалению, незнание языка не позволяет мне обратиться к армянским источникам, поэтому я обращаюсь к сочинению грузинского историка XI века Леонтия Мровели. Одной из глав этого труда предпослано такое название — «Обращение царя Мириана и вкуче с ним всей Картли святой и блаженной матерью нашей, равноапостольной Нино». В ней рассказывается о том, что свидетелями мученической смерти Христа на Голгофе были два еврейских священника из Грузии. По возвращении они привезли с собой драгоценную реликвию — хитон Господень, который был погребен на том самом месте, где несколько веков спустя вырос кафедральный собор Светицховели.

И здесь, на арену исторических событий, пишет Леонтий Мровели, выступает просветительница Грузии Нина Каппадокийская. Поселившись в Иерусалиме, прослышала она от некоей Сарры Ниафоры о местонахождении хитона и загорелась желанием посетить Грузию. Стояла пасхальная неделя. В это время приехавшая из Эфеса женщина поведала Ниафоре, что римская царица Елена «пребывает еще в заблуждении язычества, однако желает познать истину нового вероучения». Нина оказалась невольной свидетельницей беседы. Испросила она волю Ниафоры и благословения патриарха направилась в Рим, дабы обратить в христианство царицу Елену.

В женском монастыре, пишет Леонтий Мровели, встретила Нина «жену знатную царского происхождения» Рипсима. Женщины прониклись друг к другу искренней любовью; через год Рипсима вместе со своей кормилицей Гаянэ и тридцатью другими обительницами монастыря приняла христианство.

В благостных молитвах о спасении грешной души прошло два года. И тут произошло событие, самым невероятным образом сказавшееся на судьбе святых дев. Кесарь задумал привести в свой дворец супругу, ею должна была стать красивейшая женщина империи. В поисках подходящей кандидатуры люди кесаря заглянули в женский монастырь. Красота Рипсима изумила их. Недолго думая, они запечатлели на лубяной доске

лучезарный образ красавицы и отправили его в Рим. Увидел монарх иконописный лик Рипсима, лишился покоя и сразу же велел доставить женщину к себе во дворец. Караван нагруженных дарами мулов потянулся к монастырю... Но спустя пару дней царские посланники вернулись назад не солоно хлебавши: Рипсима вместе с остальными монахинями бесследно исчезла.

Долго ли искали несчастные беженки пристанище, неизвестно. В конце концов пути-дороги привели их в город Двин — столицу Армении, которой правил в то время язычник Трдат. Одетых в рубище женщин никто не заметил, они быстро затерялись в пестрой разноязыкой толпе большого торгового города. Добывая себе средства на пропитание рукоделием, женщины стали проповедовать христианскую веру среди армян.

Тем временем до беспамятства влюбленный в Рипсиму кесарь тщетно пытался разыскать дерзкую беглянку. С твердым наказом вернуть ее назад римские легионеры рыскали по всему свету. Не обошли они стороной и двор царя Трдата. В письме «своему брату, другу и единоверцу» кесарь посетовал на распространение в империи христианской религии. Сулит она нам, дескать, неисчислимы бедствия, ибо верит народ какому-то распятому богу истово и глубоко.

Далее римский порфиросец делится с Трдатом личными горестями. «Увидел я, — пишет он, — одну молодую женщину из обратившихся в новую веру и пожелал взять ее в жены. Но не исполнила она мою волю, а отвергла с ненавистью. После этого скрылась она с глаз моих и бежала с другими нечестивцами, по слухам, в твою страну. Найди их и предай лютой смерти, а женщину эту по имени Рипсима пришли ко мне!»

Но зная, видимо, норов своего «друга, брата и единоверца», предпочитая худой мир доброй ссоре, в конце послания кесарь добавляет, что, ежели Рипсима понравится Трдату, он вправе оставить ее себе.

Приздумался армянский царь. Какой же красоты должна быть эта женщина, раз сам римский кесарь захотел взять ее в жены! Трдат отдал приказ во что бы то ни стало разыскать женщин, привести во дворец, а там уж сам решит, что с ними делать: казнить или миловать.

Поиски длились недолго. Чужеземок застали за

кощунственным по законам страны занятием — осуждением языческих святынь и проповедью христианской религии. Их доставили во дворец.

Трдату было достаточно одного взгляда, чтобы оценить красоту Рипсима. Без лишних рассуждений он тут же предложил женщине стать его женой. Последовал решительный отказ. Самодовольный властелин пришел в ярость и велел пленницам отречься от Христовой веры. «Только возвращение в лоно язычества спасет вас от неминуемой смерти», — пригрозил он. Когда же и это требование было отвергнуто, царь приказал при-дать всех ослушниц мученической смерти.

Только немногим женщинам, среди которых была просветительница Грузии Нина Каппадокийская, удалось вырваться из рук палача. Рипсима же и ее кормилица Гаянэ, заканчивает свое повествование Леонтий Мровели, после ужасных мучений приняли смерть во имя торжества христианской веры. И засияли над головами страдалец нимбы первых апостолов армянской церкви.

Несколько по-иному передана эта история в армянских летописях. Слепленный божественной красотой Рипсима, царь Армении Трдат, начисто забыв о дружеско-просительном письме римского императора Диоклетиана, задумал не жениться на красавице, а взять ее в наложницы. Рипсима улучила момент и бежала из-под стражи, но вскоре ее снова схватили, водворили в темницу, а потом казнили.

За это преступление всевышний жестоко покарал царский двор, превратив Трдата в вепря. И явилось тогда бывшему правителю страны видение: жуткое проклятие утратит свою силу только в том случае, если Григорий Просветитель будет освобожден из темницы, где он просидел семнадцать лет, и Армения примет проповедуемую им христианскую веру.

Ничего другого не оставалось делать Трдату, как исполнить небесное предначертание. Григория Просветителя с почестями освободили, христианство объявили государственной религией, и тогда к Трдату вернулся человеческий облик. В первые века своего всеместного распространения христианство порой проявляло относительную терпимость к памятникам материального наследия языческой эпохи. Уцелел же, к

примеру, великолепный языческий храм в Гарни! На протяжении семи веков цари христианской Армении проводили здесь летние месяцы. Вероятно, зная как прекрасному оказалась сильнее неприятия отвергнутой религии. Как знать, может быть, строгое классическое сооружение с высокими ионическими колоннами, отдаленно напоминающее афинский Парфенон, и сейчас — спустя две тысячи лет — по-прежнему стояло бы на армянской тверди, если бы не сильнейшее землетрясение 1679 года, превратившее его в груды развалин.

«Только бог один заступник всем отвергнутым тобою!» — уповая на всевышнего, осудил великий Руставели немилосердие жизни. Хотя он имел в виду людские судьбы, слова эти, наверное, можно отнести и к неодоушевленной красоте, безжалостно погубленной временем. Да и в тех редких случаях, когда она восстает из пепла, божьего благоволения недостаточно. Нужны ум и руки человека! В Гарни такие люди нашлись.

Несколько лет ушло только на подготовительные работы: расчистку территории, извлечение из земли полуразрушенных временем архитектурных конструкций...

Армения уже имела опыт проведения подобных работ. В начале нашего века зодчий Торос Торамания составил первый проект реконструкции храма Звартноц — шедевра раннесредневековой армянской архитектуры, в 925 и 1000 годах пострадавшего от землетрясений.

Работы по реставрации Гарнийского храма были необычайно трудоемки еще и потому, что в Армении не сохранилось больше культовых сооружений языческого периода. Из немалого количества предварительных вариантов реконструкции нужно было выбрать один, самый точный.

Не знаю, что думают искушенные специалисты по поводу конечных результатов проделанной грандиозной работы. Я могу довериться только собственному непосредственному впечатлению: армянские зодчие возродили из тысячелетнего небытия архитектурное чудо.

К счастью, реставраторы обнаружили все детали ордерной системы здания. Долгие века пролежали они без присмотра среди ежевичных зарослей и густой тра-

вы, но не нашлось в окрестностях ни одного человека, который бы, презрев угрызения совести, унес с развалин пусть один-единственный камешек: в хозяйстве мол, пригодится.

Не люблю назойливой назидательности и не заостряю читательского внимания на этом, вроде бы незначительном, факте, да вот вспомнить, призадуматься — всегда ли мы поступаем именно так? — вовсе не мешает!

Колонны с резными капителями, архитрав, причудливо орнаментированный фриз были тщательно отреставрированы и водворены на свои исконные места. Никаких деталей современного изготовления! Разве что тонкие свинцовые листы и металлические штыри, которыми на традиционный местный манер скреплены стенные каменные блоки.

Трудно удержаться от соблазна подняться по лестнице и заглянуть внутрь. Что там? Голые, необработанные базальтовые стены, к задней — за небольшим возвышением — прилепился жертвенник, перед ним на каменном полу круглая яма, куда стекала кровь животных.

Во время службы жрецы в пышных одеяниях, вероятно, поднимались на своеобразный подиум и обращались с проповедями к толпе коленопреклоненных прихожан. В гулкой тишине храма напевно звучали молитвы в честь всемогущих языческих божеств. Затем начинался торжественный ритуал жертвоприношения. Поначалу, на заре возникновения язычества, жертвами обрядового заклания были общинники высоких духовных качеств, потом их сменили пленные вражеские воины и, наконец (видимо, идолам надоел дурманящий запах человеческой крови), на алтарь стали приноситься домашние животные.

В двадцати-двадцати пяти шагах от храма археологи при раскопках обнаружили еще одну постройку эллинистического периода — баню. По предположениям ученых, она сооружена одновременно с храмом, но в отличие от него, несла свои функции гораздо дольше.

Небольшое, наполовину выступающее из-под земли плитняковое здание состоит из четырех помещений — два предбанника и столько же мочных залов. Один

из них снабжался холодной водой, другой — горячей, поступавшей сюда по глиняным трубам.

Пол одного из залов украшает мозаичная композиция. Местами смальта серьезно повреждена, но сюжетное изображение проглядывается достаточно четко: языческие боги и мифические существа — ихтиокентавры, nereиды — упоенно резвятся в морском просторе в скромном обществе рыб. Изображения богов сопровождаются греческими надписями: Главкос, Тетис, Агриос, Потос. Вверху над композицией отчетливо виднеется еще одна надпись, также на греческом языке: «Работали без вознаграждения».

Кто работал? Почему «без вознаграждения»? Если рабы, то оно им и не полагалось: этого можно было не отмечать. Если свободные, почему не назвали своих имен?

Все эти вопросы, конечно, риторичны, и ответы на них уже никогда не найти, они потонули в необозримой дали веков!

Первое упоминание о Гарни принадлежит римскому историку Публию Корнелию Тациту. Согласно его сведениям, брат грузинского царя Фарсмана Митридат, который с помощью своего племянника Радамиста в результате дворцового переворота взшел на армянский престол, в 51 году, спасаясь от заговорщиков, вынужден был укрыться в крепости Гарни. В конце Тацит пишет: заговорщики «не имели таранных орудий и не владели искусством осады»; ворота крепости им открыл изнутри предатель.

Рассказ римского историка лишний раз свидетельствует о мощи и неприступности гарнийской цитадели.

Гарни упоминается и в грузинских исторических источниках.

1225 год. Мрачная пора монголо-татарских завоеваний. Побежденный Джелал-эд-Дин вторгается в Переднюю Азию. Расчет шаха был прост: покорить ближневосточные страны, в том числе Грузию и Армению, чтобы затем, накопив силы, ударить по своим среднеазиатским обидчикам.

Грузинское войско под началом престарелого амирспасалара Иванэ Мхаргрздели встретило неприятеля в окрестностях Гарни. Кровавопролитная битва, в

которой армяне и грузины рука об руку сражались против общего врага, к сожалению, закончилась их поражением: силы были слишком неравны. Хорезмийцы опустошили Араратскую долину, разграбили Двин. Через год они напали на Грузию, тяжело переживавшую в то время смерть своего царя Лаша-Георгия. Ценой больших потерь враг овладел столицей государства — Тбилиси. Позднее были покорены Ани и Карс.

Но недолго пришлось торжествовать Джелал-эд-Дину: монголы преследовали его по пятам. Бесславная смерть в Месопотамии стала естественным финалом такой же бесславной жизни.

Во все века Гарни оставался неприступной крепостью. Твердыня эта, прежде всего — символ всепобеждающего народного духа!

Тяжелейшие испытания выпали на долю гарнийцев, на долю всех народов христианского Закавказья в пору кровавых бесчинств шаха Аббаса.

В 1578 году военные действия между турками и персами, продолжавшиеся почти все XVI столетие, возобновились. Бои, как и прежде, в большинстве случаев происходили на территории Армении. Потерпев поражение от турецкой армии, шах Аббас в 1603 году все-таки начал новую войну против Турции, обернувшуюся трагедией для армянского народа. Он решил согнать с родных земель все население Восточной Армении и переселить его в Персию. Тем самым шах Аббас думал поймать сразу двух зайцев: с одной стороны, осложнить продвижение турецкой армии, нуждавшейся в пополнении продовольственных запасов, по безлюдным, опустошенным армянским землям, с другой — переселение в Персию трудолюбивых, предприимчивых, знавших толк в сельском хозяйстве, ремесленничестве и торговле армян сулило ряд экономических выгод.

Шахские головорезы дикой сворой налетели на Араратскую долину, подняли с отчих, насиженных земель тысячи мирных жителей и погнали их в далекие чужие пределы.

Такое же злодеяние персидский тиран совершил и в Грузии. Опустела плодородная богатая Кахети. Вместе с домашним скотом и жалким скарбом люди

под зычные понукания кызылбашей все дальше и дальше уходили от родных мест. Небеса, одни только небеса слышали их горестные стенания! Небольшая часть населения все же сумела укрыться в неприступных горах, сбиться в отряды и мстить врагу. Обозленный шах заселил Кахети тюркскими племенами. Пришла в упадок экономика, виноградники были вырублены, цветущая Алазанская долина превратилась в огромное отгонное пастбище. Как сосчитать, сколько было пролито крови, сколько загублено невинных жизней?!

Черные дни переживала и Армения. Жители оказывали яростное сопротивление насильникам. По приказу шаха любое неповиновение каралось смертью, но люди предпочитали героическую гибель рабству.

Переселение 350 тысяч армян в отдаленные районы Персии проходило не так легко, как предполагал поначалу шах Аббас. По безводным пустыням, в немилосердную жару, под палящими лучами солнца людям нужно было пройти более тысячи километров. И они шли, шли днем и ночью, смирившись со своей трагической судьбой. Сплошным потоком длиной в сорок и шириной в пятнадцать километров текла эта огромная человеческая лава на юго-восток. У многих ли в душе теплилась надежда, что там, под чужим небом, они смогут начать новую жизнь?

Среди тех, чью волю, стойкость, мужество персы так и не смогли сломить, были гарнийцы. Они укрылись в своей твердыне, рассеялись по окрестным ущельям и дали клятву до последней капли крови биться с персами. Осадное кольцо врагов день ото дня сужалось — словно огромный питон сжимал горстку отважных защитников крепости. Иссякали боеприпасы, кончалось продовольствие. Но никто не желал сдаваться! Оставался единственный выход — смерть. Смерть на родной земле! Как отличается она от той, которая где-то в Месопотамии настигла Джелал-эд-Дина.

«Многие девушки и женщины, между позором и смертью выбравшие последнюю, взбегали на высокие скалы и, закрыв глаза руками, бросались в пропасть» — читаем мы в одном историческом труде.

Нужно ли что-нибудь добавлять к этим словам?

Шоссейная дорога по-прежнему тянулась ^{вверх,} Восставший из пепла новый Гарни с его яблоневыми и персиковыми садами остался позади. Через несколько минут наша машина въехала в глубокое ущелье, со всех сторон замкнутое отвесными скалами. Внизу по дну ущелья бежала речка Азат.

Азат! У армян и грузин много общих слов. Вот и слово азат в обоих языках значит одно и то же — свободный. Нет, наверное, ничего удивительного в том, что стремительный бег прозрачной воды армянин-труженик отождествил с этим прекрасным гордым словом.

На скалистых склонах не видно никаких признаков жизни, лишь потревоженные ящерицы, проворно перебежав дорогу, тут же исчезают в придорожных камнях.

Более полутора тысяч лет тому назад появились в этих горах первые монахи-отшельники, исповедовавшие христианское вероучение. Пришли они сюда, видимо, из Араратской долины, истоптав не одну пару башмаков в поисках скрытого от людских глаз глухого места. Здесь, в отрогах Гегамского хребта, пустынники нашли то, что искали. Они выстроили маленькую часовню и в заботах о спасении души отошли от мирской жизни.

Далекий, но отчетливо различимый в толще времен четвертый век! Еще жив царь Трдат, при котором Армения приняла христианство. За ним, правда, тоже числятся грехи. Это он был виновником мученичества Рипсима и Гаянэ, он заключил Григория Просветителя в темницу. Но небо воздало ему по заслугам, и теперь, каясь, он рушит языческие капища и воздвигает христианские храмы. Жива и сестра Трдата. По ее велению в окрестностях Гарни выстроили царский летний дворец. Это пора, когда великий монах-просветитель Месроп Маштоц выводит на пергаменте первые буквы армянского алфавита. Неустанно трудясь в келейной тиши, Месроп Маштоц знал, что его детищу суждено великое будущее. Предчувствие не обмануло его. Буквы, выведенные его рукой, обрели плоть и

кровь в бессмертных произведениях армянской литературы.

Пути и перепутья истории. Кончается одна эпоха, рождается другая. Рождается, как все новое, в муках и страданиях. Сколько еще ухабистых дорог впереди! Но брезжит в расступающейся мгле ровный прямой путь.

Гегардский монастырский ансамбль был построен, отмечают армянские историографы, в XII—XIII веках на месте отшельнического скита. Об этом свидетельствует и надпись на одной из монастырских стен. Несмотря на многочисленные опустошительные вторжения врагов в Армению, ансамбль прекрасно сохранился до нашего времени, по сей день является действующим центром церковной службы и, наряду с культовыми сооружениями Татева, Санаина, Ахпата, Ахтамара, представляет собой выдающийся памятник национального зодчества.

Откуда произошло это название — Гегард? Кстати, вначале монастырь назывался Айриванк — «пещерный», а уж потом его окрестили Гегард в знак того, что здесь, согласно преданию, хранилось копье, которым римские легионеры пронзили распятого на кресте Христа.

Нет сомнения: окропленное кровью Спасителя копье имело для армянской церкви такую же великую ценность, как для грузинской — его хитон. Поэтому глубоко символично появление на этих священных местах обеих стран блистательных архитектурных памятников — Гегардского монастыря и мцхетского кафедрального собора Светицховели.

Дорога к монастырю, словно вырубленному из огромной горной глыбы, идет под уклон и вьется вдоль юркого Азата. Все вокруг веселеет. Вот уже и травка пробивается по берегам реки, то здесь, то там тянутся вверх невысокие деревца. Чем ближе мы подъезжаем к истоку Азата — он берет начало где-то совсем поблизости, — тем сочнее становятся краски окружающей природы. Даже не верится, что всего в сотне-другой метров отсюда стоят только ветром да дождем исхлестанные скалы.

У полого ската горы дорога кончилась. Мы вышли из «Волги», Серго ловко припарковал ее рядом с

другими машинами и автобусами. Их немного — туристский сезон еще не начался.

Наверх, к монастырю, все поднимаются пешком. Есть в этом недолгом восхождении своя особая прелесть. Ты поднимаешься преисполненный благоговения и глубочайшего уважения к людям, которые в тревожную мрачную пору возвели это святилище и заветовали потомкам беречь его как могучий символ бессмертной веры народа!

На фоне складчатой серой скалы, театральным занавесом сбегающей вниз, бледно-розовый монастырь с его островерхими куполами выглядит чудесной росписью художника. Крепостная стена из бутового камня довольно высока. Сколько раз пытались взять ее приступом орды кровожадных пришельцев, но под градом стрел и потоками кипящей смолы отступали назад. Отступали и вновь набрасывались на Гегард. Он мнился им хранилищем несметных сокровищ. И если все же одержимые яростным желанием прибрать к рукам эти сокровища арабы, персы, монголы или турки после долгой осады врываются в монастырь, то вместо ожидаемой добычи — золота, серебра, драгоценностей — они находили только рукописи с непросохшими еще чернилами.

В течение многих веков Гегард был одним из важнейших религиозных и научно-культурных центров Армении. Философы, математики, астрономы, историки, писатели жили и творили в его стенах, делились своей мудростью с алчущей познаний молодежью.

Задумавшись над исторической судьбой народов стран, которые одиноко стояли на аванпостах христианского мира и посему непрестанно подвергались разорительным набегам иноверцев. Ценой неслыханных жертв оплатили народы этих стран право своего существования в подлунном мире. Как ни разоряли завоеватели их земли, как ни истребляли физически, вольнолюбивое сознание народов осталось неколебимым. Они не сгнули в темных пучинах истории, а напротив — выстояли, сохранили свою самобытнейшую культуру, веру, язык и причалили к берегу новой жизни.

Многое вынес на своих плечах армянский народ, но не согнулся под тяжелой ношей; всю свою боль, все свои чаяния и радости воплотил он в изумительных

произведениях искусства и архитектуры. Гегардский монастырь — одно из них. Ансамбль включает в себя несколько строений. Доминирующее пространственное положение занимает высококупольный храм Святой Мариам с позднее пристроенным к нему входом, вырубленными в скале часовенками, кельями и усыпальницей. Как и большинство культовых сооружений в Армении и Грузии, в поперечном разрезе он имеет крестообразную форму.

Главный Гегардский храм, согласно настенной надписи, построен в 1215 году, когда Восточная Армения территориально входила в состав земель грузинского царства, и ею управляли амирспасалары Мхаргрдзели, имевшие резиденцию в Лори. Портал, барабан купола, оконные наличники и весь южный фасад храма покрыты характерным для христианской традиции Закавказья филигранным орнаментом с преобладающими мотивами виноградной лозы, оплетенной ветвями граната.

Вдоль ограды и у южной церковной стены разместилось несчетное количество хачкаров — выдающихся образцов армянского национального искусства резьбы по камню. Хачкары («хач» — крест) — это богато орнаментированные камни, которые с незапамятной поры устанавливались в ознаменование каких-либо важных исторических событий или же — в качестве надгробий на могилах именитых людей. Впоследствии хачкары стали возводить и по другим поводам, хотя назначение и глубинный смысл этих памятников народного творчества остались неизменными — на могилах они были надгробиями, в общественных местах — обелисками.

При изготовлении хачкара мастер должен соблюсти одно непреложное условие: под высеченным на плоскости крестом наносится изображение круга, символизирующего непрерывную связь времен. В остальном мастеру предоставлена полная творческая свобода. Более того, в хитросплетениях причудливых арабесок он обязан следовать лишь своему воображению. Вот почему знатоки утверждают, что даже при профессиональном дотошном сравнении, допустим, тысячи армянских хачкаров, сложно обнаружить не только их фактурное сходство, но и просто повторение художественно-выразительных решений. Чудесное искусство

древних каменотесов не забылось в сегодняшней Армени. Современные мастера могли бы составить достойную конкуренцию знаменитым варпетам прошлого.

Во второй половине XIII века Гегардский монастырь был приобретен княжеским родом Прошьянов. Они устроили здесь фамильную усыпальницу и возвели несколько новых зданий.

Гегардский храм Святой Богородицы отличается своеобразной архитектурной особенностью: одной из стен служит ему отвесная скала. В самой скале вырублены две пещерные церкви, а над ними находится фамильный склеп Прошьянов. В одной из сказочной красоты часовен с юго-западной стороны главного храма имеется надпись. Надпись гласит, что храм построен в 1283 году. Здесь же у задымленной в огарочных подтеках стены бьет родничок, прозрачная, ледяная вода которого по сей день считается живительной.

Поодаль, вверху на стене оттиснут фамильный герб Прошьянов; он же встречает вас и над входом с южной стороны церкви.

Что запечатлено на гербе самолюбивых гордых Прошьянов? Над рельефным изображением бычьей головы — пара скованных цепью львов, в нижней части — распростерший крылья горный орел держит в когтях ягненка.

Расшифровать аллегория нелегко. Тем более, неспециалисту. Что означает это странное соседство бычьей головы и скованных цепью львов? Неясно и значение нижней половины геральдического знака, хотя здесь попытка кое в чем разобраться не выглядит такой уж бесплодной.

1283 год! Кроме увековечивания факта покупки монастыря новым владельцем, эта дата имеет, по-видимому, еще какой-то скрытый смысл, указывающий на важные обстоятельства.

Что могло случиться? Зачем понадобилось крупнейшим средневековым феодалам Мхаргрдзели продавать родовое имение? Неужели они утратили свое могущество, невиданных высот достигшее при царице Тамар, оказались в немилости у новых повелителей и обеднели до такой степени, что решили расстаться с Гегардом?

Ответить на все эти вопросы непросто. С уверен-

ностью: можно сказать только одно: и Грузия и Армения переживали тогда трудные времена. Еще не оправившись от опустошительных набегов хорезмшаха Джелал-эд-Дина, они вновь оказались в пламени войны, развязанной Тимуром. Его чудовищная жестокость превосходила все злодеяния прежних завоевателей.

Тимур был сыном безродного простолюдина. Свое восхождение к власти он начал со службы простым десятником-наемником в татарском войске. В одном из боев Тимура ранило в ногу, он охромел и с тех пор получил прозвище «Ленг» — хромой. Вскоре Тимурленг покорил всю Среднюю Азию, сделал Самарканд столицей своего государства, а себя провозгласил эмиром. Орды кочевых монгольских племен, устраивающие набеги на Грузию и Армению, приобрели в лице Тимура опасного противника.

В 1386 году над обеими странами разразилась новая буря: из Средней Азии через Персию вторглись полчища Тимурленга. Пали Нахичевань и Гарнийская крепость. Путь к Араратской долине был открыт. Мирное население снималось с обжитых мест и искало спасения и пристанища в Сасунских горах.

Тимурленг известен как могущественный полководец и неумолимый, жестокий деспот. Вот ужасный пример свирепости хромого властелина Востока: после одной из битв он приказал отсечь головы тысячам побежденных, переправить в Самарканд и построить там из них мечеть. Приказание было выполнено и, как гласит легенда, мечеть эта стала любимым местом религиозных обрядов эмира.

Тимур несколько раз совершал походы на Грузию, но так и не смог покорить ее до конца. Основной ареной битв в этих походах становились долины Армении и именно ее жителям приходилось первыми принимать удар на себя.

Вернемся к рассказу о высеченных в скалах церквах. Мастера начинали с высечки в верхней части скалы круглого отверстия и там, согнутые в три погибели, продолжали рубить упругий камень, постепенно спускаясь вниз. Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год! Кайлили они, вероятно, не как бог на душу положит, а по заранее продуманному плану, ибо трудно вообразить, что работы такого порядка могли вес-

тись стихийно. С раннего утра до позднего вечера трудились мастера. Скучного монашеского пайка едва хватало на то, чтобы заглушить чувство голода и с новыми силами вгрызаться в скалу.

Ходишь сегодня по церковным переходам, смотришь на взметнувшийся в отвоеванное у камня пространство купол, трогаешь рукой мощные колонны, несущие на себе всю тяжесть скальной породы — и изумление, нет, рождается в тебе, а какое-то сокровенное благоговение перед разумом, добрым стремлением и десницей человека-созидателя.

Кто были эти мастера-подвижники? История не сохранила их имен. Увы, подчас она проявляет удивительную забывчивость. Твердо мы знаем лишь только одно: они были сынами армянской земли. Разве этого мало? И если так, значит живы и поныне варпеты Погосы, Хачики, Ерванды! И будут жить, пока клокочет в гортани армянское слово, пока строки Туманяна врачуют изболевшуюся душу, пока звучит божественная музыка Комитаса и пока ежегодно двадцать четвертого апреля нескончаемым потоком движутся люди к Цицернакаберду!

9

У ворот Гегарда, на монастырской стене виднеется белая мраморная доска. Тисненая вязь армянских букв обращена ко всем переступающим порог святилища. Она сообщает, что монастырский комплекс, страдавший в течение долгих веков от разрушительных вражеских нашествий, а также в результате стихийных бедствий был сильно поврежден и нуждался в реставрационных работах. Гражданин США Эдуард Марцикян, армянин по национальности, повинувшись немолкующему голосу совести, передал Эчмиадзину крупную денежную сумму с просьбой употребить ее на восстановление Гегарда.

Патриарх-католикос Вазген I с благодарностью принял пожертвование Марцикяна — в Гегарде широким фронтом развернулись реставрационные работы.

— Интересно, а был ли этот добродетельный американец в родной Армении? — спросил я Геворка Хачатряна.

— Затрудняюсь сказать, — ответил Геворк, смутившись, словно он должен был знать об этом. — Не могу утверждать, что его родители и уж, конечно, сам Эдурд Марцикян родились не в Армении.

Да! Простыми понятиями, впрочем, как и научными категориями тут не обойдешься. Какие силы природы объединяют малые или большие группы людей в единый монолит и связывают их одной беспокойной судьбой? Народ? Родина? Вроде бы все объяснили, всему дали свое определение. Но главная тайна, до сих пор непостижимая умом, остается тайной. Она растворена в недрах общества, и разгадка ее так же сложна, как непредсказуем, неразрешимо сложен ход небесных тел, а, может быть, даже сложнее, ибо сфера человеческой души гораздо недоступнее для нашего познания, чем бездна Вселенной!

Незаметно промелькнули обратные километры. Весенний Гарни, арка Чаренца, разбросанные по горным склонам селения — и вот уже вдали показались окраинные массивы Еревана.

— Не устали? — участливо спросил меня Геворк. — Может, поедем в «Раздан», пообедаем, часа два отдохнете, а вечером продолжим знакомство с Арменией.

— Кажется, я злоупотребляю вашим временем, — встревожился я. — Вы сами устали, да и в тягость, наверное, сотый раз видеть одно и то же!

— Ошибаетесь, — не согласился Геворк. — Сегодня, например, мне вдруг открылись такие вещи, которые я раньше и не замечал.

— Что ж, стало быть, выбор остается за мной?

— Конечно!

— В таком случае продолжим путешествие. Что до обеда, перенесем его на вечер: времени у нас и так мало.

— Так куда же мы едем? — поинтересовался у меня Геворк.

— Я бы хотел сначала увидеть Эребуни, а потом купим цветы и поедем в парк Комитаса: не могу не поклониться праху погребенных в Пантеоне.

Не так давно Ереван отметил свое 2750-летие. Столь почтенный возраст одного из древнейших городов Востока удалось установить археологам, обнаружившим при раскопках на холме Арин-Берд, что в

юго-восточной части Еревана, урартскую клинописную надпись. Она высечена на массивном, грубой породы камне и датирована 782 годом до нашей эры. Читаем: «Бога Халди величием Аргишти, сына Менуа, эту мощную крепость построил, установил для нее имя Эребуни во имя могущества страны Биаинили и в устрашение ее врагов...»

В дни широких юбилейных торжеств копии этой надписи были выставлены в центре города перед зданием исторического музея, и каждый желающий мог познакомиться с ее содержанием.

У историков есть еще одно свидетельство, в котором Аргишти несколько полнее сообщает о возведении цитадели, причем под названием Эребуни подразумевается не только сама крепость как таковая, но и весь город, основанный могущественным царем. Город Эребуни страны Биаинили, по свидетельству Аргишти, выстроен ради ее процветания и устрашения врагов. И далее: «Пустынна была земля, большие дела я там совершил, шесть тысяч шестьсот воинов из Хате и Цупана поселил на этих землях...»

Многое здесь выглядит непонятным не только для меня, человека несведущего, но и даже для опытных исследователей истории древнего Востока. Непривычно звучат названия таких стран, как Биаинили, Хате, Цупан. Кто эти древние народы, в острастку которым был построен Эребуни, что за воины, ставшие по воле Аргишти его первыми жителями? Есть ли здесь прямая родственная связь между ними и армянскими племенами, спустившимися со временем по разным причинам к южным берегам озер Вана и Урмии?

Вопросы эти ставились, наверное, не раз. И все же, если беспристрастная наука признает, что Ереван и Эребуни — суть одноименные понятия, то нам можно надеяться на окончательное прояснение всех обстоятельств, покрытых доселе таинственным флером истории.

После падения Урарту Эребуни еще долгое время сохранял важное значение города-крепости, расположенного на основных стратегических и торговых путях Востока. Его фортификационные сооружения, отдаленно напоминающие позднесредневековый Виндзорский замок, прекрасно выглядят и сегодня. Причина такой

сохранности ясна: многометровый слой земли в течение долгих столетий надежно защищал Эрбунни от разрушительных атмосферных воздействий.

Как тут не произнести слова благодарности в адрес археологов?! Им, несомненно, стоило титанических трудов явить на свет божий древнюю цитадель. Ведь прежде, чем приступить к непосредственным изысканиям, нужно было точно определить место работ, вывезти тонны бросового грунта, с максимальной осторожностью обнажить каждый культурный земляной пласт.

На пороге своего заката Урарту, как известно, стал яблоком раздора для многих воинственных народов. С юга его одолевали ассирийцы, на смену им пришли мидийцы; из причерноморских степей севера вторгались полчища скифских племен. Обессиленное в непрестанной борьбе с грозным ассирийским царем Саргоном Урарту после набегов мидийцев в 585 году до нашей эры полностью утратило свою государственность. Северную высокогорную часть страны разграбили скифы, а южные плодородные земли достались выступившему на арену истории усилившемуся Мидийскому царству.

Я бы не посмел утомлять читателя рассказом об этих давних событиях, если бы не одно обстоятельство: именно эти события в период распада Урарту предшествовали возникновению государства Армения с его первопрестольными городами — сначала Армавиром, потом Ервандашатом, затем Арташатом и, наконец, Двином. Что касается Еревана, то впервые этот топоним встречается в исторических документах начала седьмого века. В 607 году в столице Армении Двине католикос Абраам собрал церковный собор, среди участников которого, согласно записи историка Ухтанеса, был и представитель города-крепости Еревана.

В другом достоверном свидетельстве историк Себеос, описывая тяжелые последствия арабских нашествий, сообщает, что в 642 или же в 643 году арабы осадили Ереван, но мужественно сражавшиеся защитники города вынудили их отступить.

В истории Грузии, Армении и Албании трехсотлетнее арабское владычество отмечено черной вехой. Кочевые племена бедуинов подчинили себе не только

эти страны; они покорили всю северную Африку и укрепились на Пиренейском полуострове.

Долго еще пришлось бы страдать под тяжким арабским игом народам Армении, Грузии и Албании, не объединись они между собой в борьбе против общего врага. Все неотвратимей приближался час полного изгнания арабов с захваченных земель. Непрерывные внешние войны истощали Халифат, растущее народно-освободительное движение подрывало его изнутри, но, тем не менее, арабы были еще очень сильны и не отказывались так просто от завоеванных ранее территорий.

10.

Ловко вывернув из бесконечного потока машин, наша «Волга» подъехала к оригинальному зданию современной постройки с большими железобетонными колоннами цилиндрической формы на его фасадной стороне.

— Где это мы? — поинтересовался я.

— Вы же хотели купить цветы, — Геворк уже открыл мне дверь. — Подождите здесь немного, мы с Серго мигом обернемся.

— Нет, так дело не пойдет! — запротестовал я. — Мне нести цветы — мне и покупать! Но сначала, скажите, где мы? Что-то не могу сориентироваться.

— Рядом с проспектом Ленина. Там остановка запрещена, вот мы и свернули сюда. Это — музей современного искусства.

— А вот эти цилиндры: они — декор или как?..

— Как раз в них-то и расположена экспозиция. Сегодня мы не успеем, а завтра, если хотите, заглянем.

— Жалко быть рядом и не зайти. Все равно, что увидеть на полке книгу друга и не просмотреть ее.

— Нам простительно: время поджимает!

— Это единственный музей живописи?

— Это музей только современного искусства. Государственная картинная галерея, наш, так сказать, Лувр, находится на площади Ленина рядом с историческим музеем. Там мы должны непременно побывать. Ни один гость не уезжал из Еревана, не заглянув в нее! А здесь — образцы новейшего современного искусства. Художники несут их сюда прямо из своих мастер-

ских. И если вы будете преданным другом и частым посетителем музея, то обязательно поймете, куда, по какой дороге идут современная армянская живопись, скульптура, графика. Разве это плохо? Не скрою, мы гордимся нашим музеем, не у всех есть такие...

«Да, в том числе и у нас», — чуть было не вырвалось у меня. Какой там музей современного искусства?! Приличную, отвечающую всем требованиям дня картинную галерею — и ту до сих пор не имеем. Втискивают по-прежнему работы художников в прокрустово ложе кратковременных выставок, хотя всем уже ясно, что лучшие произведения — и старых и новых мастеров — давно заслуживают почетного места в постоянных экспозициях. И не залы должны диктовать свои условия картинам, а, наоборот, картины — залам!

— Центральный рынок рядом, пройдемся пешком. Там и цветы купим. Только поспешим, а то закроют, — сказал Геворк.

Вот уж не предполагал, что ереванские базары столь достопримечательны. Говоря это, я не имею в виду прилавки, заваленные вкусной снедью, терпеливо ждущей своего покупателя. Я имею в виду сами рыночные здания — эти современные караван-сарайи из розового туфа — подлинные архитектурные украшения городских микрорайонов.

Издали зубчатые стены центрального рынка с его массивными воротами похожи на средневековую монастырскую изгородь. Этот осовремененный архитектурный момент, по всей вероятности, восходит к стародавним традициям национального зодчества.

В ровную фасадную стену здания, окаймленную сверху трехгранным карнизом, вдоль которого крупными смоляными каплями выделяется длинный ряд оконных отверстий, врезана огромная сводчатая арка. Прорем ее заполнен декоративным ажурным витражом из легких металлических сплавов. По базальтовой лестнице поднимаешься на входную площадку, переступаешь порог — и неожиданно попадаешь в царство яркого дневного света: потоки его щедро льются из-за стеклянных потолочных перекрытий.

Торговые ряды параллельными линиями тянутся по всему залу. Чего только не увидишь здесь! Мясо, сыр, лаваш домашней выпечки, огненные связки пер-

ца! Ну, а уж о фруктах, которыми так знаменита Араратской долины слились здесь воедино в неповторимо прекрасный, благоухающий букет!

Геворк подошел к цветочнице — молодой женщине с красной косынкой на голове и что-то сказал по-армянски. Я снова услышал знакомое слово «враци». Так, значит, разговор шел обо мне. Женщина улыбнулась — сначала уголками губ, потом во всю ширь доброго приветливого лица, ее быстрые выразительные глаза радостно засветились, и я понял, что Геворк сообщил, для чего мне понадобились живые цветы. Благодарность, любовь, уважение — все вместе — тронули мою душу, когда женщина, склонившись над яркими головками роз, стала выбирать среди них самые пышные.

Цветочница, видимо, не знала русского языка, и Геворк незамедлительно приступил к своим обязанностям переводчика:

— Ашхен просит вас принять эти цветы в подарок. Не отказывайтесь и не предлагайте ей деньги, не то обидится.

Я взял букет, тут же достал из него крупную белую розу и в знак благодарности почтительно преподнес ее женщине. С цветком в руке она повернулась к Геворку, затем ко мне и, улыбаясь, произнесла короткую фразу:

— Будете в Ереване — захаживайте непременно, — перевел Геворк. — И, пожалуйста, поклонитесь за меня вашей земле!

У меня чуть слезы на глаза не навернулись!

— Чудеса! — сказал я Геворку в машине. — Слово не на базаре были, а в храме...

Темнело. На улицах уже зажглись лампы, когда мы подъехали к парку Комитаса и вышли из машины. В парке было шумно: отовсюду доносился веселый детский смех. Мамы и бабушки вместе со своими чадами прогуливались по широким аллеям.

Пантеон армянских писателей и общественных деятелей находится в конце парка. По всей вероятности, пантеон основан не так уж давно, ибо, судя по именам людей, обретших здесь вечный покой, все они

— наши современники, свидетели возрождения новой Армении.

Вот могила выдающегося художника, ¹⁶¹⁹⁸⁵³²³¹ большого друга грузинского народа — Мартироса Сарьяна. Словно вчера это было... Шестидесятые годы... Тбилиси... Персональная выставка Сарьяна... Всеобщее восхищение его солнечным искусством. В полотнах Сарьяна каждый находил что-то свое, родное, близкое — так бывает, когда вдруг в житейской суете обратишься памятью к далеким годам юности и выветлишь на мгновение душу. Радость от общения с творчеством Мартироса Сарьяна я могу сравнить разве что с таким же непередаваемо высоким чувством, которое охватило меня когда-то при виде выплывших из многолетнего, искусственно созданного небытия чудесных картин Ладо Гудиашвили. Два разных, могучих в своей неповторимости великих художника! Явит ли нам время еще что-либо подобное?!

— Как бы нам выкроить минуту и посетить дом-музей Сарьяна? — тихим голосом, боясь нарушить торжественную тишину пантеона, сказал мне Геворг.

— Это было бы великолепно.

Трехэтажный из розового туфа дом Мартироса Сарьяна, в котором художник провел последние годы своей долгой жизни, одновременно служил ему жильем и мастерской. После кончины мастера дом преобразовали в музей. ...Мольберт, натянутые на рамы полотна, волшебная палитра, кисти, краски — все, как при жизни Сарьяна. Только рука его уже никогда не нанесет мазка на чистый холст... Любовно составленные проспекты сообщают, что в доме-музее экспонируются лучшие произведения Сарьяна, за исключением тех, которые представлены во многих музеях нашей страны, а также хранятся в частных художественных собраниях.

...Аветик Исаакян! Вдохновенный певец искренних чувств и братского единения людей! Природа наделила его чутким сердцем, глубоким умом и ярким талантом. Жизнь автора знаменитой поэмы «Абул-Ал-Маари» была богата самыми разнообразными событиями, подчас весьма печальными. Он познал и неволю, и горький хлеб чужбины, но лишения не сломили

его; ибо путеводной звездой на тернистых дорогах жизни всегда светила ему судьба любимой родины!

...Божественный Комитас! В его гимнах звучит боль, скорбь и вера народа, на долю которого выпало множество испытаний. Отблески вечного огня памяти мы видим во всем творчестве Комитаса, испившего до дна злую чашу страданий родной земли. Музыка великого композитора встречает каждого армянина, являющегося в этот мир, и она же провожает его по завершении жизненного пути.

...Александр Таманян — провидец, первый увидевший розовый Ереван в зелени садов! Памятниками прославленному зодчему можно назвать все здания, возведенные по его замыслам. Но самый величественный памятник себе он воздвиг в сердце народа!

...Арам Хачатурян! Преданнейший сын Армении! Им он был при жизни, им остался и после смерти. Не столь важно, наверно, под каким небом, в какой среде живет человек. Главное, чтобы не омертвела его душа патриота, а сердце до конца дней билось в такт ровному дыханию Родины! В произведениях Хачатуряна — будь-то огненно-неистовая «Гаянэ» или исполненный тираноборческих мотивов «Спартак» — живет поистине народный дух, по которому можно безошибочно определить национальность автора.

Много лет назад, в Германии, в городе Эйзенахе, где родился Иоганн Себастьян Бах, довелось мне посетить средневековый замок тюрингских ландграфов — Вартбург. В одном из старинных залов с давних времен проводятся концерты выдающихся деятелей мировой музыкальной культуры. Участие в так называемых «вартбургских концертах» является признанием творческой самобытности маэстро, подтверждением его исключительного авторитета в мире музыки. Здесь, в концертном зале Вартбурга, за дирижерским пультом стоял Арам Хачатурян. Среди высеченных на стене зала имен величайших композиторов и исполнителей, когда-либо выступавших в Вартбурге, значится и его имя. Кстати, перечень этот начинается с имени Рихарда Вагнера, Листа...

...Уильям Сароян, большой американский писатель двадцатого века! Писал он на английском языке, родился и жил на чужбине, вдали от Родины, но боль

ее всегда носил в сердце и никогда не забывал о родных корнях, не в пример некоторым соотечественникам-американцам. В свой последний приезд в Армению Сароян долго неотрывно, будто в предчувствии вечной разлуки, смотрел на Арарат, на Араратскую долину, так часто приходившие к нему в снах. Предчувствие не обмануло писателя... Уже будучи тяжело больным, он завещал похоронить себя в теплом лоне армянской земли. Сароян был мудрый человек и лучше иных политиков знал, что только родина по-настоящему оплакивает своих сынов.

Соотечественники Сарояна, люди разного миропонимания, разных социальных унастроений, сделали все, чтобы исполнить последнюю волю писателя. Прах Сарояна перевезли через океан и предали родной земле. Подвигнув людей на это благороднейшее дело, Уильям Сароян обратил во славу родины даже собственную смерть!

Был поздний вечер, когда я открыл двери гостиницы, вошел, поприветствовал строгую администраторшу с ярковыкрашенными волосами и попросил ключ от номера. Она протянула мне ключи и записку. Тетрадный листок до половины был исписан крупным ровным почерком. Я удивленно вскинул брови — записка была на армянском языке.

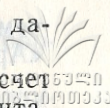
— Одну секунду, — сказал Геворк и взял записку. — Это мне от Вардгеса. «Куда вы запропалились? — начал читать Геворк. — Мы дважды посылали за вами, но вас и след простыл. Так не годится! Завтра с утра съезжаются гости. Освободиться не смог. Если батони Реваз не против, завтра часов в одиннадцать приезжайте в Союз. После полудня встретимся в Аштараке.

— Стало быть, наши завтрашние планы меняются?

— Ни в коем разе. С утра заглянем в Союз, возьмем пригласительные билеты и сувениры, а потом мы свободны. Вардгес будет ждать нас в Аштараке. Это его родной город. Кстати, Аштарак — родина многих замечательных деятелей армянской культуры и науки.

— Например?

— Ну, скажем, там родился президент нашей Академии наук Амбарцумян, выдающийся ученый-астроном.

— Да, для одного города вполне достаточно. А далеко он от Еревана?

— Нет. В Армении, к сожалению, уже давно идет не на сотни, а на десятки километров. До Аштарак-а километров тридцать, не больше. Всего полчаса езды.

Выяснив таким образом все интересовавшие нас вопросы, мы тепло распрощались до утра.

II

Со стороны Театральной площади на аштаракскую дорогу можно выехать по широкому проспекту Маршала Баграмяна. Промелькнут за окном недавно возведенный прекрасный архитектурный ансамбль Академии наук, расположенное на небольшом возвышении здание Центрального Комитета Коммунистической партии республики — и вы окажетесь вблизи еще одного своеобразного архитектурного сооружения — подвалов Ереванского винного комбината.

Строительство их началось в тридцатые годы, затем было прервано войной и возобновилось лишь после ее окончания. Наконец в 1961 году новые винные подвалы, сооруженные в традиционно-классическом стиле, передали в законное пользование тресту «Ара-рат».

Место для подвалов на берегу Раздана выбрано неслучайно. Еще много лет назад искушенные армянские виноделы устроили здесь хранилище — по тем временам довольно крупное и хорошо оборудованное, — в котором ожидали своего часа пузатые бочки с игристым виноградным вином и знаменитым коньячным спиртом. Строители произвели реконструкцию старых подземелий, оснастили их современным оборудованием и увенчали надземным монументальным зданием.

Необычайно разветвленная сеть подземелий — под стать римским катакомбам — вызвала искреннее удивление еще до нынешней реконструкции. Максим Горький, гостивший в Ереване в конце двадцатых годов, после посещения винных подвалов записал в книге отзывов: «...гораздо легче ступить на вершину Арарата,

чем без посторонней помощи выбраться из подвалов «Арараттреста».

В одном из бесчисленных коридоров ереванской «винотеки» ваше внимание обязательно привлечет мемориальная доска. О чем, казалось бы, может она возвещать? Сроки сооружения подвалов, фамилии строителей — словом, краткая информация для любопытных? Подходишь ближе, читаешь и узнаешь нечто неожиданное: здесь в 1827 году впервые в Российской империи была поставлена пьеса Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума». Разве не удивительно? Комедия, которую в силу ее антикрепостнической направленности отказывались ставить императорские театры, обрела сценическую жизнь в Ереване?! И вместе с тем, разве не символично, что именно на армянской земле, во имя благополучия которой, по сути, Грибоедов и пожертвовал своей жизнью, впервые зазвучал голос поборника свободы, защитника высоких гуманистических идеалов — Чацкого?!

В конце двадцатых годов прошлого столетия Российская империя вступила в войну с Персией. Русские войска под командованием фельдмаршала Паскевича после упорных боев овладели Эриванью и положили конец персидскому игу в Армении. По Туркменчайскому мирному договору к России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства. За взятие Эривани фельдмаршал Паскевич, муж сестры Грибоедова, получил титул «графа Эриванского».

Но и после победы над Персией мир не воцарился на армянской земле. Весной 1828 года началась война между Россией и Турцией. Турки не выдержали натиска русских войск, мощными ударами занимавших вилайет за вилайетом. Тесть Грибоедова, губернатор новообразованной Армянской области генерал-майор Александр Чавчавадзе освободил Баязет и взял в плен Булул-пашу. Сдался победителям Ахалцихе — этот исконный грузинский город, превращенный турками в форпост своих северных границ. Под развевающимся боевым знаменем, со старинной походной песней на устах первым вошел в него полк грузинских гренадеров. Остановить русскую армию уже было невозможно. Всем недругам России стало ясно, что она в состоянии, если не с моря, то со стороны Анатолий-

ского плоскогорья ворваться в Малую Азию и сбросить турецкий полумесяц с купола Ая-Софии.

Летом 1829 года русское войско овладело Арзрумом — крупным городом Западной Армении и важным военно-стратегическим центром Турции. Население города, состоявшее в основном из армян-христиан, торжественно встретило освободителей. Фельдмаршала Паскевича внесли в городские ворота на руках. До Трапезунда оставалось рукой подать. Армяне окрестных городов и сел с оружием в руках поднялись на борьбу с ненавистными угнетателями. Пробыл час возмездия!

Встревожились англичане, французы и другие явные и тайные западноевропейские пособники Турции — все те, кого не устраивало усиление военно-политической мощи России, ее господство на Черном море. Чтобы каким-то образом ослабить результаты победоносного для России завершения войны, они прибегли ко всяческим ухищрениям за столом мирных переговоров в Адрианополе. И отчасти добились своего: Россия вынуждена была вернуть Турции ряд оккупированных областей, населенных преимущественно армянами.

С отчаянием обреченных восприняли западные армяне неутешительные итоги Адрианопольского договора. Стоило русскому командованию приступить к выводу войск из Турции, как озлобленные аскеры вновь стали терроризировать оставленное на произвол судьбы мирное армянское население. Спасение виделось армянам в заступничестве российского императора, в переселении на русские земли. С этой просьбой представительная депутация арзрумских армян обратилась к фельдмаршалу Паскевичу. Тот отправил фельдъегеря с донесением к императору в Санкт-Петербург.

Ответ не заставил себя долго ждать. Царь внял просьбе притесняемых турецкими фанатиками армян и милостиво позволил им переселяться на русские земли.

В то же время, планомерно проводя политику русификации окраинного населения империи, русское правительство собиралось в ближайшем будущем расселить вдоль своих южных границ сектантов-духоборов. Начиная с 1841 года в окрестностях озера Тапаравани стали появляться новые поселения с непривычными для этих мест русскими названиями — Богданов-

ка, Тамбовка, Орловка, Гореловка, Спасовка, Ефремовка, Родионовка, Троицкое...

...В Тбилиси был создан специальный комитет по переселению западных армян в Россию. В 1829-30 годах из районов Арзрума, Карса, Баязета в пределы Российского государства переселилось более 90 тысяч армян. Основная часть армян из Арзрума поселилась в районах Ахалцихе и Ахалкалаки, армяне из Карса поселились в Шираке, а из Баязета — на побережье Севанского озера. Турецкие армяне на шесть лет были освобождены от налогов и получили от русского правительства материальную помощь.

Большая заслуга в устройстве армянских переселенцев на новых землях принадлежала фельдмаршалу Паскевичу. Его имя, также как и имя Александра Грибоедова с благодарностью вспоминает весь армянский народ. Именно усилия Грибоедова как дипломата сыграли свою решающую роль при подписании Туркменчайского договора, по которому Иран не только уступил России Эриванское и Нахичеванское ханства, но и обязался выплатить контрибуцию в 20 миллионов рублей. Кроме того, Россия получила право иметь военный флот на Каспийском море и определенные выгодные льготы в торговле с Ираном.

В феврале 1829 года разъяренная толпа фанатиков-шиитов, недовольная исходом русско-персидской войны, подстрекаемая правительством, ворвалась в русское посольство в Тегеране и варварски истребила всю дипломатическую миссию. Плечом к плечу со своими соотечественниками до последнего мига защищался Грибоедов. Но силы были слишком неравны... Изуверы проволокли бездыханное тело русского посла по улицам Тегерана; только ночью армяне нашли и спрятали изуродованный труп.

Весть о злодейском убийстве Грибоедова потрясла не только русский народ. Скорбела Грузия; рыдала молодая вдова писателя, его безутешная муза — Нино Чавчавадзе; поминальным звоном колоколов откликнулась на эту смерть Армения.

В центре Еревана, на скрещении улиц Октомберянской и Ханджяна, среди просторной площади стоит бронзовый памятник Александру Грибоедову. Надпись

на постаменте емка и красноречива: «Александр Грибоедову от благодарного армянского народа».

Мы едем по перекинутому через Раздан трехпролетному каменному мосту Ахтанак. «Ахтанак» по-армянски — «победа». Мост был построен в ознаменование победы советского народа в Великой Отечественной войне. Могучие базальтовые опоры возносят его над глубоким ущельем. Внизу, меж замшелых огромных глыб, пенится бурливый Раздан. С высоты моста река кажется не такой уж большой. И в самом деле: зимой, ранней весной и, тем более, летом Раздан заметно мелеет, но с таянием снега, стоит заговорить первому апрельскому грому, пролиться южному безудержному дождю, как он стремительно раздается в ширину и настойчиво норовит вырваться из своего каменистого русла.

Вдоль ущелья на береговых вымоинах кустятся заросли ивняка и ольховника, ближе к верхней кромке, изогнув сухие темнокорые тела, нависают над пропастью старые чинары.

Ущелье Раздана, которое делит город на две почти что равные части, намеренно сохраняется в первоизданном, нетронutom виде. Архитекторам Еревана удалось создать великолепный ансамбль, в котором живая природа сочетается с рукотворными произведениями современного градостроительства.

В знойные летние дни Разданское ущелье заполняют, спасаясь от жары, сотни ереванцев и гостей города, чтоб окунуться в прохладные воды реки или постоять на ее берегах с удочкой. Раздан богат рыбой, клева нетерпеливому рыбаку ждать недолго: пять-десять минут — и в воздухе сверкает серебристой чешуей усач.

С Ахтанака взору открывается неповторимое зрелище. Весь Ереван виден как на ладони: расстояния — самые дальние — невероятным образом сокращены до малых размеров.

— Это озеро или искусственное водохранилище? — спросил я Геворка и показал на широкую водную гладь вблизи речного русла.

— Вообще-то мы морем его величаем, — с улыбкой ответил Геворк. — А на самом деле это водохранилище, оно орошает Араратскую долину.

— Красиво! Стало быть, у вас и море есть... А это что за здание по ту сторону, на скале?

— Коньячный завод. Если не ошибаюсь, построен в 1952 году. До этого коньяк изготавливали в подвалах «Арараттреста». Там в огромных дубовых бочках его выдерживали до нужных кондиций.

— А неужели сейчас технология изготовления изменилась?

— Вот этого не скажу. Я не любитель коньяка и, тем более — не знаток производства. Знаю лишь, что армянский коньяк — один из лучших в мире. Хотя и грузинский не во многом уступает ему.

— Французенка Лидия Дельт когда-то в молодости была секретаршей Матисса. Потом она занялась переводами Паустовского на французский язык, приезжала к нам в Грузию в гости к Ладю Гудиашвили. И вот что она мне рассказала.

— Интересно, — Геворк приготовился слушать.

— Коньяк — маленькая деревушка в Шампани. И этот напиток впервые появился именно там, причем при довольно странных обстоятельствах, совершенно случайно. Лидия Дельт возмущалась: как можно, мол, ваш бренди именовать нашим коньяком?! Это же все равно, если французские вина окрестить по-грузински — «Твиши», «Хванчкара», «Цинандали». Ведь названия соответствуют тем географическим регионам, в которых вина изготавливаются!

— Ну что же, она была права. Только вот интересно, при каких таких случайных обстоятельствах появился коньяк?

— Некий французский монах нашел в винном погребе богом и людьми забытую дубовую бочку. Открыли, глянули — спирт! Попробовали и...

— Ясно. Почти как в случае с ньютонским яблоком.

— Так, внизу я вижу стадион «Раздан» — ваш «семидесятитысячник». А вот той отреставрированной церкви, что стоит поодаль, интересно, сколько веков?

— На ее месте когда-то был пустырь. В детстве, помню, мы играли там в футбол. А церковь эта вовсе не старая, она построена в 1976 году по проекту архитектора Израеляна.

От удивления у меня глаза поползли на лоб.

— Вы шутите, Геворк, или мне послышалось?

Геворк непонимающе посмотрел на меня.

— Вы сказали, что церковь построена всего **лишь** десять лет тому назад?

— Да, так и есть.

Я вспомнил, в каких только смертных грехах не обвиняли Ладо Гудиашвили за роспись Кашветского храма. Правда, потом, когда страсти улеглись, работу эту поставили в ряд лучших произведений великого художника.

Геворк, кажется, никак не мог понять причину моего удивления.

— И на это не потребовалось разрешения правительства? — спросил я у моего спутника.

— И правительство, и главный архитектор города должны были дать свое согласие. В Ереване, если это не предусмотрено планом, камня заложить нельзя. Церковь пользуется у нас большим авторитетом. Правительство считается с ее интересами. Эта церковь Святого Саркиса, как и большинство церквей на территории республики, действующая. Во время религиозных праздников здесь идет торжественная служба. Нередко ею правит сам католикос Вазген.

— Мой первый приезд в Армению как раз совпал с таким большим религиозным праздником. Его святейшество Вазген в ту пору был только что интронизирован. Собралось несметное количество народа. Многие, наверное, приехали из-за рубежа. В общем, праздник, по-моему, скорее имел общенародное значение, нежели религиозное. Говоря это, я подразумеваю самобытную природу армянской церкви. Я не большой знаток истории религии, но скажу, что григорианство — ветвь христианской веры — религия подлинно национальная.

— Интересно, я даже как-то об этом не задумывался. Значит, вы говорите, что григорианство — религия национальная, а не космополитическая, и принявший ее или же крещенный по ее законам является армянином?

— Конечно, Геворк. Создание национальной религии, точнее, выделение ее из общего блока христианства — верное средство против ассимиляции народа. Армянские духовники это рано поняли, и я считаю, что

раскол грузинской и армянской церквей в шестом веке был, если не решающим, то далеко не последним событием по своему значению. Причины обособления армянской церкви, я думаю, кроются в политической ситуации того времени. Армянская разновидность христианства — григорианство — ограждало страну от религиозной аннексии Византии, от насаждавшейся в армянских церквях службы на неродном языке. Не случайно же в подвластной византийцам части Западной Грузии — Абхазии, богослужение велось на непонятном местному населению греческом. Это длилось до тех пор, пока в одиннадцатом веке царь Баграт III не приступил к централизации грузинских земель и мцхетская патриархия не объявила грузинский язык единственно обязательным для всех церквей страны. Армянам же григорианство помогло избежать подобного ущемления религиозных интересов.

— Значит, у наших предков были далеко идущие цели?

— Безусловно! После падения Византии на арену мировой истории выходит православная Русь. И хотя она не рвется за Кавказский хребет, шиитская Персия и суннитская Османья были очень обеспокоены тем, что единовенная с Русью Грузия может впустить в свои пределы грозного северного соседа.

— Религия религией, но, по правде сказать, григорианство не спасло нас ни от одной беды!

— Выскажу на первый взгляд парадоксальную мысль: Иран и Турция боролись с армянским народом, но не с григорианской верой как политическим институтом. Совсем по-другому дело обстояло с грузинским православием, которое воспринималось обоими хищниками как вероисповедание ненавистной им русской империи. Известно, например, что ахалцихские грузины-католики, а также грузины, обратившиеся в григорианство, не подвергались религиозным гонениям так жестоко, как их православные соплеменники. Шло время. В начале девятнадцатого века, когда Грузия присоединилась к России и государство с многовековой историей превратилось в Тифлисскую и Кутаисскую губернии, автоматически была упразднена грузинская автокефальная церковь, которая в 1811 году вошла в состав русской православной церкви на пра-

вах экзархата. Что же при аналогичных обстоятельствах произошло в Армении? Григорианская церковь стояла вне ортодоксального православия, различалась в догматическом и культовом отношении от русской церкви. Поэтому русский синод не мог посягнуть на ее независимость: лоно армянской церкви осталось неприкосновенным. Нельзя не считаться с реальной силой этого исторического факта. Позднее грузинские дипломаты, доставляя к императорскому двору России прошения своих царей, почти всегда передавали государю письма армянских патриархов-католикосов. И в тех и в других содержались покорнейшие просьбы облегчить незавидную участь обоих народов, страдавших от вражеских притеснений. Приятно сознавать, что престол армянской церкви, как и сотни лет назад, сегодня так же непоколебим... Куда направимся сейчас?

— В Аштараке нам останавливаться незачем, к концу дня мы все равно должны туда вернуться. Так что сначала заглянем в маленькое село Ошакан, а затем поедem к месту Сардарабадской битвы в Октемберянском районе. Кстати, Ошакан — это название вам ни о чем не говорит?

— К стыду признаться, нет!

— В Ошакане жил Месроп Маштоц — создатель армянской азбуки, причисленный к лику святых нашей церковью. Здесь он провел значительную часть своей жизни, здесь же и похоронен.

Как тут не проникнуться восхищением?! Какой еще из древнейших народов на земном шаре знает и помнит создателей своей письменности? В Армении помнят, чтут имя Месропа Маштоца. Вовек не зарастет тропа к могиле великого подвижника. Жизнь его — пример необычайнейшего самоотречения и мужества во славу любимой родины, во славу народа, которому он был предан до последнего дыхания!

В мире насчитывается всего четырнадцать алфавитов. Среди них армянский — единственный, не претерпевший за пятнадцать столетий существенных графических изменений. Сегодня армяне пользуются тем же самым письмом, которое было у них на заре христианской эры.

Хорошо это или плохо? Не мне, конечно, судить, но возьму на себя смелость утверждать, что если даль-

нейшее развитие цивилизации за столько веков не потребовало от созданного Маштоцем алфавита заметного усовершенствования, стало быть, он с самого начала таил в себе неограниченные возможности.

12

Едва мы выехали из города, как оказались среди раздольных виноградных полей, начинавшихся где-то позади нас и непрерывной линией тянувшихся вдаль к горам Арагаца. Весенняя страда была в разгаре; солнце палило всюю, но на строгих, очерченных проточинами каналов прямоугольниках земли то там, то здесь мелькали люди. Все были заняты делом: кто мотыжил почву, кто обрезал лозу, кто вносил удобрения. Словом, будто и не выезжал я из своей родной Грузии! Хотелось остановиться, подойти к этим людям, побеседовать с ними, узнать, как они живут, на что надеются, чему радуются, о чем тужат...

Великолепную шоссейную дорогу разделял надвое широкий газон. Мимо нас, монотонно шурша шинами, проносились легковушки, тяжело урчали на подъемах грузовики. Слева от дороги завиднелись купола ректоров и корпуса административных зданий Мецамо-ра — Ереванской атомной электростанции, занимающей несколько десятков гектаров равнинной земли.

Можно представить себе отчаяние мецаморских крестьян, когда мощные бульдозеры полосовали плодороднейшие поля, корежа и погребая под комьями земли хрупкие ростки виноградной лозы. Но что поделаешь, время властно врывается в нашу жизнь! Рано или поздно человечество должно изыскивать новые источники энергии взамен истощившихся. Нельзя держать на голодном энергетическом пайке современный цивилизованный мир. Иначе заглохнут двигатели, погаснут огни, исчезнет все то, что до этого считалось само собой разумеющимся. Жизнь остановит свой стремительный бег, а то, чего доброго, попятится назад.

Мирный расщепленный атом, преобразуемый в мощнейшую тепловую энергию, уже стоит на службе народного хозяйства Армении. Львиная доля вырабатываемой в республике энергии, несмотря на обилие

гидротехнических сооружений, приходится именно на атомную электростанцию; вклад Армении в общеэнергетический баланс Закавказья неизмеримо высок.

— Уже и лет немало прошло, а до сих пор непривычно жить рядом с пороховой бочкой, — сказал Геворк. — Хотя умом понимаешь: иначе нельзя.

Если, говоря об атоме, задаваться вопросом «или-или», он будет звучать чисто риторически, ибо уже давно решен однозначно: человек должен покорить атом, как когда-то на пороге развития цивилизации одомашнил собаку и буйвола, приручил огонь.

Через полчаса, перевалив за каменистый холм, мы подъехали к теснинному — точно у Раздана — руслу Касаха. За серебристо-проворной лентой реки, на правом приподнятом берегу, в зелени субтропиков пестрел разноцветными крышами своих домов Аштарак. Из примет древности в нем осталось несколько церквей, построенных в разное время. Сравнительно широкий каменный мост через Касах относится к тринадцатому веку. Последний раз он перестраивался в шестнадцатом столетии и, кто знает, может быть, по нему несколько позднее прошла часть несчастных из тех трехсот пятидесяти тысяч армян, угнанных шахом Аббасом в Персию. Прошла, чтобы больше никогда не вернуться на родную землю...

Сегодня Аштарак — это одетый в туф современный город с красивыми прямыми улицами, театром, домами культуры, парками и садами.

Слово «аштарак» переводится как «башня». На это название города еще в свое время обратил внимание большой знаток армянской старины академик Нико Марр. По его мнению, топоним «аштарак» языческого происхождения. На месте города, по всей вероятности, когда-то стояло языческое капище в виде башни, в которой древние армяне совершали религиозные отправления во славу божества-дракона. Состоятельность этой версии подтверждают и древнеримские карты: на них Аштарак именуется Штранг-Уреем, то есть городом-драконом. Но вполне возможно, что поводом для такого названия стало неистовое мужество жителей Аштарака, отчаянно защищавших свой город от римских легионеров. Это тем более правдоподобно, если вспомнить, что первые четыре века христианской

эры Армения во времена царствования Аршакидов. была ареной непрерывных кровопролитных войн между Сасанидским Ираном и могущественным Римом, которые стремились установить свое господство на Ближнем Востоке.

В огне разорительных войн армянское государство ослабло: экономика пришла в упадок, захирела торговля. Ко всему прочему, страну раздирали внутренние распри. Крупные феодалы-нахарары из знатных родов Камсараканов, Багратуни, Арцруни не хотели мириться с единовластием и не раз восставали против царя. Основы централизованной государственности постепенно стали принимать чуть ли не формальный характер. Ничего удивительного: в любой стране во все времена феодал оставался феодалом. Со своей амбицией, со своими корыстными интересами, которые он ставил превыше всего. Только человек, одержимый квасным патриотизмом, в безотчетном историческом самолюбии может приписывать своим далеким пращурам-феодалам никогда не существовавшие достоинства, доказывая их непогрешимость, а возможную сословную порочность перенося на представителей других национальностей.

Превратность такого мнения очевидна: оно не приемлемо ни в изустной, ни, тем более, в письменной форме. Вот почему резкое несогласие у автора этих строк вызвала позиция русского писателя, тбилисеца по происхождению, Вермишева, который в своем романе «Амирспасалар» пренебрег вдумчивым анализом исторической действительности, грубо искажил ее суть, сбившись на бурьянную тропу субъективно-обывательского толкования фактов. Кстати, этот роман, посвященный жизни и деятельности Захария Мхаргрдзели, выпущенный «Воениздатом» под редакцией и с предисловием С. Злобина, так и не был переведен на армянский язык. Это ли не проявление подлинно дружественных отношений между нашими народами и самая верная оценка произведения, без особой заминки рискующего попасть в разряд пасквильных.

«Центробежные силы, — писал я в своей ответной пространной статье «Что разрушает дружбу...» — всячески противились созданию централизованного государства. Давид Строитель предвидел гибельные по-

следствия партикуляризма и, стремясь к централизации страны, самым решительным образом искореняя ее феодальную раздробленность... В осуществлении этой исторической миссии мудрый царь не полагался на помощь крупных, эгоистически самолюбивых князей; только ослабив их влияние, принизив значение феодалов в глазах народа, Давид мог упрочить свою власть и одновременно приблизить ко двору простых по происхождению, но способных людей, главным достоинством которых была готовность стать со своим повелителем рядом во всех начинаниях».

Какая бы благородная кровь ни текла в жилах феодала, он прежде всего неусыпный страж своих владений и скорее расстанется с жизнью, нежели со своим положением удельного царька.

Триста восемьдесят седьмой год черными буквами вписан в историю армянского государства. И разве не велика в том вина нахараров, которые так и не смогли поступиться своим корыстолюбием и объединиться под сенью единого державного знамени. Этого не произошло, и в одночасье страна, просуществовавшая шесть долгих веков, была разделена между Сасанидским Ираном и ненасытным Римом. Вот так и появилось на римских картах латинское название Аштарака, маленького городка, по всей вероятности, доставшегося завоевателям ценой невероятных усилий и потерь. Иначе не прозвали бы они его городом-драконом.

Но кто знает, может быть, Аштарак фигурировал у римлян под латинским названием еще раньше, за несколько веков до его захвата? Спросить бы об этом у Плутарха, автора «Сравнительных жизнеописаний» или у других римских историков! Плутарх был летописцем античной эпохи, апологетом ее культуры и редко выходил за пределы описания непосредственно связанных с ней событий. Тем более примечательно, что он не прошел мимо соблазна дать отдельные картины жизни армянского царя Тиграна Великого и понтийского венценосца Митридата Евпатора, поставив их в один ряд с другими замечательными историческими личностями. В «Сравнительных жизнеописаниях» имена Тиграна и Митридата тесно связаны с именами выдающихся римских полководцев Лукулла и Помпея. Долгое время с переменным успехом они вели войну про-

тив армяно-понтийского альянса — мощной, едва ли не единственной силы на Востоке, противостоявшей рабовладельческому Риму. Трудно удержаться от искушения пристальнее взглянуть в эти полные трагического мужества глубины истории, перечесть ее печально-радостные страницы, поведать о героической судьбе народов! Но рассказ наш слишком бы затянулся, поэтому я ограничусь упоминанием только одной детали, плотно прилегающей к мозаике тех далеких времен.

Кто хотя бы раз бывал во Мцхете, тот мог заметить в заузевшем русле Куры у железнодорожного вокзала выступающие из-под воды очертания каменного моста. Он исправно нес свою службу до тех самых пор, пока в конце двадцатых годов на Куре не выросла Земо-Авчальская гидроэлектростанция: вода поднялась и погребла мост под собой.

Недостаточно сведущий в истории человек вряд ли знает, что этот каменный мост, похожий на десятки других сохранившихся подобных сооружений, построен более двух тысяч лет тому назад и возведение его относят ко времени вторжения римских легионов в Грузию.

Легенда это или предположение? С безоговорочной убежденностью ответить сложно. Скажу лишь одно: исчезнувший в мутной воде Куры мост по сей день величают не иначе как мост Помпея.

Вот и Ошакан — типичное армянское село в окружении садов и виноградников. Но въезжая в это обычное село, невольно испытываешь вполне объяснимое волнение. К ожиданию встречи с землей Маштоца примешивается тайная горечь сожаления: благоденствуй Армения и во времена великого подвижника так же, как сегодня — сколько еще духовных и материальных ценностей создал бы ее умный, трудолюбивый народ.

Посреди села на площади стоит старинная базилика, построенная в честь Месропа Маштоца и названная его именем. Врата храма всегда открыты, богослужение идет изо дня в день. Но даже если церковь не была бы действующей, разве перестали бы люди со всех концов света идти по неостывающему следу к последнему пристанищу создателя армянской письменности?!

Преклонить колени перед могилой Месропа Маштоца значит — отдать дань уважения всему армянскому народу, ибо Месроп — его совесть, его внутренняя суть, его язык, его мученически пролитая кровь.

Каждый человек, приехавший в Ошакан, считает своим долгом спуститься в склеп рядом с церковным алтарем, где вот уже полтора тысячелетия покоится прах Месропа Маштоца и минутой благодарного молчания почтить его память. На стене склепа высечен армянский алфавит, осененный крестом. Во имя этих двух святых лучшие сыновья страны не задумываясь жертвовали своей жизнью.

Мы спустились в усыпальницу; на огромном надгробном камне лежали букеты полевых цветов. Кто их принес? Такие же гости, как я, или же потомки Маштоца, открывшие для себя мир, благодаря его письмам.

— Что скажете? — спросил меня Геворк, когда мы поднялись из холодного склепа наверх и вновь оказались в пропахшей ладаном, мерцающей свечами церкви.

— Вы знаете, такое впечатление, как будто мы прикоснулись к живой связи времен. И могила — не могила вовсе, а главное звено этой нескончаемой цепи.

— Не скрою, очень рад, что вы так говорите!

— А разве другие молчат? Как можно, находясь в Армении — этой библейской и вместе с тем современной стране, — скрывать свое восхищение под маской безразличия?! Наоборот, мне хочется распахнуть свою душу, чтобы все увидели, каким теплым светом сияют ее самые дальние излучины.

— Благодарю вас! Я думаю — это самый правильный путь к установлению дружеских взаимоотношений между людьми, между народами. Нужно выискивать не то, что разъединяет, а искать то, что сближает их. Некоторые, к сожалению, не всегда придерживаются такого мнения.

— Мы должны как можно лучше знать друг друга и никогда не опускаться до уровня обывательского мышления. Взаимоуважение удержит нас от любых необдуманных поступков, от желания бросать камешки в чужой огород.

— Вы считаете, этого достаточно?

— Вполне! Развитые народы, тысячелетиями жи-

вущие рядом, не имеют права вести себя иначе. Но кто должен первым делать шаги к сближению? Кто должен разрушить искусственно возведенные барьеры? Безусловно, писатели! Безусловно, ученые, в первую очередь, историки! Предстоит сделать гораздо больше, чем мы с вами, возможно, предполагаем. И еще об одном: как по-вашему, разве не следует осаждать тех псевдопатриотов, которые на каждом перекрестке громко кричат о превосходстве, допустим, всего армянского над грузинским или же наоборот? Неужели «все армянское», «все грузинское» или, если хотите, «русское», «французское», «английское» так идеально и неоспоримо? На первый взгляд, подобные витии в большинстве своем вроде бы обуреваемы искренним желанием оздоровить критикуемую нацию. Но избавь бог нас от таких врачевателей! По сути дела, стремление у них одно: искать и отыскивать истоки неблагополучия не в своем родном доме, а за тридевять земель. По природе своей я оптимист, и хотя оптимизм — часто ущемляемая категория, верю, что искренность, чистосердечие, благожелательность помогут нам преодолеть все препятствия. А добрых примеров у нас достаточно — и в прошлом, и в настоящем! Что вы скажете?

— Наверное, свои эмоции мы должны поверять знаниями.

— И я на том стою, Геворк!

— По-другому решить эту проблему невозможно.

— Все верно! Ну что ж, едем в Сардарабад?

13

22 мая 1918 года под Сардарабадом армянские рабочие и крестьяне дали решающий бой турецким захватчикам. Сардарабадское сражение, длившееся четыре дня, по своему значению для судьбы Армении часто сравнивают с Аварайрской битвой 451 года, в которой войска спарапета Вардана Мамиконяна героически противостояли во много раз численно превосходившим их персидским полчищам. Армяне потерпели неудачу, но для персов это была пиррова победа. Они убедились, что Армения никогда не даст надеть на се-

бя ярмо рабства, никогда не откажется от борьбы за свою независимость.

Пятнадцать веков минуло со дня тех трагических событий, но память об Аварайрской битве и поныне жива в народе. След ее настолько горяч, что, кажется, будто вчера тысячи армянских воинов обагрили своей кровью родную землю, и она безутешно оплакивает храбрых сыновей! Бронзовый монумент Вардана Мамиконяна, воздвигнутый в Ереване в 1975 году — это тоже память об Аварайре: вот-вот отважный спарпет вклинится на боевом коне в самое пекло сечи, замертво упадет и навсегда войдет в бессмертие, ибо прежде всего бессмертен его народ!

Весной 1918 года в Закавказье и, в частности в Армении, возникла исключительно напряженная политическая обстановка. Распался так называемый Закавказский сейм, объединявший в федерацию три основных народа края. Меншевистская Грузия, муссаватистский Азербайджан, дашнакская Армения объявили о выходе из этого блока и создали свои независимые государства. В России пылал пожар гражданской войны. Все туже стягивая осадное кольцо, интервенты с четырех сторон рвались в глубь страны. В Бресте велись переговоры о мире. Делегации России, возглавляемой Чичериным, было предписано во что бы то ни стало, пусть даже ценой территориальных уступок, добиться итогового мирного соглашения.

На юге не собиралась расставаться со своими захватническими планами Турция. Подобно притаившемуся аллигатору, она выжидала время, чтобы напасть на Закавказье и прибрать к рукам его земли, в первую очередь Армению. Гром грянул в мае. Вооруженные до зубов турки вблизи Арарата перешли Аракс и, заняв отвоеванный у них русскими в прошлом веке Карс, двинулись на Ереван. Всколыхнулась Армения: два дневных пеших перехода — и турецкая армия оказывалась у ворот столицы; конница могла преодолеть этот путь еще быстрее. Католикос-патриарх всех армян Гарегин с амвона Эчмиадзинского собора призвал народ вступить в священную войну с ненавистным врагом. Тревожным набатным звоном оповестили о ее начале церкви и монастыри Армении.

Был создан Национальный Комитет Спасения ро-

дины, во главе которого встал опытный военачальник, генерал царской армии Андраник. В его руках сосредоточилась власть над всеми вооруженными силами страны. Андраник быстро выработал план решительных действий: часть регулярных армейских подразделений заняла оборону в окрестностях столицы, другая же часть войска выступила навстречу вероломно вторгшимся в Армению аскерам. Генералу не пришлось долго объяснять ратникам смысл предстоявших боевых действий. Каждый из них знал: Отчизна в опасности и ради ее спасения был готов принять смерть.

Малочисленный авангардный отряд регулярных войск и шедшие с ним народные ополченцы встретили врага на берегу Аракса. Завязался жестокий бой. Османы не ожидали такого упорного сопротивления со стороны армян, и какова же была их ярость, когда вместо победного продвижения вперед, они не только отступили, но и оставили ранее беспрепятственно занятые села. Правда, спустя некоторое время башибузуки собрали силы и вновь обрушились на плохо вооруженных армян. Жаркая схватка возобновилась. Целые сутки сражавшиеся стороны теснили друг друга; из рук в руки поочередно переходили опустошенные полусожженные села.

Пока сыны отечества мужественно дрались с вражеской нечистью на берегу Аракса, часть армянской армии под началом Андраника возвела оборонительные редуты у Сардарабадского холма, замыкавшего все дороги к Еревану, и приготовилась дать решающий бой.

Силы были неравны. До зубов вооруженным турецким регулярным частям противостояла не армия, а скорее многотысячная масса людей — мирных жителей, никогда не державших в руках оружия, но по первому зову собравшихся под знамена священной борьбы с врагом. Лютая ненависть к нему удесятерила силы армян, а сознание великой правоты своего дела настраивало на боевой лад лучше, чем любая воинская выучка и самое совершенное оружие.

Турки надеялись без особых усилий прорваться к Еревану. Рассредоточив отборные части по краям своего войска, они атаковали фланги оборонявшихся армян. Генерал Андраник предвидел этот маневр и нанес

ответный удар. Рукопашная схватка продолжалась до самого полудня. И здесь турки дрогнули. Бегство их было паническим. Не многим удалось спастись от справедливой кары. Тысячи аскеров нашли смерть в Араратской долине.

На этом месте, у Сардарабадского холма, где 26 мая 1918 года в который уже раз за долгие века пролилась армянская кровь и решилась судьба страны, труженики Октемберянского района в 1968 году разбили мемориальный парк, в центре которого высится колокольня из кроваво-красного туфа. Каждый год 26 мая здесь проводится траурный митинг, посвященный памяти соотечественников, погибших в Сардарабадской битве. И несется над Араратской долиной — молчаливой свидетельницей роковых событий — торжественно-скорбный колокольный звон. Редкая армянская семья не потеряла при Сардарабаде кого-нибудь из близких или дорогих сердцу людей. Потому, как к семейному склепу, идут сюда люди поклониться борцам, отдавшим жизнь за свободу родной земли!

Колокольня стоит на широкой площади. От нее двумя рукавами ответвляется Аллея Славы, ровная прямая стрела которой упирается в широкую красную стену с высеченными на ней барельефами. По обеим сторонам Аллеи Славы на всем ее протяжении стоят бронзовые скульптурные изображения орлов со сложенными крыльями. В образах безмолвствующих мощных птиц передано светлое величие тысяч и тысяч безымянных героев Сардарабада. Многие из них обрели вечный покой в этой братской могиле; есть и такие, кто провел остаток дней вдали от родины и схоронил свои бренные кости в чужой земле.

Два года назад я путешествовал по Франции. На парижском кладбище Пер-Лашез мое внимание привлек один простой надгробный памятник. Какая-то необъяснимая сила остановила меня подле него. У подножия лежали цветы, принесенные, видно, в разное время: рядом со свежим благоухавшим букетиком роз покоились увядшие гвоздики. Памятник был не из новых, немолимое время оставило на нем свои отметины. Но кто же носит сюда цветы? Родственники? Друзья? Я приблизился, надел очки и взгляделся в надгробную надпись. Похоже, она была на армянском языке. Да, безусловно,

это армянский! Любопытство росло, и я обратился за помощью к служителю кладбища — высокому, сухопарому старику, который оказался армянином, бежавшим от ужасов геноцида в 1915 году.

— Вам интересно, кто здесь похоронен? — спросил он меня по-французски и выжидающе посмотрел на девушку-переводчицу. Та быстро перевела мне вопрос. — Да и что вам скажет это имя?

Старик был явно раздражен. Наверное, ему не хотелось ради праздного любопытства посетителей всеу произносить имя человека, у могилы которого мы сейчас стояли.

— Слышали об Армении?

— Конечно же слышал, тем более, что я грузин.

— Грузин? Враци? — старик неожиданно перешел на грузинский, и его каменное лицо вдруг смягчилось. — Так бы и сказал сразу. Этим европейцам лишь бы язык почесать. Из Гори я, Арутюнянц по фамилии. Родился там, родственники все там жили. Грузинский неплохо знал: в семье-то на грузинском говорили. Это сейчас нет собеседников, забываю язык. Отец мой в Арзруме лавку мануфактурную имел. Забрал меня с собой, а там резня началась. Отца убили... Я еле спасся, успел сесть на испанский танкер... Три корабля сменил, пока до Марсея добрался. Потом здесь очутился...

— Мы торопимся... — робко напомнила о себе переводчица. Действительно, заждавшиеся члены нашей группы уже бросали на нас недовольные взгляды.

— Что ей надо? — словно не поняв девушку, вновь по-грузински обратился ко мне старик, достал из кармана серый носовой платок и поднес его к выцветшим глазам.

— Здесь лежит генерал Андраник! Слышали? По глазам вижу, что нет...

Но в это время из автобуса, который поджидал нас у кладбищенских ворот уже добрых полчаса, переводчицу окликнули два молодых днепродзержинских инженера.

— Вот видите, им безразлично... — сокрушенно вымолвил старик. Я не успел сказать ему что-либо в утешение и даже попрощаться как следует. Впрочем, что я мог сказать? Или что изменить? Подойдя к автобусу,

я обернулся: пожилой человек разбрасывал по могильной плите алые розы, потом он собрал в охапку увядшие гвоздики и засемянил в глубь кладбища. У меня сжалось сердце. Прости меня, гордый старик! Прости за то, что я причинил тебе невольную боль, за то, что вместе с тобой не преклонил колени перед прахом твоего великого соотечественника, перед твоей Арменией, которую ты и здесь, на далекой чужбине, каждодневно поминаешь в молитвах.

Сардарабад, где произошла кровопролитная сеча армян с аскерскими полчищами, в то время был маленьким неприглядным селом в сотню домов — не больше. Рядом, правда, проходила железнодорожная ветка Ереван—Александрополь (нынешний Ленинакан) —Тбилиси, но это соседство не улучшало жизнь сардарабадских крестьян. Многие жили в землянках, порой там же находился домашний скот.

Сегодня облик этих мест изменился. На них выросли крупные густонаселенные села Октемберянского района.

Кстати, ежегодный естественный прирост коренного населения Армении ни в чем не уступает тому же процессу в мусульманской среде жителей Азербайджана и Грузии, который, как известно, особенно в последние годы, находится на грани демографического взрыва. Убежден, что неуклонное увеличение численности армянского народа — явление не стихийное, а результат патриотической сознательности молодого поколения, помноженный на создание в республике соответствующих социальных условий.

Господи, наполни своими животворящими токами и древо жизни моей Родины! Что спасло нас, грузин, в зловещем круговороте вихревых исторических событий? Только любовь к жизни, тяга к отцовству и материнству. Имей грузинская семья в то тревожное время по одному или даже по два ребенка, как это принято нынче, нас не осталось бы и в помине.

Неподалеку от Октемберяна находятся развалины Армавира — столицы древнеармянского Айраратского царства. Это государство, которым правили представители первой армянской царской династии — Ервандиды, в иных исторических документах именуется восем-

надцатой сатрапией персидского царства, а правители носят иерархические титулы сатрапов.

Чтобы взглянуть на развалины, нужно миновать расположенное к югу от Октемберяна село Айванак и подняться на невысокий, так называемый Армавирский курган.

При раскопках Армавирского кургана, наряду с характерными постройками времен основания города, археологи обнаружили и остатки храма эллинистического периода. Этот факт свидетельствует о том, что после распада «мировой империи» Александра Македонского в жизнь страны проникли элементы эллинистической культуры, а отживший свой век культ огня сменился идолопоклонничеством — религией древних греков.

Ерванд — первый царь из династии Ервандидов — подчинился Александру Македонскому и признал себя его вассалом. Но как только непрочная держава Александра стала трещать по швам, армянское государство вновь подняло знамя независимости; оно развело до тех пор, пока персы, оправившись от неудачных стычек с македонцами, вновь не расширили сферы своего влияния.

К периоду правления Ервандидов относится основание таких больших городов как Ервандашат и Вагаршапат, впоследствии переименованный в Эчмиадзин. Первый из них — Ервандашат был объявлен столицей Айраратского царства. А как же Армавир? Дело в том, что Аракс, на берегу которого он стоял, в результате тектонических изменений почвы переместил свое русло к югу и таким образом отделился от города. Остановить этот процесс существовавшими в то время техническими средствами было невозможно; город стал испытывать острый недостаток воды, и Ерванд велел перенести столицу в другое, более благодатное место. Во втором веке до нашей эры Ервандашат, видимо, уже не удовлетворял имперские амбиции царя Арташеса I; на берегу Аракса возник новый первопрестольный город — Арташат.

Лишившись статуса столицы, Армавир, тем не менее, некоторое время еще играл важную роль в общегосударственной жизни страны, но будучи не в силах выдержать соперничества с другими сильными города-

ми, к тому же страдая от безводья, постепенно захирел и в пятом веке полностью прекратил свое существование.

Отец армянской истории Мовсес Хоренаци в своей «Истории Армении», переведенной на многие языки мира, в том числе с широкими научными комментариями и на грузинский, не единожды упоминает Армавир как столицу древнего армянского государства.

По свидетельству Мовсеса Хоренаци, страна Армения обязана своим названием могущественному и славному царю Араму.

«...Стесненный соседними племенами, собрал Арам в немалом числе своих смелых лучников, отважных копьеносцев—мужей достойных, сильных, в военном деле искусных. На границе Армении они встретили мужей мидийских, предводителем коих был некий Ньюкар, прозванный Мадесом, человек надменный и воинственный... Однажды они, подобно кушанам, вероломно напали на Армению и овладели ею на два года. Арам внезапно до восхода солнца напал на Ньюкара, уничтожил многочисленное войско, а самого Ньюкара пленил и привел в Армавир».

Историк пятого века рассказывает, что усиление Армении не давало покоя восседавшему на ассирийском троне царю Ниносу. Жгучее желание проучить дерзкого Арама, «с лица земли стереть мужей всех, потомков славного Хайка» преследовало его постоянно. Но выступить в открытую Нинос не решался: Арам окреп, мог дать отпор и утереть нос ассирийцу. Мирный путь урегулирования всех вопросов устраивал Ниноса куда больше. Поэтому он «милостиво» разрешил Араму править Арменией по его воле и разумению, но право именоваться первейшим и могущественнейшим царем оставлял за собой.

Однако! Ни спеси, ни угроз! Да и в подобной «милости» Арам вряд ли нуждался к тому времени. Он сам мог диктовать свои условия!

О том, что произошло дальше, Мовсес Хоренаци умалчивает, сетуя на отсутствие достоверных источников, уничтоженных, по его мнению, неправдолюбивыми правителями последующих эпох.

Необычайная история шекспировского накала поведана в пятнадцатой главе произведения Хоренаци.

Еще при жизни Арама на армянский престол возшел его сын Ара Прекрасный — юноша сказочной красоты и редкого мужества. Слух об этом дошел до ушей царицы Ассирии Шаммурамат, сменившей на троне своего отца Ниноса. Женщина своенравная и ко всему прочему обуреваемая плотскими страстями, Шаммурамат, более известная в истории под именем Семирамиды, прониклась к Аре Прекрасному сладострастной, пепеляющей сердце любовью. С этого момента мысль завладеть Ара Прекрасным не оставляла Семирамиду ни на минуту. И она решила любым путем добиться своей цели. Первым шагом явился визит ассирийских послов во дворец Ара Прекрасного, передавших ему предложение Семирамиды: «Не пристало тебе, мужу неслыханной храбрости и ослепительной красоты, стоять во главе такого маленького царства. Приезжай в славную Ниневию, раздели со мной ложе, и я увенчаю тебя тиарой правителя двух наших государств. Не согласен на это — приезжай просто так: утешить меня ласками своими. Взамен ты получишь столько золота и бриллиантов, сколько сможешь увезти с собой».

Холодно выслушав ассирийских послов, Ара Прекрасный ответил на бесстыдное предложение словами, достойными его мудрости, красоты и добродетели: «Мне претит низость и необузданность твоих желаний. Потворствовать им, марать свое имя в блюде я не собираюсь. Измена моей возлюбленной супруге, драгоценной царице Армении, для меня равносильна смерти».

Разгневанная Семирамида с большим войском двинулась на Армению. Не за богатой добычей шла туда царица Ассирии. Всего у нее было вдоволь, ей нужен был только Ара Прекрасный, непреклонность которого лишь разжигала в душе Семирамиды потаенную страсть!

Затевая войну, она не думала, что война окажется такой жестокой и продолжительной. День ото дня потери обеих сторон росли. Наконец, в долине, названной впоследствии в честь Ара Прекрасного Араратской, состоялась решающая битва. Здесь, у подножия двуглавой громады, которую потомки Ара тоже нарекли его именем, и завершилась эта странная печально-романтическая история.

Семирамида жаждала победы в этой битве. Но еще больше она мечтала пленить своими чарами Ара Прекрасного. Он нужен был ей живым — молодым и красивым. Не сбылась мечта Семирамиды. Ара погиб в сражении. Семирамида велела разыскать его тело среди сотен трупов, и когда воины исполнили приказание, она воздела руки к небу и взмолилась; верните мне, боги, Ара Прекрасного, оживите его бездыханную плоть! Не вняли небожители ее гласу, и пришлось царице тайно спрятать его тело в глубоком ущелье.

Армения бурлила! Кровь Ара Прекрасного взывала к мести! Семирамида облачила в царские одежды одного из своих любовников, похожего на Ара Прекрасного, и распустила слух: услышали, мол, боги мою мольбу, воскресили Ара — и теперь он мой.

Пересказ дальнейших событий отнял бы у нас слишком много времени. В кратком же изложении они сводятся к следующему. То ли снедаемая смертельной тоской по Ара, то ли очарованная дивной красотой природы, Семирамида не спешила возвращаться в Ниневию, более того — она решила выстроить здесь свою резиденцию, дабы долгие месяцы знойного ассирийского лета проводить в прохладной тени армянских гор.

Что ж, надо отдать должное царице: вкус у нее был, действительно, хороший! Высоко в горах, где бьют родники и берут начало бурные реки, она выбрала самое живописное место, возвела дворцы, построила храмы, окружила все крепостной стеной, поселила людей. Словом, не резиденция, а целый город! Кроме того, Семирамида приказала отполировать огромные каменные глыбы и высечь на них полный перечень своих боевых побед и памятных мирных начинаний! К сожалению, Мовсес Хоренаци в тексте нигде не упоминает названия этого города, от которого сегодня не осталось и следа. Неужели здесь тоже переусердствовало время или, может быть, Хоренаци освежил в этой истории древнюю народную легенду?

Если же отбросить сомнения и принять на веру все сказанное, то, безусловно, облюбованные Семирамидой места — это горы Арагаца, которые, в отличие от пустынных, бесплодных склонов Арарата, изобилуют родниками, питающими своей прозрачной чистой водой рвущиеся в низины реки. В горах Арагаца из-

давно селились люди — здесь и поныне сохранилось много старинных церквей и грозных крепостных сооружений. Сегодня здесь живут армяне-горцы — чабаны, погонщики, гуртовщики. Как указывают справочники, поверхность общей площади гор Арагаца в Армении составляет восемь тысяч квадратных километров, то есть четверть всей территории республики. Без Арагаца, как и без Арарата, Армения перестала бы быть Арменией.

Окончание следует.

Перевод Вадима КОЛЕНЧЕНКО

АРЧИЛ II
(1647—1713)

Нравы Грузии

отрывки

1.

Умей острить, и сам, смеясь,
Выслушивай экспромт другого.
Лицом пред ним не падай в грязь
И не гляди в глаза сурово.
Гони обиду от себя
И улыбайся жизни снова.
Ничто не радует так слух,
Как метко сказанное слово.

2.

Вникай в ученье мудрецов,
И их священные творенья
Душе твоей в конце концов
Даруют радость озаренья.
А лицемера прочь гони,
Его коварно искушенье,
Он, словно ритор-краснобай,
В ком только глупости кипенье.

3.

О знатности наскучил бред.
Кичливый дурень, прочь отсюда!
И созерцателя, клянусь,
Стошнит от этакого блюда.
А коль слова не вразумят,
То плети вылечат от зуда.
Садись-ка рядом, весельчак,
Твои острофы просто чудо!

4.

Мрачнее не было времен!
Мы кровожадным стали стадом,

1935
1935

Злодейство с ложью в унисон
Жизнь отравляет страшным ядом,
Сердца покинул наш творец,
И нету страха перед адом.
А это значит, что конец
Земле и жалким божьим чадам.

5.

Для нас туманен каждый миг.
Что принесет он — вот загадка.
Тревожным будет новый день
Или пройдет, как ныне, гладко?
И что метанья нам дадут:
Отсрочку кары, боль упадка,
Тоску слезливую иль вдруг
От счастья сердцу станет сладко?

6.

Я мудрости пою хвалу.
Я опьянен ее нектаром.
Свои познания отдаю
Любому смертному задаром.
Взываю к каждому: «Учись!»,
Молю о том с душевным жаром.
Не сломит мудрого сей мир
Одним безжалостным ударом.

БАХТАНГ VI

(1675—1737)

Скорбь

(отрывки)

1.

Одолела скорбь меня совсем.
От нее лечусь тоской уныло.
Сердце мрачно погружаю в желчь,
Как перо гусиное в чернила.
Слез моих печальная река
Сад веселья мигом затопила.
Кто мне даст целительный бальзам,
Чтоб вернулись радости и сила?

2.
С русским садом схожа наша жизнь:
Стоит соком яблоку налиться,
Нападают черви на него
И терзает жадно злая птица.
А затем приходят холода,
Бедное стенает и томится,
И твердеет прямо на глазах,
Чтоб в морозы в камень превратиться.

3.
Дни мои проходят в суете,
Бесполезно исчезают где-то.
Так вся жизнь мгновенно пролетит,
Как России сумрачное лето.
Что с собой навеки унесу,
Что оставляю — ясно без ответа.
Я — бесплодный кедр, и потому
Не услышать мне слова привета.

4.
Дал понять круговорот времен,
Как ничтожны все мои заботы.
Но ведь есть у колеса судьбы
Смелые нечаянные взлеты.
Может, вознесет оно меня
На недостижимые высоты,
И, самим Юпитером ведом,
Я сведу с гонителями счеты.

5.
Завершил свою работу бог.
Оглядел придирчиво создание.
Где подправил, где нанес мазок, —
Вышло совершенным мироздание.
Каждый в нем утешен и согрет
Теплотой его благодеянья.
Он приблизил духов, но не всех —
Злобных в ад низринул — в наказание.

Наставление

Не будь спесивым пустоцветом,
Живи полезно, для души,
Уйди из суетного мира,

Копи познания в глуши,
И сырых, страждущих, голодных
Теплом добра согреть спеши,
Иль древо посади, чтоб странник
Твой славил труд в его тиши.

Димитрий СААКАДЗЕ

(конец XVII — начало XVIII вв. — 80-е годы XVIII в.)

Послание

1.

Худо мне, мой повелитель:
Без тебя все блеклым стало.
Кто придет в мою обитель
И наполнит два бокала?
Я дрова рублю, вздыхая.
Слезы катятся устало.
Лет моих промчалось много,
Сил моих осталось мало.

2.

Вот и кончились поленья.
Бесконечны лишь метели.
Преодолеть лишенья
Завещал нам Руставели.
Одолеет тот, кто молод, —
Крепок дух в здоровом теле.
Я же — дерево сухое:
Сердце, жилы на пределе.

3.

Что мне делать, ваша милость,
Стерлись звонкие подковки.
Как я новые добуду
При отсутствии сноровки?
И без шубы здесь, на Пресне,
Мне не вынести зимовки.
Думал, девицы согреют —
К молодым ушли плутовки.

Перевод Георгия АШКИНАДЗЕ

Переводы выполнены по заказу Главной редакционной коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии.

МОЙ ДЯДЯ ИОНА

ПОВЕСТЬ

Люди сказку говорили:
В роще птичку подстрелили,
Мал котел ей оказался,
А в кастрюльке уместили.

Народное.

ЭПИЛОГ

ВОТ почему 28 июня я вновь посетил родной Санаклио...

Когда поезд одолел последний подъем и в открытом окне показались разноцветные крыши Санаклио, пульс у меня резко участился; когда последний спуск тоже остался позади и поезд, шипя и свистя, въехал под своды старого вокзала, который, упорно противясь течению времени, не изменился ни на йоту, сердце в груди забилося так, словно стремилось вырваться наружу; когда, выйдя на перрон, я глубоко и взволнованно вдохнул тяжелый, спертый воздух (тот, кому доводилось после длительных и бесславных скитаний хоть ненадолго приникнуть к родным корням, знает, что в такие минуты, в силу субъективности наших ощущений, любой запах кажется приятным), утер украдкой непрошеную слезу и с непринужденной патетикой подумал: «Боже, сколько воды утекло в быстрой реке моей жизни!»; когда же я прошел через зал ожидания, в котором, как мне показалось, окурки валялись именно там, где я в последний раз видел их много лет тому назад, и вышел на площадь, туда со всех концов города сбежались мои многочисленные двойники, еще не успевшие, в отличие от меня, миновать пору детства и потому босо-

ногие, в штанах с протертыми пузырями на коленках, они устремились мне навстречу и теперь оценивающе разглядывали меня, словно говоря: «Интересно, что там из нас получилось!» (Вот глупенькие! Ну, что могло получиться?..)

Сердце мое наполнилось чем-то очень большим и очень легким, и я решил немного побродить по улицам города.

Только что прошел дождь; бесчисленные лужицы, собравшиеся на ухабистых тротуарах, с веселым блеском отражали золотые лучи выглянувшего солнца.

Добравшись вскоре до центра города, я понял, что ощущение вечности, овладевшее мною при виде вокзала, оказалось ошибочным. Родимый Санаклио изменился, и здорово изменился: главная площадь была перестроена и расширена, здание милиции облицовано экларским туфом, кипарисы подросли, гостиница сгорела, перед домом правительства открылся новый ресторан, садик подмели, к психиатрической больнице пристроили новый корпус, а далеко внизу, где прежде был пустырь, по которому мое далекое детство до полного изнеможения, как угорелое, гоняло мяч, ныне сгрудились высотные здания, и в них свили себе гнездышки санаклийские граждане. При виде этих перемен мои любопытные юные двойники, словно оробев, попятились назад и скрылись из виду, однако я по-прежнему чувствовал, что они где-то поблизости, до меня все еще доносился запах их пота. Да и куда им было деваться! В этом городе не существовало клочка земли, который не хранил бы отпечатков моих ног. Санаклио, любимый мой Санаклио! Здесь осталась самая светлая пора моей жизни, самые теплые, самые грустные, самые дорогие моему сердцу воспоминания... Как позабыть коллективные побеги с уроков, на другой день после которых директор школы в учительской порол нас ремнем!.. Ремень у директора был широкий, солдатский, при каждом взмахе издававший какой-то необычный, устрашающий посвист. Когда он начинал расстегивать свой ремень, преподавательницы обычно отворачивались. О, какими маленькими и наивными были мы тогда! В простоте душевной мы думали, что педагоги-женщины делают это из жалости к нам... А как мы внизу, на берегу Наклисцкали, тайком окружали занятых игрою в кости парней и, затаив ды-

хание, с учащенно бьющимся сердцем следили за нами из своего укрытия, зная, что рано или поздно они затеют драку и выхватят ножи... Эх, до чего же сладки воспоминания, и до чего же они печальны!.. Помните, мои маленькие двойники, как Амур впервые поразила нас своей стрелой, угодив в самое яблочко? Та стрела и поныне валяется где-то здесь. И тот опиум тоже, — недолгое, но сладкое и страшное, как смерть, забытьё... Я уже не помню ее имени (о, время, время, безжалостное и коварное!), но помню, что это была черная, как уголь, девчонка, такая черномазая, что наперсники, с которыми я, чтобы не задохнуться от собственной загадочности и молчания, делился своей сердечной тайной, с искренним любопытством интересовались, как мне удастся разглядеть ее в темноте. Откуда было вам знать, мои позабытые друзья, что глаза у меня тогда были в сердце, а сердце, словно филин, видит и темной ночью... Впервые ощутив за спиной крылья и повиснув над Санаклио рядом с облаками, я вырвал из тетрадки по математике шесть листов в клетку и посвятил своей избраннице длиннейшее стихотворное послание, пытаюсь писать в стиле «чахрухаули»¹. Я превозносил ее так, что сказочные солнцеликие красавицы могли бы лопнуть от зависти. В самом конце, в последних четырех стихах, наиболее мне удавшихся, я, легкомысленно опираясь на логический принцип «третьего не дано», ставил ее перед выбором: или пусть она убьет меня, или пусть станет моей подругой жизни. Я возлагал большие надежды на свой поэтический дар, и чем больше надежд я на него возлагал, тем сильнее страшился результата, и от волнения меня била дрожь. Кажется, прошли века, прежде чем на другой день посланец, которому я доверил свое творение, сообщил мне, что адресат прочел мои стихи до конца, с восхищением воскликнув при этом: «Какой у него прекрасный почерк», — и тогда крылья у меня зачесались, а веревки, с помощью которых я висел в небесах, подозрительно закрипели.

¹ «Чахрухаули» — четверостишие, написанное двадцатисложником с цезурой посередине и внутренней рифмовкой. Все четыре стиха рифмуются между собою. Названа по имени грузинского поэта XII века Чахрухадзе. Требуется исключительной виртуозности.

на третий же день, когда из полученного мною письменного ответа выяснилось, что моя избранница с радостью приняла бы мое предложение, но, к сожалению, ее рука уже обещана другому, перья с крыльев облетели, подобно осенним листьям, засохшие крылья отвалились, и я, словно мешок с трухой, шлепнулся наземь и умер. Умер безутешный, не ведая, удастся ли мне вновь вернуться к жизни...

Э-хе-хе! На что стала бы похожа наша жизнь, не освежай наших корней чистый родник романтических воспоминаний!

Я с грустью улыбнулся своему прошлому, вызвавшему приятный зуд под ложечкой, и подумал: «О, как ты сладка, блаженная пора детства!». При этой мысли мне вспомнился мой дядя Иона, но в тот же миг я левой ногой по щиколотку вляпался в здоровенную лужу и тут же забыл, в связи с чем в моем сознании всплыл дядя Иона, ибо, громко выругавшись, я испуганно оглянулся, чтобы убедиться, не стал ли кто-нибудь свидетелем моего невольного сквернословия, затем несколько раз с силой стукнул промокшим ботинком о тротуар, пытаюсь вытрясти из него воду, однако полностью избавиться от влаги мне не удалось и, когда я продолжил свой путь, мои приятные воспоминания некоторое время сопровождались противным хлюпаньем. К счастью, ухо быстро привыкло к этому хлюпанью и, когда мы вновь слились в гармонию с родным городом, я опять вспомнил, в какой связи оказался на поверхности моей памяти мой дядя Иона...

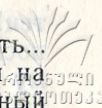
Нет, забыть-то я его не забыл, да и вообще дядя Иона не из тех людей, которые забываются. Слово «вспомнил» я употребил потому, что в ту минуту его лицо с необычайной отчетливостью возникло перед моим мысленным взором. Причиной этому послужила фраза, которую в душе я начал с междометия «О». А крупнейшим знатоком по части фраз, начинающихся междометием «О», был как раз дядя Иона.

Во всем Санаклио дядю Иону любили только два человека: я и моя мать. Вероятно, мать даже не следует брать в расчет: ей он, как-никак, приходился родным братом, к тому же младшим, и будь он даже исчадьем ада, сестре он все равно был бы дороже всех на

свете. Такова участь братьев и, в особенности, сестер. А за что его любил я, долгое время было непонятно мне самому. Только много позже, когда я подрос и, как мы любим говорить с тонкой иронией, взялся за ум, когда спать до полудня стало для меня первейшей потребностью, когда я понял, что так и умру, не найдя себе занятия по душе, когда ужас перед женитьбой прочно заполнил мои мысли, когда я окончательно махнул рукой на нормы поведения и прочие глупости такого рода (вследствие чего при моем появлении общество недовольно и, кажется, как-то неловко морщится), когда я раз и навсегда установил, что гораздо легче и приятнее довериться течению жизни и отдаться ему, нежели, затаив в сердце какую-нибудь безрассудную цель, в бессмысленной борьбе с волнами время от времени глотать грязную воду, — словом, когда все это стало очевидным, тогда-то я и понял, что мое духовное родство с дядей Ионой прочнее и глубже, чем кровное, и что моя мать, завершая обращенные ко мне содержательные, ясные, образцово выстроенные с точки зрения композиции и проникнутые четким внутренним ритмом проклятия традиционной формулой: «Чтоб твоя мать потеряла сына, если, когда вырастешь, ты своими глазами (чтоб им лопнуть!) не увидишь в зеркале точь-в-точь такого же непутевого оболтуса, как твой бездельник-дядюшка!», — понятия не имела, что ее устами глаголет сама Истина. Но здесь необходимо отметить, что, стоило моему отцу, выведенному из терпения, в свою очередь воспользоваться упомянутой формулой (хотя и в сильно смягченном виде), как мать тут же горою становилась на защиту своего и впрямь непутевого бездельника-брата. Мой отец, сам вечно занятый делом, терпеть не мог чьего-либо безделья, а так как дядя Иона проживал у нас, отец был поглощен стремлением любой ценой его женить. Он был убежден, что таким образом проблема разрешится раз и навсегда, ибо, будучи человеком глубоко порядочным, представить себе не мог, что дядя Иона способен привести жену к нам.

Одно различие между мною и дядей все-таки существовало: он был человеком образованным. Где и когда он умудрился им стать, не знаю, лично я никогда не заставлял его в такой позе, которая была бы удобна для получения образования. Правда, он восемь или де-

вать лет проучился в университете и даже, кажется, его окончил (это трудно утверждать с уверенностью), но во-первых, я и сам провел в этом университете семь лет без сколько-нибудь заметных последствий, а во-вторых, если вам доводилось встречать человека, получившего образование в университете, дайте мне знать, вы меня очень этим обяжете; между тем, дядя действительно был образованным человеком. По-видимому, произошло какое-то недоразумение. Я полагаю, что прежде, еще до моего рождения, он с увлечением грыз книги, когда же он изгрыз все книги, они стали для него коконом, как для шелковичного червя, после чего дядя превратился в бабочку. Конечно, это был серьезный недостаток, и сам дядя его болезненно переживал. Да и как было не переживать, если из-за этого ему приходилось время от времени идти на такую работу, где он, подобно пионеру, был вынужден вечно таскать в кармане галстук, поскольку никто не знал, когда возникнет необходимость повязать его. Правда, мучения такого рода обычно не затягивались — спустя несколько месяцев дядя покидал занимаемую должность либо по собственному желанию, либо по чужому, — однако могло ли что-нибудь возместить эти потерянные месяцы, да и такую ли уж долгую жизнь даровал господь бог человеку, чтобы можно было разбрасываться месяцами и годами! Кроме того, по милости своего дурацкого образования дядя не знал покоя и дома: моя мать заставляла его помогать мне в приготовлении уроков. А помощь, видит бог, мне и в самом деле требовалась. Как известно, бывают ученики, которые хорошо усваивают один или два предмета, махнув рукой на все остальное. К счастью для себя, я никогда ничего хорошо не усваивал и потому махнул рукой сразу на все предметы, вследствие чего чувствовал себя в школе, словно не умеющий плавать моряк, оказавшийся за бортом. Дядя прекрасно понимал, что учить кого-либо чему-либо, мягко говоря, невежливо, однако из страха перед сестрой не мог ей возразить. Мать, как это вообще свойственно матерям, сама толком не знала, в чем должна была заключаться эта пресловутая «помощь», но упрямо стояла на своем, не желая замечать, что не было случая, чтобы дядина помощь принесла бы какие-нибудь осязаемые плоды. Несомненно, история с междометием «о» также кончилась

бы весьма плачевно, не подоспей вовремя моя мать... Помнится, мне задали написать по два предложения на каждое междометие. Когда наступил тот неизбежный миг, не позволявший более откладывать это наказание, я сел за стол и принялся ритмично вздыхать. Дядя мой Иона лежал на кушетке, творя в своем воображении идеальную модель мироздания. Мать крутилась на кухне, готовя нам, как обычно, какой-то фантастический обед. Мои прилежные братья и сестры давным-давно закончили с уроками и теперь их, по употреблявшемуся, как правило, в мой адрес выражению матери, «где-то носили черти». Долго ли, коротко ли длились мои вздохи, но, добравшись до междометия «о», я почувствовал, что фантазия моя исчерпана до самого дна, и воззвал к дядюшке:

— Дядя Ио!

— М-м-м...

— Скажи мне предложение на «о»!

— Одиножды один — один.

— Нет, нет!

— А сколько же, по-твоему?

— Мне нужно не просто на «о», а на междометие «о».

— О-о! — с явным удовольствием произнес дядюшка. — Сколько предложений тебе нужно?

— Два.

Дядя Иона с хрустом потянулся, затем протяжно и заразительно зевнул и, наконец, сказал:

— О, как чудесна ты, земля родная!

Я поспешно нацарапал в тетради про родную землю и вновь поднял голову:

— А второе?

Дядюшка зевнул еще более протяжно и еще более заразительно и изрек:

— О, какой же ты беспутный!

— О, какой же ты в самом деле беспутный и бессовестный! — раздался голос матери, которая в тот же миг появилась на пороге.

Дядя Иона вскочил с кушетки с быстротой молнии, сунул ноги в шлепанцы и затрусил прочь. Мать не стала его преследовать и ограничилась лишь проклятьями, посланными ему вдогонку:

— Да падет на твою голову гнев господень, бра-

тец! Чтоб ты последовал за дядюшкой Индиго, чтоб я поскорее уложила тебя в черную землю Санаклио! Чему ты учишь этого недоноска! Этому безмозглому больше ничего и не надо: прямо так и напишет! Ты хочешь, чтобы этот бешеный Полиевкт — чтоб его семья, будь она неладна, осталась без кормильца! — разорвал тетрадь на его голове!

Короче говоря, в тот раз мы были спасены. Мы — это я и мой бешеный Полиевкт. Я избежал написания второго предложения, а он — необходимости рвать в клочья тетрадку, что в его возрасте было немалой физической нагрузкой, тем более, что вследствие своего упрямства или тупости он непременно закрывал тетрадь, прежде чем приступить к экзекуции, и хотя после того, как ему удавалось надорвать ее, дело шло сравнительно быстрее, он никогда не мог сделать это сразу и, прежде чем надорвать тетрадь, долго мучился.

Однако церемониал разрывания тетради на голове в конце концов все-таки состоялся. Он состоялся в силу других причин и двумя годами позже, когда старый Полиевкт еще более одряхлел, и поединок с тетрадкой стал для него еще мучительнее...

Полиевкт задал нам сочинение на тему «Мой Санаклио». Прекрасно сознавая, что такое сочинение мне не по зубам и стремясь увильнуть от его написания, я твердым тоном оскорбленного самолюбия объявил дома, что не люблю Санаклио и писать сочинение не стану. Я рассчитывал, что к моим принципам отнесутся с уважением и оставят меня в покое. Однако моя мать уважала только собственные принципы. Она отдала дядюшке приказание, звучавшее примерно так: «Вместо того, чтобы целыми днями слоняться без дела — о, чтоб твоей сестре поскорее надеть по тебе траур! — лучше помоги немного этому оболтусу, пусть напишет это проклятое сочинение». То ли в силу случайного стечения обстоятельств, то ли, помня об испуге, испытанном в связи с междометием «о», дядя Иона сознательно выбрал момент, когда матери не было дома, как-то вечером усадил меня за стол и, с достоинством меряя шагами комнату, сцепив руки за спиной, без запинки продиктовал мне все сочинение, от начала до конца, со всеми точками и запятыми:

«Мой Санаклио (Сочинение)»

Мой прекрасный утопающий в садах город с незапамятных времен был населен. Обнаруженный в окрестностях современного Санаклио древнейший скелет, обладающий четко выраженными свойствами как человека, так и обезьяны, неопровержимо свидетельствует о том, что Санаклио принадлежит к числу тех важных регионов мира, где когда-то протекал процесс происхождения человека. Археологические и антропологические поиски успешно продолжаются до сих пор, и ученые надеются найти в Санаклио еще много интересного и неизвестного.

Начиная с той далекой эпохи на территории Санаклио всегда была ключом полнокровная жизнь. По свидетельствам греческих историков, в античные времена здесь стояла мощная и практически неприступная крепость, где во время опасности находили убежище санаклийцы. К сожалению, никаких следов этой крепости не сохранилось. Правда, и сейчас в Санаклио стоит укрепленное здание с решетками на окнах, где и сегодня находят убежище немало санаклийцев, но это здание представляет собою относительно более поздний памятник культуры.

В настоящее время считается уже установленным, что название «Санаклио» происходит от слова «накли» — «навоз»; в пользу такого истолкования свидетельствует, в частности, тот факт, что Санаклио и поныне славится удобрениями, хотя кое-кто из ученых по-прежнему продолжает думать, будто бы название города пристекает от слова «накли» — «недостаток». Этой гипотезы придерживаются преимущественно буржуазные ученые, которые, как всем прекрасно известно, постоянно пытаются выискивать у нас недостатки, умышленно закрывая глаза на наши выдающиеся достижения.

Как уже было сказано, Санаклио славится удобрениями, которые являются основным источником дохода и главным предметом экспорта в соседние города и районы. Согласно статистическим данным, в настоящее время на душу населения приходится сто двадцать тонн

удобрений в год, что на пять процентов больше, чем в соответствующий период прошлого года.

Санаклио — центр крупного и богатого района. Занимаются тут в основном сельским хозяйством. Господствующее положение принадлежит картофельной культуре. Картофель, выращивание которого с успехом заменило прежде широко распространенные в нашем краю такие тяжелые и трудоемкие отрасли хозяйства, как виноградарство, садоводство, скотоводство, табаководство и др., значительно более рентабелен и содержит почти все витамины. В последнее время картофель проник также в сферу духовной культуры и там тоже снискал себе большую популярность. Например, если раньше на эстрадных концертах закиданные тухлыми яйцами и гнилыми помидорами певцы все-таки продолжали петь назло зрителям, то теперь, благодаря высокому удельному весу картофельных клубней, подобные случаи стали достоянием истории, так как эффективно пущенная картофелина дает полную гарантию, что певец в этот вечер (а в отдельных случаях — вообще никогда) на сцену выйти больше не сможет. Кроме того, по окончании концерта благодарные зрители имеют возможность подобрать истраченные картофелины, поскольку эта редкая культура способна долго сохранять свои свойства и годится для многоразового использования.

Современный Санаклио — это город мощно развитой экономики, высокой культуры и образцовой дисциплины. Жизнь здесь сегодня кипит и бьет через край. То, что бьет через край, отводится по специальным трубам в Наклисцкали, с водами которой попадает в Черное море и затем, через бассейн Средиземного моря, вливается в Мировой океан. А то, что остается, принадлежит нам, санаклийцам.

Благодаря удачному географическому местоположению, природному богатству, бойкой торговле самыми разнообразными товарами и многим другим преимуществам санаклийцы живут счастливо и в свое удовольствие, не ведая забот: мирно и безмятежно дремлют днем и столь же мирно и безмятежно спят ночью.

Жители Санаклио часто с любовью сравнивают свой город с раем, и нельзя сказать, чтобы для этого не было оснований. В самом деле, здесь они чувствуют себя ничуть не хуже своих покойных собратьев!

Санаклийцы — люди спокойные, мирные, покладистые, умеют уважить и врага, и друга и питают особенную склонность к праздникам. Да и что может быть прекраснее санаклийского праздника после плодотворного труда! Санаклийцы празднуют все, причем празднуют с большим размахом (нет надобности искать повода для праздника, повод бывает каждый божий день). Если в такую минуту взглянуть на Санаклио с вертолета, на душе станет светло при виде города, пустившегося в пляс.

Сегодня в Санаклио проживает девяносто восемь тысяч жителей. Недалек тот волнующий день в жизни нашего города, когда Санаклио с присущей ему праздничной торжественностью встретит рождение своего столетнего гражданина.

Вот каков мой родной Санаклио, и я всем сердцем горжусь тем, что я — санаклиец».

Я принес в школу сочинение в субботу, а в понедельник Полиевкт разорвал его на моей голове.

Прежде чем разорвать его, он произнес небольшое вступительное слово.

Войдя в класс, он сердито бросил нам: «Садитесь!» (что было чистейшей формальностью, поскольку никто и не думал вставать), разложил на столе тетради, с подозрением обвел глазами учеников, остановил взгляд на мне и сказал:

— Ну-ка, встань!

Я на всякий случай сделал вид, будто это приказание относится не ко мне и с любопытством огляделся в поисках вероятного адресата; когда же Полиевкт сухо посоветовал мне не шнырять попусту глазами вокруг себя, ибо я отлично знаю, что он обращается именно ко мне, я лениво поднялся на ноги.

Тогда Полиевкт взял мою тетрадь обеими руками, как обычно держат фотографию покойного во время похорон, и спросил:

— Ты сам написал это сочинение?

— Да, — самодовольно ответил я, робко улыбаясь в ожидании похвалы.

Полиевкт не поверил.

— Полиевкта Цоцория, дорогой мой, на худой козе вокруг пальца не объедешь, — то ли по ошибке, то ли для пушей убедительности соединил он в одну две раз-

ных поговорки. — Но, кто бы это ни сочинил, пусть он лучше валяет дурака со своими домашними. Где это, интересно, ты видел картошку в духовной сфере, а? А хоть одного археолога ты в Санаклио видел? — тут он с горьким сожалением покачал головой и мечтательно прибавил: — Эх, где то золотое времечко! В те годы за такое сочинение, небось, мигом упекли бы в каталажку, это, слава богу, многие на собственной шкуре испытывали, клянусь памятью отца моего Полиевкта!

После этого он приступил к ритуалу разрывания тетради. Полиевкт давно уже ничего не рвал, и мы жаждали узнать, удалось ли ему сохранить спортивную форму. Чуть погода Полиевкт перевел дух, схватив тетрадь обеими руками, изо всех сил тянул ее в разные стороны. Лицо его побагровело, глаза выпучились. В классе стояла мертвая тишина. Мы все, затаив дыхание, смотрели на него. Расслабив мышцы рук, при этом на всякий случай бросил на нас грозный и предостерегающий взгляд. После передышки он вновь принялся за дело. С четвертой попытки он, наконец, надорвал тетрадь (прежде это удавалось ему максимум со второй), и мы все, в том числе и он сам, вздохнули с облегчением. Как только тетрадь поддалась, дело пошло на лад — он разорвал ее раз, другой, третий, после чего швырнул обрывки мне в лицо и сказал:

— Если не приведешь завтра родителей, лучше не попадайся мне на глаза!

Я предпочел привести в школу мать. При этом я предусмотрительно сообщил дяде Ионе о судьбе сочинения. Дядя Иона правильно оценил обстановку и решил не вступать в неравную борьбу, поэтому, вернувшись из школы после свидания с Полиевктом, разъяренная мать не застала своего брата дома. До самого субботнего вечера о нем не было ни слуху, ни духу. В отсутствие дядюшки все проклятия полностью сосредоточились на мне, так как отец, братья и сестры подходящего повода не давали. Кроме того, мать, встревоженная исчезновением дяди, стала дергать отца, вступила в энергичные переговоры с городскими властями, подняла на ноги все санаклийскую милицию вкупе с добровольной народной дружиной, разбила их на небольшие группы и заставила тщательно обыскать все подвалы и прочие подозрительные места в городе.

Дядя вернулся домой в субботу вечером. Вернулся целым и невредимым. Он пламенел, как роза, и едва ворочал языком. В конце концов, когда он частично вновь обрел дар речи, то застенчиво признался, что не «просыхал» с тех самых пор, как ушел из дому. Отец с мрачным видом удалился в свою комнату, громко хлопнув дверью, а мать в ту ночь произнесла одно из лучших своих проклятий, возвышенное и вдохновенное. Мы с дядей слушали ее, разинув рты и пытаясь не пропустить ни единого словечка.

Я слепо обожал своего непутевого бездельника-дядюшку и долгое время не понимал, чем он так критиковал меня, что, за исключением тех случаев, когда я бывал влюблен, я предпочитал его обществу всякому другому. Потом, много позже, уже став взрослым, я понял. Я понял, что он жил как-то очень легко и беззаботно, ни о чем не тревожась и ни из-за чего не расстраиваясь. Все вокруг были заняты какими-то проблемами, все на что-нибудь жаловались, все на что-нибудь ворчали, все что-нибудь выясняли, принимали какие-то решения. У дяди Ионы все было ясно и решено. Однажды в приливе чувств, когда душе моей хотелось скакать и резвиться, словно годовалому теленку на лугу, когда я бездумно поддался словесному недержанию, я поделился этим мудрым, но еще сыроватым заключением с отцом. Отец подтвердил мое заключение, сопроводив свое подтверждение небольшим комментарием в том смысле, что за чужой счет каждый смог бы жить легко и беззаботно. Отец мой умел говорить так, что, глядя ему в глаза, невозможно было усомниться в его словах. В тот раз я тоже поверил ему, и мое замечательное наблюдение несколько обесценилось в моих собственных глазах. И только много времени спустя, когда я и впрямь повзрослел, я понял, что дело было вовсе не в том, за чей счет жить. Для дяди Ионы не имело никакого значения, живет ли он за чужой счет или содержит кого-нибудь за свой собственный, ибо «счет» был для него столь же пустым звуком, как «долг», «семья», «мораль» и многое другое, чем несчастный гомосапиенс так запутал и отравил себе жизнь. Судьба привела его в дом моего отца — и он жил в доме моего отца, забрось она его завтра в другое место — он стал бы жить в другом месте, не копаясь в причинах. Его

не беспокоили проблемы — тем-то он и был счастлив. Нельзя утверждать, будто он избегал проблем. Напротив, правильнее было бы сказать, что проблемы сами его избегали. Проблемы, важные и надутые сознанием собственного веса и значимости, боялись, что, попав в руки дяди Ионы, они моментально съезжтся и предстанут жалкими и смешными. Ибо дядя Иона походил на мальчика из сказки, который увязал все свое имущество в маленький узелок, вскинул этот узелок на плечо и, ни о чем не тревожась, веря в удачу, с песенкой отправился в путь.

Но кому невдомек, что сказочный мальчик, коль скоро он уже пустился в путь, рано или поздно с неизбежностью рока наткнется на сомнительное свое счастье; как он ни бейся, а в конце концов ему все-таки придется взять в жены солнцеликую красавицу и сесть на престол. Ибо всеми нами правит рок, рок всех нас держит на поводке и у каждого из нас все написано на роду. Слава богу, что мы не умеем этого прочесть, и чувство неведомого ожидания — единственная прелесть и опора нашей жизни, потому что, узнай мы сегодня, что будем делать завтра, — наверное, даже у нас с дядей пропал бы всякий вкус к жизни.

Да, именно рок неумолимо гонит нас навстречу красавицам.

Когда над Санаклио пронесся вихрь, в результате разрушительных действий которого моя мать в течение многих лет не разжимала губ, а отец в течение многих лет делал перед матерью вид, будто он тоже не разжимает губ, мы с дядей Ионой обстоятельно все проанализировали и пришли к выводу, что зловещий перст рока мелькнул задолго до последних событий, а именно — в предпоследнем абзаце того злополучного сочинения, где речь шла о торжественном появлении на свет стотысячного гражданина Санаклио. Я утверждал, что дядя Иона сам накликал свою судьбу. Дядя Иона моего мнения не разделял. Ты еще молод, говорил он мне, и не знаешь, что нельзя накликать то, что и так тебя ждет впереди, и я не накликал на себя судьбу, а лишь спровоцировал ее, заставив проявиться, но, впрочем, без толку, поскольку проявиться-то она проявилась, а вот увидеть ее мне, увы, так и не довелось. Возможно, он был

прав; во всяком случае, в подобных вещах дядюшка разбирался лучше меня.

В тот год я оканчивал школу, а бедняга Полиевкт, единственный читатель моего сочинения, разорвав все тетради, отпущенные ему судьбою для этой цели, уже перебрался из рая земного в рай загробный и безмятежно покоился на живописном санаклийском кладбище.

Все началось с того, что однажды тихим и немного грустным осенним вечером зазвонил телефон. Отец, держа перед собой обе санаклийские газеты, в которых он внимательно сличал передовицы, взял трубку и сказал:

— Слушаю вас!

В трубке послышался женский голос, негромкий, нежный и воркующий:

— Попросите, пожалуйста, Иону Камкамидзе.

Отец, похоже, испугался, что женщина может проникнуть к нам по проводу вслед за своим голосом и вот-вот вылезет из трубки. Поэтому он холодно ответил:

— Ионы Камкамидзе нет дома! — С этими словами он недовольно повесил трубку, и по движению его губ я понял, что он произнес одно из тех выражений, произносить которые мне, например, строго воспрещалось.

В ту же минуту телефон затрезвонил снова. Отец опять поднял трубку. В трубке вновь раздался тот же воркующий голос. Когда же отец начал было говорить, что он, кажется, ясно сказал, воркующий голос внезапно перебил его довольно резко:

— Погодите, товарищ! — сказал голос, и от его резкого тона левая бровь отца поползла вверх, а вместо того, чтобы бросить трубку, он только еще крепче прижал ее к уху. Тогда голос вновь заговорил мягко и нежно: — С вами говорит секретарь Кациа Гогия. Передайте товарищу Ионе Камкамидзе, чтобы завтра в два часа он обязательно пришел к нам, у товарища Кациа совещание, и он просит товарища Иону непременно присутствовать.

Товарищ Кациа просит товарища Иону!

Отец дрожащей рукой повесил трубку и перекрестился, чего почти никогда не делал вследствие занимаемой должности и общественного положения.

Кациа Гогия вершил судьбы всего Санаклио и, хо-

тя я долгое время не знал, какое из этих двух слов — имя, а какое — фамилия, мое невежество совершенно не мешало ему править городом.

Дядя Иона явился домой за полночь. Он играл с друзьями в покер и проиграл семьдесят шесть рублей. Когда отец сообщил ему новость, дядя не выказал ни малейшего удивления, а только проворчал, что его, по видимому, считают жаворонком, назначая совещания на столь ранний час.

На другой день, когда дядя Иона вернулся с совещания, нам стала известна суть дела. Вопросы задавал отец, но эти вопросы увели бы нас слишком далеко, поскольку отца интересовали такие мелочи, которые, на мой взгляд, вообще не заслуживали внимания. В общих чертах дело обстояло так: совещание было посвящено праздничным приготовлениям, сам праздник, в свою очередь, посвящался предстоящему рождению столетнего жителя Санаклио, что, по всем признакам, должно было произойти в самом ближайшем будущем, и секретарем юбилейной комиссии — так и не удалось установить, в чью гениальную голову пришла эта идея, — решили назначить дядю Иону.

Отец держался так, словно ничего особенного не произошло.

Поначалу мы все единодушно считали, что доверить такое дело дяде Ионе было, мягко говоря, ошибкой. Тот, кому приходилось иметь дело с какой-нибудь комиссией, знает, что секретарь — это человек, который один работает за всю комиссию. Дядя Иона действительно был в состоянии за всю комиссию спать, за всю комиссию бездельничать и за всю комиссию играть в покер. Что же касается работы, то работать ему было чрезвычайно трудно даже за самого себя. Поэтому наше ожидание, что комиссия не сегодня — завтра поймет свою ошибку и блудный сын вернется под родимый кров, было совершенно естественным.

К величайшему изумлению каждого из нас (тут-то и проявилась гениальная дальновидность того, кто назначил дядю Иону секретарем комиссии), все произошло совсем иначе. Дядя Иона неожиданно подхватил самую тяжелую форму патологической активности и всем своим грешным существом так погрузился в юбилейную деятельность, что позабыл обо всем на свете. Несколь-

ко раз (когда мне удавалось придумать убедительный предлог, чтобы не идти в школу), я собственными глазами видел, как в половине одиннадцатого дядя был уже на ногах и торопливо давился горячим чаем, объясняя это тем, что опаздывает на заседание. Вся семья по опыту знала, что ничего хорошего это не предвещает. Рецидивы бурной деятельности у дяди, хотя и не часто, случались и прежде, и всякий раз они заканчивались какой-нибудь непредвиденной катастрофой. Чтобы это утверждение не выглядело голословным, приведу один типичный пример. Однажды ему понадобилась тысяча рублей. Зачем ему понадобились эти деньги, я не знаю. Если верить его словам (что следует делать с большой осторожностью), деньги были нужны не ему, а одному из его ближайших друзей, для которого эта тысяча рублей означала попросту, быть или не быть. Насчет «быть или не быть» упоминалось, по-моему, для того, чтобы смягчить сердце моего отца, однако сердце отца не смягчилось. А так как другого источника добывания денег у дяди Ионы не было, он принялся размышлять. Однажды днем он позвал меня и попросил ему помочь: повел меня к себе в комнату, усадил на стул, сам уселся напротив и сказал, что ему необходимо обдумать чрезвычайно серьезное дело, а для того, чтобы собраться с мыслями, он должен некоторое время смотреть в пустоту, после чего усталился на мой лоб. Я помогал ему целых полчаса. Наконец он с довольным видом встал, заявил, что без меня он бы попросту пропал, и куда-то ушел. В течение целой недели он бегал и суетился так, что вся семья оказалась выбита из привычного ритма. Через неделю он принес тысячу рублей, решив тем самым вопрос бытия или небытия своего друга положительно. Тогда-то и была проложена дорога в один из пригородов Санаклию, по старинке именовавшийся Коровьей слободкой. Дорога проходила по участку всего в полкилометра, но участок этот был в таком ужасном состоянии, что Коровья слободка в течение добрых пяти лет была почти полностью отрезана от города, так как не только проехать на машине, но и пройти пешком через этот участок было практически невозможно. Славное местечко. В детстве мы проводили там немало времени, устраивая разнообразные мальчишеские состязания. Однажды дядя Иона принес новость, будто жители

Коровьей слободки привезли из Нахичевани какого-то знаменитого циркача, который обучает их хождению по канату. Я не очень-то в это поверил; во-первых, у меня нет оснований считать правдой все, что говорит мой дядя, а во-вторых, чтобы ходить по канату, требуется значительно меньшая ловкость, нежели для того, чтобы пробраться через Коровье бездорожье. Так или иначе, в конце концов дорогу там проложили. Причем такую дорогу, что классный руководитель специально повел нас туда на экскурсию, дабы мы воочию увидели это чудо. Поначалу, разумеется, никому и в голову не могло придти, что строительство этой дороги может находиться в какой-либо связи с внезапной активизацией дяди Ионы. А между тем связь была самая непосредственная. Как выяснилось впоследствии, именно дядя Иона проложил дорогу в Коровью слободку, взяв за это с ее жителей гонорар в тысячу рублей. Все пять лет, в течение которых Коровья слободка была оторвана от цивилизованной части города, слобожане отнюдь не сидели сложа руки. Они бегали, жаловались, писали, запрашивали, кричали, галдели и бранились, но не добились решительно ничего. Когда все пути были испробованы и люди окончательно предалися отчаянию, в один прекрасный день тот, в чьи обязанности входило строительство дорог, самолично посетил Коровью слободку и обратился к ее населению с речью. Речь его звучала примерно так: «Что ж это получается, дорогие вы мои? Есть вы хотите, пить хотите, электричество хотите, отопление хотите, дорогу хотите, мост хотите, а деньги платить не хотите? Это, по-вашему, правильно? Может, вам еще и луну с неба бесплатно подавай, да солнце впридачу?». После чего внес конкретное предложение: пусть соберут по двадцать рублей с каждой семьи — двадцать рублей семью не разорят, — и через три недели дорога будет построена. В Коровьей слободке проживало пятьсот семей, но все пятьсот отличались прижимистостью и буквально зубами вцепились в свои заработанные трудом и потом двадцать рублей, нипочем не желая их отдавать. После долгих препирательств сошлись на десяти рублях с семьи. Была срочно организована комиссия в составе трех передовых коровчан, и в то самое время, когда они уже собрались со списками обходить дома соседей, на сцену неожиданно выступил дядя Иона. Дядя

Иона возник перед комиссией в полном ее составе и обратился с речью к трем ее представителям: «Неужто вы не видите, растяпы, что вас дурачат? — сказал он. — Шутка ли — десять рублей?! На десять рублей можно купить почти десять кило картошки на санаклийском рынке! И потом, почему целых три недели? До Стамбула, что ли, они собираются дорогу строить? Здесь же всего каких-то пятьсот метров!». Как следует взбудоражив таким образом членов комиссии, дядя в свою очередь предложил им куда более выгодную сделку: он просил по два рубля с семьи и обещал построить дорогу за неделю. Коровчане уже успели оплакать свои червонцы и смириться с неизбежностью их утраты, поэтому новое предложение они встретили с такой радостью, словно теперь им предстояло не потерять по два рубля, а получить по восемь. Итак, дядя Иона успешно уладил одну сторону дела, и теперь оставалось только построить дорогу. Как мы потом узнали, в те дни дядю Иону видели в таких подозрительных местах, как типография, художественное училище, фотолаборатория, деревообрабатывающая фабрика... Кто-то позже припомнил, что собственными глазами видел, как дядя покупал в каком-то лотке на рынке надувные шары, что было чистой правдой. Когда операция завершилась внезапным крахом, дядя Иона сам поведал мне всю историю бодрым тоном, который звучал несколько неуместно. С успехом завершив подготовительные работы, дядя облачился в лучший свой костюм и явился в некое высокое учреждение. Когда же секретарша собственной грудью преградила ему вход в кабинет, подобно глыбе, которую заваливают вход в пещеру, где спрятаны сокровища, дядя Иона с многозначительным видом показал ей краешек одного из своих многочисленных удостоверений (вы, вероятно, помните, что больше трех-четырех месяцев дядя ни на одной работе удержаться не мог), которое, по его мнению, выглядело наиболее внушительно. После чего строгим, холодным и немного таинственным тоном велел секретарше никого больше в кабинет не впускать. Смущенная и напуганная всем этим, глыба отвалилась от входа в пещеру, и дядя беспрепятственно проник туда, куда стремился. На шум открывшейся, а затем закрывшейся двери хозяин кабинета поднял голову и при виде дяди Ионы весьма резко осведомился, кто

он такой и что ему здесь надо. В ответ дядя Иона поднес палец к губам, произнес: «Тс-с!» и шепотом прибавил, что, если его визит сюда станет достоянием гласности, то и ему самому, и хозяину кабинета будет грозить неминуемая смерть. «В чем дело, товарищ?» — по-прежнему резко спросил хозяин. «Вы, конечно, меня не помните, — отвечал дядя. — А вот мне никогда не забыть вашей поистине отеческой заботы обо мне. Правда, я не смел и надеяться, что мне когда-нибудь удастся отплатить вам за вашу доброту, но тот, в чьих руках судьбы мира, по-видимому, иногда предоставляет шанс даже таким маленьким людям, как я, и сегодня я безгранично счастлив, что имею возможность оказать вам ответную услугу». На это хозяин неуверенно проговорил, что, действительно, смутно припоминает дядину лицо, но не может вспомнить, когда и при каких обстоятельствах они встречались. Тогда дядя Иона извлек из кармана несколько надувных шаров, бросил их на стол и, ткнув в них указательным пальцем, произнес: «Вот!». «Что это значит?» — изумился тот. «Это — вы», — отвечал дядя Иона. «Ты что, смеешься, это же шарики!» — слегка рассердился тот. «С первого взгляда это, действительно, похоже на шарики, — подтвердил дядя Иона, — и пока их не надуешь, в самом деле трудно заметить, что это — вы...». С этими словами он взял один шарик, несколько раз растянул его, чтобы воздух входил легче, и принялся его надувать. Когда шар был надут и хозяин кабинета увидел на нем собственное изображение, он сначала издал звук, смысла которого дядя не уловил, а затем его одолела икота. Когда же дядя, повернув шарик, продемонстрировал ему второй портрет, а потом и третий, икота хозяина усилилась. Наконец, между двумя спазмами, ему кое-как удалось попросить дядю объяснить, что все это значит. Дядя Иона отпустил скрученный клапан шарика, подождав, пока воздух с шипением покинет резиновую оболочку, небрежно кинул ее, сморщенную и жалкую, обратно на стол и сказал, что это — гнев народа. Тот, однако, не поверил: «Что звучит «гнев народа», времена-то, слава богу, не николаевские!». Тем не менее, выразив свое недоверие, он взял со стола другой шарик и стал его надувать сам. Тогда дядя Иона принялся надувать третий шар. Так они и сидели вдвоем, надувая шары, что, как

полагал дядя Иона, со стороны могло выглядеть несколько странно. При виде трех своих изображений на каждом из шаров у того окончательно испортилось настроение, и он сердито спросил, кто это сделал. Тогда дядя все подробно ему рассказал. Суть его объяснений сводилась к тому, что зарвавшиеся коровчане замыслили поднять мятеж из-за какой-то полукилометровой дороги. Как известно, поднять мятеж бывает трудно в основном из-за того, что люди разобщены и не умеют сплотиться, однако этим смутьянам из Коровьей слободки каким-то образом удалось объединить в мощный кулак пятьсот семей, и теперь они говорят, что, коль скоро власти не в состоянии привести в порядок жалкий клочок земли, то они, коровчане, сами знают, как им поступить. Нынче у нас пятница, продолжал дядя, так вот, в следующее воскресенье, ранним утром в лазурное небо Санаклио должны взвиться две тысячи таких шаров, причем, разумеется, с соответствующими надписями. С этими словами дядя выложил на стол пачку фотографий. На фотографиях красовались все те же шары с портретами, к которым снизу были подвешены картонные щиты, вроде тех, что носят безработные во время демонстраций, с самыми разнообразными лозунгами (в том числе и весьма непристойного характера). На фотографиях были также запечатлены знакомые шары, прикрепленные к длинным деревянным кольям, и так как хозяин кабинета оказался не в силах разгадать их назначение, дядя Иона разъяснил ему, что пятьсот таких кольев предполагается воткнуть по обе стороны все еще несуществующей дороги. Просмотрев материалы, хозяин некоторое время сидел молча, о чем-то напряженно размышляя, после чего заявил, что он всех арестует и сгноит в тюрьме. Дядя выразил уверенность в том, что коровчане, безусловно, этого заслуживают, однако усомнился в существовании законного предлога для таких массовых арестов, указав хозяину кабинета, что предполагаемый мятеж носит не политический, не социальный и даже не национальный характер. «Когда две тысячи шаров с такими лозунгами повиснут над нашим солнечным Санаклио, вас, само собою, снимут, — сказал он далее, — и это еще полбеды, ибо не мне учить самоотверженности человека вашего ранга, но как быть с городом, престиж которого будет основательно подор-

ван?». «Да, да, это верно», — со скорбью отвечал тот, и лицо его окончательно увяло. Он долго и безнадежно продолжал бубнить о том, как ему быть и что делать, пока дядя Иона вновь не пришел ему на помощь. Существует только один выход, сказал он: их следует опередить, и в субботу вечером сдать им готовую дорогу. Тот еще некоторое время колебался, однако делать было нечего: он и сам видел, что другого выхода у него нет. Прежде, чем уйти, дядя Иона еще раз попросил не выдавать его, ссылаясь на то, что коровчане, узнав о его участии в этом деле, непременно побьют его камнями. Выйдя в приемную, он подошел к секретарше, которая, по его словам, была этаким пышкой, и на прощание (если только не врал) потрепал ее по щеке. Я тогда был в таком возрасте, что наиболее ясно представил себе именно этот эпизод, и именно он наиболее долго удерживался у меня в памяти. На другой день обе санаклийские газеты опубликовали две гневные статьи одинакового содержания. В статьях подвергались резкой критике некоторые (имена не назывались) бюрократы, которые, удобно устроившись на теплых местечках, не обращают никакого внимания на нужды трудящихся и по чьей вине один из красивейших пригородов Санаклио из-за бездорожья находится в нечеловеческих условиях. Затем следовала небольшая ода, посвященная городскому руководству, которое сумело своевременно пресечь произвол бюрократов и приступило к оперативному удовлетворению справедливых требований трудящихся. Действительно, в тот же день началось строительство дороги. В следующую субботу работы были завершены, и в Коровьей слободке состоялось торжественное заседание, завершившееся великолепным концертом; в воскресенье обе санаклийские газеты поместили статьи под общим названием «Еще один славный подарок». А в понедельник вечером к нам явились гости. Трое незнакомых мужчин в присутствии обоих моих родителей потребовали от дяди Ионы, чтобы он вернул две тысячи рублей, которые выманил у них обманым путем, иначе они подадут на него в суд, и тогда он узнает, почем фунт лиха. Когда первое потрясение, вызванное столь неожиданным оборотом дела, прошло, дядя Иона испытал глубочайшее восхищение перед находчивостью коровчан. Как он потом признался мне,

особенное впечатление на него произвело удвоение суммы. Тем не менее он стал торговаться и торговался до тех пор, пока не сбил цену до полутора тысяч. Тот, кому известна разница между моим отцом и дядей в отношении к таким понятиям, как «престиж», «самолюбие», «скандал», без труда догадается, что в этой истории самые существенные убытки понес в конечном счете отец, который отсчитал коровчанам тысячу пятьсот рублей. Правда, дядя Иона потом в течение многих лет покрывал эту сумму по частям, словно ссуду государственного банка, но мог ли кто-нибудь возместить моему бедному отцу моральный ущерб! То обстоятельство, что пресловутый пятисотметровый участок дороги получил название «Иониной дороги» (праздничная шутка коровчан), разумеется, не могло служить отцу сколько-нибудь серьезным утешением.

Когда в доме находится подобная бомба, излишне говорить о какой бы то ни было идиллии, а если вдобавок в один прекрасный день эта бомба, вместо того, чтобы спокойно ржаветь в своем углу, может взорваться, нужно иметь сто глаз и сто ушей, чтобы успеть вовремя вывезти близких в безопасное место и не дать взрыву застигнуть семью врасплох.

В те дни отец ходил на разведчика, получившего опасное задание, мать с задумчивым видом сыпала проклятиями, а популярность дяди Ионы в Санаклио росла не по дням, а по часам.

Санаклийцы очень скоро пронюхали, что руководство города готовит для них грандиозный праздник, и очень обрадовались, ибо, как уже говорилось, чрезвычайно любили праздники. Вскоре стало известно и то, что главной движущей силой грядущего празднества, его сердцем и кормчим является Иона Камкамидзе.

На первом же заседании юбилейной комиссии дядя Иона взял бразды правления в свои руки. Это было не так уж трудно и не требовало от дяди особых усилий или находчивости. Напротив: остальные члены комиссии были из числа людей, о которых ходят легенды (как правило, создаваемые ими же самими), будто бы они трудятся двадцать пять часов в сутки. Пребывание в составе больших и серьезных комиссий людям такого сорта чрезвычайно приятно, оно придает им вес и значимость, и если их туда не ввести, они даже будут воз-

мущены и обижены, но для настоящей работы в этих комиссиях у них совершенно не остается времени. Именно поэтому дядю Иону и назначили секретарем. Первое заседание комиссии ее члены намеревались посвятить главным образом тому, чтобы постепенно, по частям освободиться от всякой черной работы и взвалить ее на секретаря. Дядя Иона избавил их даже от этой заботы, он добровольно впрягся в ярмо, произнеся на заседании длинную патетическую речь, исполненную пылко патриотизма, и под поощрительные возгласы членов комиссии взял все дела на себя. Единственное, чего он требовал от комиссии, это время от времени являться на заседания и выслушивать отчет секретаря.

По мере того, как время шло, дядя Иона все глубже и глубже погружался в трясину трудовой деятельности. Вся семья со страхом наблюдала за этой трагической и непонятной метаморфозой, и воздух дома, словно запахом пороха, был пропитан зловещим ожиданием. И, наверное, в самом тяжелом положении очутился я. Мое безрадостное детство, состоявшее в ту пору из одних драм, школьных и любовных, видело в образе жизни дяди Ионы оправдание своему собственному образу жизни, считало дядю Иону единственной своей опорой, единственной надеждой, единственным проблеском света в непроглядной санаклийской ночи. И я испытывал острую боль, видя, как угасает этот слабый огонек, чувствуя, как уходит из-под ног опора, как ускользает надежда. В конце концов, когда в один прекрасный день дядя Иона, воспользовавшись паузой между двумя пространными проклятиями моей матери, объявил, что теперь, вероятно, не сможет приходить домой даже ночевать, чтобы его не ждали, что он велел поставить себе койку в штабе комиссии, дабы не терять времени на хождение туда и обратно, и будет спать прямо там, небо окончательно покрылось свинцовыми тучами, и я принялся интенсивно размышлять о тщете бытия. К счастью, дядя по своему обыкновению не сдержал слова. И хотя временами он действительно исчезал на несколько дней, но чаще все-таки ночевал дома. Это служило мне утешением, однако утешением крайне слабым, ибо дяде было совершенно не до меня: все его мысли, все его чувства неизменно вертелись вокруг подготовки к празднеству.

Правда, приходя домой, он во всех подробностях повествовал нам о своей деятельности, и таким образом все мы невольно чувствовали себя участниками этих великих приготовлений. Да разве только мы! В ту пору, благодаря прессе и радио, голос дяди Ионы гремел на весь Санаكليо. Давая одно интервью за другим, вынося все идеи, все проблемы, все решения на суд общности, он постоянно держал город в курсе дела, и ажиотаж со дня на день неуклонно возрастал.

Раз в неделю он регулярно собирал на заседания членов комиссии. Раз в месяц на заседаниях присутствовал сам Кациа Гогия, который официально являлся председателем комиссии и верховным главнокомандующим юбилейных приготовлений. Почти каждую неделю комиссия выслушивала новые идеи, одна за другою рождавшиеся в крылатом воображении дяди Ионы, и единогласно их одобряла. На одном из самых первых заседаний дядя Иона внес предложение отчеканить юбилейную медаль и прямо в родильном доме присвоить ее новорожденному стотысячному санаклийцу. Комиссия предложение поддержала и объявила конкурс на лучший эскиз медали «Санаклио — 100000». Конкурс был закрытый. Он был закрыт со всех сторон, и лишь для комиссии, которая в то же время представляла собою жюри, была оставлена маленькая щелочка. Эта щелочка внесла некоторое оживление в пассивность комиссии-жюри. В частности, на ближайшем заседании, посвященном предварительному обсуждению кандидатуры будущего победителя, в этом обсуждении приняли участие почти все члены комиссии-жюри. У большинства из них имелась собственная кандидатура, но после того, как все было тщательно обсуждено и взвешено, победителем решили признать главного художника города Леонардо Дидимамишвили. Покуда комиссия судила да рядила, дядя Иона не проронил ни звука, но затем, когда мнение комиссии определилось, он, поднявшись, решительно ополчился против Дидимамишвили, выдвинув, в свою очередь, кандидатуру некоего Карло Цуцунава; когда же члены комиссии единодушно возмутились, ибо ни одному из них это имя совершенно ничего не говорило, дядя обосновал свое предложение тем, что, во-первых, упомянутый Цуцунава — восходящая звезда на небосклоне Санаклио, которой в скором будущем сужде-

но покорить высочайшие и дотоле неприступные вершины, а во-вторых, он отец многочисленных и малолетних детей, живет в очень стесненных обстоятельствах, не выставляется и с трудом ухитряется прокормить семью. А так как комиссия отказалась признать эти доводы убедительными и продолжала упорствовать, дядя Иона, чтобы сломить ее сопротивление, прибегнул к решающему аргументу, заявив, что, если его предложение не будет принято, он сложит с себя все обязанности секретаря, и пускай ищут другого. Поставленные перед подобной дилеммой, члены комиссии-жюри предпочли все-таки пожертвовать Дидимамишвили (позже, когда выяснились два весьма важных обстоятельства, а именно — эскиз Цуцунава действительно оказался лучшим, а Дидимамишвили вообще не принял участия в конкурсе, — акции дяди Ионы в глазах Кациа Гогия и всей комиссии поднялись еще выше).

Затем дядя приступил к решению вопроса об экономическом обеспечении юбиляра, чему посвятил пространный доклад, с которым выступил на одном из заседаний комиссии. Чтобы не допустить какого-либо просчета, следует все предусмотреть заранее, говорилось в докладе, и хотя уровень жизни санаклийских трудящихся возрос настолько, что иначе, чем встав на цыпочки, до него не дотянешься, тем не менее у нас еще имеются отдельные исключения, и нельзя отвергать вероятность, что юбиляр родится как раз в такой исключительной семье, не имеющей отдельного жилья и едва сводящей, а то и вовсе не сводящей концы с концами. Поэтому, чтобы потом нам не пришлось изыскивать средства, когда может оказаться уже поздно, — всем вам хорошо известна скарденность наших финансистов, — разумнее будет с самого начала создать специальный фонд. Если он нам не понадобится — что ж, тем лучше, зато в случае надобности он будет под рукой. В конце концов, столичный житель — это такая достопримечательность, мимо которой не пройдет ни один гость нашего города, а достопримечательности подобного значения должны содержаться образцово и показательно, это вопрос нашего престижа. Комиссия это предложение единодушно одобрила, и юбилейный фонд был незамедлительно создан.

Уладив технические вопросы, дядя Иона взялся за

подготовку самого праздника. Для начала он разработал общий план и заставил комиссию его утвердить. План этот предусматривал немало интересных мероприятий, как, например, проведение теоретической конференции на тему: «Мать, отец и ребенок — биологический и психологический аспекты проблемы», издание четырехполосного литературно-юбилейного приложения к газете «Утро Санаклио» под названием «О, сколько стало нас уже!», летучие митинги в учреждениях, на производстве и в многодетных семьях, праздничные концерты в яслях и детских садах, женский концерт в офицерском клубе, праздничные гудки транспортных средств на улицах города и многое другое. Все это должно было состояться в день появления на свет стотысячного гражданина Санаклио. Главное же юбилейное заседание и демонстрацию трудящихся намечалось провести тремя-четырьмя неделями позже, чтобы мать виновника торжества вместе с ребенком была в состоянии принять в них участие.

Для того, чтобы организовать демонстрацию и праздничный концерт, дядя Иона сперва намеревался пригласить профессионального режиссера, однако по зрелом размышлении отказался от своего первоначального замысла, ибо в ту пору главная резиденция режиссеров помещалась в Тбилиси, а на периферии, в том числе и в Санаклио, находили пристанище лишь самые захудалые режиссеры, художественный вкус которых пребывал в зачаточном состоянии, вследствие чего дядя не мог доверить им плоды своей утонченной фантазии и поэтому в конце концов взялся за это дело самолично. Он написал сценарий и приступил к обдумыванию мизансцен. Праздник должен был происходить на центральной площади. На трибуне, помимо руководителей города и гостей, дядя хотел поместить многодетных матерей, несколько пар молодоженов и представителей родильного дома. Трибуна будет украшена живыми цветами и красочными транспарантами, основным мотивом которых будет призыв к размножению (к примеру, так: «Вперед, к двухсоттысячному!»). В первоначальном варианте сценария дядя Иона собирался внести в убранство трибуны такие детали, которые символизировали бы плодovitость, однако члены комиссии, обсуждавшие этот вопрос в кругу собственных семей, столь ка-

тегорически воспротивились такому замыслу, что на сей раз дядя Иона был вынужден пойти на уступки. Мимо трибуны непрерывным потоком должно было пройти почти все население города. Впереди, в пароконном экипаже надлежало ехать семье юбиляра. Экипаж должны были сопровождать верхом на лошадях лучшие юноши Санаклио, за ними — нянечки в белых халатах, затем — молодые семьи, далее — девушки, достигшие брачного возраста с лозунгами: «Я тоже хочу стать мамой!», и т. д. и т. п. В продолжение всего этого времени значительная часть площади отводилась для выступлений участников концерта — танцевальных ансамблей, вокальных групп, чтецов-декламаторов, акробатов, иллюзионистов, клоунов, народных сказителей и других. В скверах и на больших перекрестках будут накрыты столы. Праздник должен был завершиться общенародной трапезой.

Столь масштабное представление санаклийским режиссерам было, конечно, не по плечу, поэтому дядя Иона взвалил все на себя, потребовав лишь ассистентов, в обязанности которым вменялось беспрекословное выполнение его распоряжений.

Для того, чтобы весь город был охвачен ожиданием сотысячного жителя, время от времени в обеих санаклийских газетах появлялись соответствующие статьи, а в последний месяц там даже открылась специальная рубрика, где ежедневно публиковались сведения о том, сколько детей уже родилось и скольким еще осталось родиться до юбилея. Кроме того, с самого начала дядя Иона от имени юбилейной комиссии объявил общегородской опрос, в результате которого должно было выясниться, каким именем следует наречь юбилейного ребенка. Поскольку дяде Ионе не было известно заранее, окажется юбиляр мальчиком или девочкой, он предложил согражданам высказывать свои пожелания с учетом обеих возможностей. Санаклийцы с радостью откликнулись на этот призыв, и вскоре в штаб хлынул поток писем. Окончательными победителями стали мужское имя «Кация» и женское — «Ванда».

Короче говоря, дядя Иона так зарядил атмосферу Санаклио ожиданием юбилея и заставил санаклийцев настолько позабыть все прочие проблемы и заботы, сло-

вно целью основания этого занятого города с самого начала было узреть рождение его стотысячного жителя.

Между тем время шло и желанный миг приближался.

Когда срок юбилейного конкурса истек, авторитетное жюри тщательно рассмотрело представленные эскизы и единодушно присудило первое место Карло Цуцунава. Узнав о результате конкурса, Карло Цуцунава, к всеобщему изумлению, подал на имя юбилейной комиссии заявление, в котором (после изъявлений искренней благодарности членам жюри за столь высокую оценку его, Цуцунава, скромных заслуг) потребовал, чтобы причитающиеся ему премия и гонорар были перечислены в юбилейный фонд. Свое заявление Карло Цуцунава, в соответствии с регламентом, передал секретарю комиссии. Дядя Иона, хорошо зная тяжелое материальное положение семьи Цуцунава, воспринял эту неуместную щедрость без всякого энтузиазма, вернул заявление автору и тоном заботливого опекуна терпеливо разъяснил ему, что юбилейный фонд располагает достаточными средствами и в пожертвованиях не нуждается, на что Цуцунава возразил в том смысле, что пускай, мол, дядя Иона занимается своим делом, а он, Цуцунава, волен распоряжаться своими деньгами по собственному усмотрению, после чего, во избежание каких бы то ни было недоразумений, на всякий случай официально провел свое заявление через канцелярию. Дядя Иона так и не смог придти в себя от неожиданности (и вообще, несмотря на то, что все, кого дядя считал дураками, в конечном счете, как правило, оказывались умнее него, он так и не сумел сделать из этого соответствующих выводов). На другой же день санаклийские газеты восторженно писали о благородном поступке Карло Цуцунава. Были опубликованы фотоснимок эскиза-победителя, портрет его автора, пространное интервью с ним и статья одного искусствоведа, где тот с необычайным красноречием повествовал о дарованиях молодого художника. Выждав некоторое время, победитель конкурса записался на прием к Кациа Гогия и, когда подошла его очередь, войдя в кабинет, взволнованно и несколько сумбурно поведал руководителю города о том, какие беды свалились на голову бедного художника в результате победы на конкурсе. «Подумаешь, большое дело,—

сказал он, — пожертвовал какие-то гроши в юбилейный фонд, не солить же мне их, верно? Я всего лишь рядовой патриот и люблю свой город так же, как и все остальные санаклийцы, не больше и не меньше; любой другой на моем месте наверняка поступил бы точно так же. Тоже мне героизм, это же естественный порыв обыкновенного гражданина. Если бы я знал, что вокруг этого поднимется такая шумиха, я ни за что бы так не поступил. Теперь у меня нет отбою от посетителей, каждый считает своим долгом придти поглазеть на меня, будто я и впрямь какая-нибудь диковина. Черт с ними, пусть приходят, но ведь у меня всего одна комнатуха, куда же мне семью-то девать? Комната у меня тесная, тут или семья, или гости. Гостям, им что, а каково мне? Хоть из дому беги! И потом, среди гостей попадаются такие, которых, хочешь, не хочешь, приходится угощать, а на мою зарплату не разгуляешься, если посетителей угощать, своя семья с голоду помрет...»

Одним словом, стотысячный житель Санаклио еще не успел появиться на свет, когда начинающий художник Карло Цуцунава получил новую квартиру и новую зарплату, а три или четыре года спустя (меня к тому времени давно уже не было в Санаклио) он был назначен главным художником города; что же касается прежнего главного художника, то Леонардо Дидимамишвили по собственному желанию освободил этот пост в связи с уходом на пенсию.

Вернемся, однако, к нашей истории.

С приближением великой минуты ажиотаж в Санаклио неуклонно возрастал. Газеты увеличили количество и объем статей, посвященных этой теме, радиоузел в «Последних известиях» регулярно передавал сводки из роддома, участились заседания юбилейной комиссии и возрос коэффициент присутствия на этих заседаниях Кации Гоги. В общем, приближавшийся юбилей стал единственной духовной пищей для всего Санаклио. Повсюду — на улицах, в скверах, на рынке, во дворах, в супружеских постелях, в клубе работников торговли, в школах и профтехучилищах, в такси и троллейбусах, в очередях за картошкой и салонах дамских парикмахерских — непременно заходила речь о стотысячном гражданине. Даже влюбленные парочки, которые, прячась в темных закоулках города, штудировали науку поцелуев,

не могли удержаться от того, чтобы, оторвавшись от этого занятия, хоть раз не упомянуть о предстоящем юбилее.

А у пульта управления городом стоял дядя Иона, и о чем думал он, того не ведала ни одна живая душа.

Он стоял, словно главнокомандующий, гордый, властный, глубоко уверенный в победе, и с достоинством отсчитывал: «Девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один...»

И вот пробил долгожданный час. У матери будущего «стотысячного» начались юбилейные схватки.

Последние два дня дядя Иона вместе с работниками прессы и радио, тремя членами комиссии и несколькими представителями общественности провел в родильном доме.

Стотысячный родился тринадцатого апреля, в понедельник, под утро, в четыре часа двадцать три минуты.

Впоследствии на мой вопрос, не кольнуло ли дядю недоброе предчувствие, когда нянечки, выбежав с радостной вестью в вестибюль, не обнаружили там ни одного представителя семьи роженицы, дядя Иона задумчиво ответил, что, конечно, кольнуло, причем в самое сердце, но в ту минуту все четырнадцать миллиардов (sic!) клеток его мозга были по горло заняты работой, поскольку он один думал за весь Санаклио, и рассудку с легкостью удалось заглушить голос сердца, а у всех, кто был тогда с дядей, в мозгу имелось всего по одной клетке, что совершенно недостаточно в такой бурный и сложный век, как наш.

Не стану заниматься подсчетом клеток у всех, кто в то апрельское утро находился в палатах и коридорах родильного дома, — это могло бы настроить нас весьма пессимистически, — скажу только, что дядя Иона никогда не был особенно силен в математике.

Три нянечки, одновременно взяв старт с благородным намерением — как можно скорее поздравить счастливого отца с рождением сына, — на огромной скорости бросились в вестибюль к притихшей в ожидании известий общественности, одна из них, пробежав половину дистанции, налетела на табурет и выбыла из соревнований. Остальные две с криками: «Мальчик, мальчик!» добежали до самого конца плечо к плечу, так что,

по мнению дяди Ионы, определить победителя без помощи фотофиниша было просто невозможно. В ответ на возгласы нянечек в вестибюле раздался гром аплодисментов. Это, разумеется, было вполне объяснимо и уместно: юбилейный мальчик принадлежал всему Санаклию, однако вестницы совершенно справедливо полагали, что эти поздравления должны иметь и конкретного адресата. Между тем конкретный адресат не появлялся, и усталые, запыхавшиеся спринтеры недоуменно и даже несколько сердито рыскали глазами вокруг себя. Первым оправился от удивления дядя Иона. Прежде, чем всеобщее изумление приняло более острый и напряженный характер, он извлек из кармана две двадцатипятирублевки и вручил их победительницам в качестве призов. Тем временем получившая травму вестница почувствовала себя лучше; завидев в руках у дяди Ионы двадцатипятирублевки, она поспешно подхватила рукой сломанную в области голени левую ногу, встала на правую и, с быстротою молнии подскакав на одной ноге к дяде Ионе, безнадежным и жалобным голосом возвестила ему, что у него родился сын, после чего пожелала дяде, чтобы мальчик у него рос здоровым и счастливым на радость всем окружающим. Эти добрые, но высказанные совершенно не по адресу пожелания обошлись моему дяде еще в двадцать пять рублей.

По-видимому, если и не четырнадцать миллиардов, то, во всяком случае, все клетки мозга, которыми располагал дядя Иона, были действительно очень заняты, коль скоро он не придал должного значения этому первому подозрительному обстоятельству. Вместо этого он осведомился о весе, размерах и здоровье новорожденного. Появилась еще одна нянечка, которая за двадцать пять рублей сообщила, что вес младенца — четыре триста, рост — пятьдесят один сантиметр, голос — басовитый и здоровый. Тогда дядя Иона обратился к корреспондентам с просьбой пока сообщить читателям лишь эти общие данные, а остальные сведения расходовать экономно, чтобы постоянно держать горожан в приятном напряжении. Те было согласились, но в это время фотокорреспонденты, желавшие, естественно, чем-нибудь вознаградить себя за бессонную ночь, начали ворчать, что сообщение без фотоснимков не будет иметь никакой цены. Тогда, сочтя нецелесообразным тревожить моло-

дую мать шелканьем затворов и вспышками аппаратуры, в сверкающую белизной постель уложили предвзвешенно раздетую для этой цели девушку-санитарку, подложили к ней в кровать пухлого малыша, родившегося дней пять тому назад, и в совершенстве владеющие тайнами прессы фотокорреспонденты сделали снимки так, чтобы читатели газет могли почувствовать настроение счастливой матери, не имея возможности толком разглядеть ни женщины, ни ребенка.

Стоило только дяде Ионе избавиться от представителей прессы, высвободив тем самым некоторую часть своих мозговых клеток, как в поле его зрения немедленно попало то странное обстоятельство, что на радостные возгласы нянечек так и не откликнулся тот, кому эти возгласы предназначались в первую очередь, а немного погодя, когда путем опроса персонала было установлено, что с того дня, как мать юбиляра привезли в роддом, никто ни разу не зашел узнать, как она себя чувствует, дядю Иону еще сильнее кольнуло в сердце недоброе предчувствие, и он явственно увидел перед собою (вот как тебя сейчас, сказал он мне) ироническую ухмылку судьбы. Тут он, по-моему, врал, потому что на мой вопрос, видел ли он только ухмылку, или саму судьбу тоже, он ничего не смог ответить, а только обозвал меня дубиной, что, возможно, и соответствовало действительности, но отнюдь не являлось ответом на заданный ему вопрос. Так или иначе, но дядя Иона не на шутку встревожился, увлек за собою троих членов комиссии, бывших с ним в ту ночь, и, расположившись в кабинете директора роддома, учинил расследование. Расследование результатов не дало. В роддоме не нашлось никаких сведений о семье роженицы. Тогда сбитый с толку дядя Иона решил побеседовать с самою роженицей и, после того, как врач тщательно обследовал состояние здоровья женщины и признал его удовлетворительным, получил на это разрешение. Ему на плечи накинули белый халат, на голову нахлобучили белый колпак, и таким образом, вслед за врачом и его ассистентами, дядя Иона оказался первым человеком, которому довелось увидеть мать юбиляра.

Лицо ее было таким чистым, рассказывал мне впоследствии дядя Иона, таким спокойным, таким добрым, лучилось таким божественным светом, она смотрела на

меня с такой теплой, такой нежной, такой непорочной улыбкой, что, не будь я слишком взволнован, слишком озабочен и слишком болваном (несмотря на то, что последний эпитет не слишком удачно вписывался в построение этой тирады, он бальзамом пролился в мою душу, ибо с подобными выражениями дядя, как правило, обращался ко мне, а к себе применял их крайне редко), то при виде этого лица и этой улыбки я должен был заранее предугадать дальнейший ход событий.

Дядя Иона от всей души поздравил ее с рождением сына, присовокупив, что ей, вероятно, известно, что ее мальчик — сотысячный житель Санаклио, и таким образом она стала матерью юбиляра. Женщина улыбнулась проникновенной, исполненной материнской любви улыбкой и слабым, но приятным голосом отвечала, что кому же это может быть известно, как не ей, если она вот уже двое суток вынуждена терпеть адские боли, и вообще, кто в состоянии представить себе, какие силы нужны женщине, чтобы превзойти саму природу и отложить на целых двое суток уже начавшиеся роды. После этих слов свет, которым лучилось лицо женщины, уже не казался дяде Ионе божественным, но дядя, разумеется, не дал счастливой матери почувствовать, какая переоценка ценностей произошла в его душе, и с величайшим тактом, обворожительно улыбаясь, завел с нею разговор о ее семье, однако когда выяснилось, что никакой семьи у нее нет, он здорово растерялся и нерешительно, а кроме того, не так отчетливо, как ему хотелось, произнес, что, дескать, все это прекрасно, но... э-э... супруг... то есть, э-э... отец у ребенка... э-э... должен же быть, на что женщина высказалась в том смысле, что, мол, хорошо еще, что у маленького Кациа хоть мать есть, пропади она пропадом, а уж откуда у бедняжки взяться отцу! Тогда черты лица дяди Ионы перестроились в выражение искреннего соболезнования, и он участливо заинтересовался, неужто отец ребенка не дожил до счастливого дня, однако тотчас же поняв по улыбке женщины, что попал пальцем в небо, вернул черты лица в прежнее положение и спросил: «Значит, бросил?» Нет, не умер и не бросил, отвечала женщина, просто у моего маленького Кациа, дай бог ему здоровья, нет отца. Когда апокалипсическое видение, представшее его взору, рассеялось, дядю Иону взяло уже более прозаиче-

ское, более реальное и практическое подозрение, однако говорить на эту тему он считал неудобным и, чтобы завершить визит как-нибудь иначе, спросил у роженицы ее имя и фамилию, которые без того знал из анкеты. Иамзе Бурдзгда, отвечала женщина, а вы, если хотите, можете называть меня Ия-ия, так меня зовут близкие друзья.

Дядя Иона почувствовал, что лазурный небосвод родного Санаклио заволакивает серыми тучами; покинув палату роженицы, он срочно обзвонил остальных членов комиссии, объявил им, что создано чрезвычайное положение, и велел незамедлительно явиться в штаб, куда и сам поспешил в сопровождении троих членов, которые в течение последних двух дней неотлучно находились при нем.

Сообщение дяди Ионы о том, что стотысячный житель города Санаклио оказался незаконнорожденным, прозвучало на заседании погребальным звоном. Затем в помещении надолго воцарилась гробовая тишина. Когда же первое оцепенение прошло, выяснилось, что имя Ия-ии Бурдзглы знакомо многим членам комиссии, причем двое из них, более молодые, как-то подозрительно нахмурились и беспокойно заерзали на своих стульях.

Немного погодя дядя Иона задал убийственный, но неизбежный вопрос: как быть дальше и, увидав неприсутственные, непроницаемые лица членов комиссии, разом догадался, что с этой минуты на клетки его мозга ложится дополнительная и совершенно непредусмотренная нагрузка. Однако то был лишь смутный и глухой голос будущего, который напоминал далекий набат, призывающий к неизвестной битве, ибо, как объяснил мне позже дядя Иона, задавая комиссии этот роковой вопрос, сам он имел в виду только ту дозу такта и осторожности, которая была необходима, чтобы преподнести городу столь неожиданную и прискорбную новость, и даже представить себе не мог, что дело может обернуться таким образом, каким оно впоследствии обернулось.

Не получив от комиссии ответа, дядя Иона внес весьма здравое предложение: в конце концов, сказал он, не наше дело решать такие пикантные вопросы, с этим надо идти к товарищу Кациа Гогия, он — председатель комиссии и вообще руководитель города, вот пускай его разум и ищет выход из положения. При име-

ни Кациа Гогия комиссия вздохнула с облегчением. И в самом деле (кто не испытывал этого на себе!), какая гора падает с плеч, стоит только человеку вспомнить, что существует некто, способный и думать за него и решать за него сложные и щекотливые вопросы! Члены комиссии тут же повскакали из-за стола, однако вскоре уселись обратно, сообразив, что еще слишком рано. Кациа Гогия вставал в половине восьмого. Не поднимать же с постели такого человека! Они просидели еще полтора часа, а когда наступило время пробуждения Кации Гогии, все вместе двинулись к его дому.

Кациа Гогия завтракал. Когда комиссия, войдя к нему, доложила о тревожном положении дел, сложившемся в юбилейных недрах, поднесенный им ко рту бутерброд с икрой (картошку он не любил, объяснил мне дядя Иона) замер в воздухе, а сам Кациа Гогия на мгновение утратил дар речи; потом он несколько раз судорожно отхлебнул кофе и глубоко задумался. Наконец он сообщил комиссии результаты своих раздумий, сказав, в частности, что рожденный без отца ребенок — не более, чем сказка, придуманная мракобесами и преследующая своей конечной целью духовное порабощение масс, тогда как опыт и практика со всею очевидностью показывают, что ребенок всегда рождается только в результате неустанных усилий отца, это, так сказать, непреложный закон природы, а в данном случае мы, по видимому, имеем дело не с отсутствием отца, но напротив, с плодом совместной деятельности многочисленных кандидатов в отцы, что лишает нас возможности установить личность подлинного отца. После этого краткого теоретического экскурса он предложил поехать в роддом и во всем разобраться на месте. Дядя Иона сильно сомневался, что в роддоме удастся разобраться в чем-нибудь кроме того, в чем он уже разобрался, но так как в Санаклио начальство никогда не ошибается, возражать не стал. Зато он вышел к телефону, снял трубку, набрал номер и предусмотрительно уведомил директора роддома о решении председателя комиссии. Дядя сказал, что комиссия собирается провести в роддоме выездное заседание, что на заседании будет присутствовать сам товарищ Кациа, что в настоящее время товарищ Кациа завтракает, а когда он кончит завтракать, комиссия немедленно отправится в роддом, так что

примерно через полчаса будет уже на месте. Дядя Иона знал, что делал. В роддоме моментально засуетились, оперативно навели чистоту и порядок, выдали персоналу свежееутюженные халаты, всех, кто был в нетрезвом состоянии, отправили домой, рожениц, которые в ожидании своей очереди жалась по углам в коридоре и делились друг с другом интимными переживаниями, разогнали по палатам, расстелили у входа специально приобретенный для торжественных случаев ковер, над порталом на всякий случай вывесили флаг, словом, образцово подготовились к встрече почетного гостя.

Кациа Гогия был высокого роста и напоминал шест для сбивания орехов; казалось, ему подвластно все, однако разбирательство на месте ничего нового по существу не принесло. Почетный председатель комиссии долго и внимательно изучал анкету роженицы, и вид у него при этом был задумчивый. По прошествии некоторого времени он произнес: «М-да-а...» и снова умолк. По прошествии еще некоторого времени он поднял голову, обвел членов комиссии и присутствовавших при сем посторонних (директора и главного врача роддома) ястребиным взором, грозно хлопнул ладонью по краю стола и голосом, в котором зазвенел металл, заявил, что назначение сотысячным жителем незаконнорожденного ребенка нам с рук ни при каких обстоятельствах не сойдет, что никто не позволит нам подрывать престиж города, тут он понизил голос и в заключение совсем уже спокойным тоном попросил членов комиссии высказать свои соображения. Это предложение, разумеется, было совершенно ритуальным, ровным счетом ни к чему членов комиссии не обязывавшим, поскольку в соответствии с тем же ритуалом, когда Кациа Гогия присутствовал на заседании юбилейной комиссии или на любом другом заседании, главные соображения он всегда высказывал сам, а остальным полагалось лишь соглашаться с ними. И действительно, после непродолжительной паузы, во время которой он, согласно ритуалу, убедился, что никто не собирается подавать голос, товарищ Кациа перешел к следующей формуле и со словами «Хорошо, тогда начну я», начал: «Перед нами беспрецедентный случай, — сказал он, — и если вовремя не принять мер, мы можем оказаться в безвыходном тупике,» — тут

он на мгновение умолк, а затем, обернувшись к самому головоастому члену комиссии, мягко спросил: «Скажи-ка мне, Хвича, а хорошо ли мы все подсчитали, может, все-таки допустили при подсчетах какую-нибудь ошибку?», и после того как Хвича поймал на лету его мысль, поспешно подтвердив, что, конечно, не исключена и ошибка, и он все как следует перепроверит, удовлетворенно кивнул: «Перепроверь, перепроверь». Хвича вытащил блокнот и записал в него задание, а Кациа Гогия тем временем обратился к посторонним: «Следующий уже родился?» Директор и главврач роддома отвечали хором: «У одной из рожениц вот-вот начнутся схватки». «Очень хорошо», — произнес Кациа Гогия и вновь обратился к Хвиче: «Быть может, за это время кто-нибудь выписался из города, а мы этого не учли». «Конечно, весьма возможно, почему бы и нет, собственно говоря!» — ответил Хвича. Тогда в разговор вмешался заместитель председателя комиссии, самый уважаемый человек в Санаклио после Кациа Гогия. Он сказал: «А может быть, наоборот — не выписался, а прописался?» — и, развивая свою мысль, добавил: «Не лучше ли будет, Кациа Адамович, сместить акцент на предыдущего — как бы там ни было, он уже родился и фактически существует?» Кациа Гогия некоторое время безмолвно взирал на своего заместителя, потом легонько кивнул и спросил: «Отец есть?» Директор роддома отыскал анкету, заглянул в нее и подтвердил: «Есть». Довольный этим ответом заместитель миролюбиво усмехнулся и с тонкой иронией заметил: «Не может же Санаклио пополняться одними пригульными!» Тут бы и следовало закончить выездное заседание комиссии, но этому помешал неожиданный вопрос дяди Ионы: «Все это хорошо, но как быть с той женщиной?» «С какой женщиной?» — не понял председатель. «С матерью настоящего стотысячного». Под недовольный ропот членов комиссии председатель молвил так: «На свете, дорогой Иона, ничего настоящего нет. Все в той или иной степени может быть настоящим, и, когда необходимо внести соответствующие коррективы, мы обязаны их внести.» «Но она знает, что ее ребенок — стотысячный. Ведь мы ежедневно сообщали сводки». «Вот и напрасно. Этого делать не следовало. Но ничего, ошибка, которая может способствовать дальнейшему росту, неопасна. А что

касается той женщины, то, если она в чем-нибудь нуждается, мы ей поможем. У нас же есть юбилейный фонд! Если потребуется, можно использовать его целиком для этой цели. Ничего не пожалеем. Нужна квартира — дадим квартиру, нужно единовременное пособие — дадим пособие, нужна работа — дадим работу. Если она настоящая патриотка, ей самой должно быть неприятно пятнать честь города. Очень хорошо, что ты мне напомнил, Иона!» — тут он обратился к комиссии: «С этой женщиной необходимо поговорить мягко и тактично. Вношу предложение: поручить эти переговоры товарищу Ионе Камкамидзе. Кто за?»

Стоит ли говорить, что никто даже не воздержался, и дяде Ионе пришлось вновь облачиться в белый халат и натянуть на голову белый колпак.

Поначалу дядя Иона счел предложение Каца Гогия вполне приемлемым и с удовольствием взял на себя роль посредника, так как, по его мнению, экономическая выгода являлась наиболее важной, а на кой черт нужны человеку звание сотысячного и сляпанная Цуцунава медаль!

Однако вскоре на это разумное умозаключение пролился мутный поток бескомпромиссности матери юбиляра.

Увидев входящего в палату дядю Иону, она сначала ласково улыбнулась ему как старому и доброму знакомому. Дядя присел на стул и завел с нею поверхностный и легкомысленный разговор из тех, что так любят женщины. Разумеется, эта внешне непринужденная беседа имела вполне определенную цель; в частности, дядя стремился определить имущественный ценз молодой матери. И действительно, вскоре моему лукавому дядюшке удалось выяснить, что, если не считать незначительного духовного багажа, у юбилейной мамы нет решительно ничего, чему дядя очень обрадовался, прекрасно понимая, что чем беднее окажется мать маленького Каца, тем легче будет с нею договориться. Затем он незаметно перевел разговор на то, что в юбилейные подсчеты, по-видимому, вкралась какая-то ошибка. Чтобы придать этому рассуждению большую убедительность, он добавил, что тот, кому поручено было делать расчеты, неправильно извлек квадратный корень, вследствие чего числовые данные в биноме Нью-

тона оказались не полностью симметричными. Сейчас сказал дядя, расчеты ведутся заново, и вряд ли юбилейный номер снова достанется вам. При этом мягкое и нежное выражение разом исчезло с лица Ия-ии Бурдзглы. Затем, глядя дяде Ионе в глаза, она заявила, что биномы и дебилы — это по его части, а она, пока жива, от своего не отступится, пусть так и знает. Тогда дядя Иона пошел с главного козыря: пообещал квартиру единовременное пособие и работу. По собственной инициативе он предложил ей также не стесняться, если у нее есть какие-нибудь экономические претензии, обязуясь все уладить. Ия-ия Бурдзгла долго и внимательно присматривалась к дяде и наконец осведомилась, не Иона ли он Камкамидзе? Дядя Иона сперва был несколько удивлен, потом с удовольствием подумал, что орла узнают по полету и подтвердил, что он действительно Иона Камкамидзе. «И не стыдно вам, такому человеку, плясать под их дудку, знаю я их расчеты, я вашим расчетам доверяла, разве не вы печатали сводки в газетах? — обрушилась на дядю Ия-ия. — Я-то считала вслед за вами и в надежде на вас родила именно сегодня, ведь не на них же глядя я мучилась, терпела целых два дня эти адские боли, если бы я знала, что придется иметь дело с этими мерзавцами, родила бы еще позавчера! Вы хоть знаете, что такое — сдерживать начавшиеся схватки? Не знаете. И не дай вам бог когда-нибудь узнать! Могла ли я предположить, что и вы окажетесь из их породы!.. Сколько времени уже я мечтаю о ребенке, да все никак не решалась, думала — родить-то рожу, а на какие шиши растить? Наконец понадеялась на этот юбилей, решила, а теперь вы мне говорите, что неправильно подсчитали?!» «Но ведь вам обещают всяческую экономическую поддержку, — отвечал дядя, — неужели для вас так важно это юбилейство?» В ответ на это Ия-ия еще распалилась: дескать, из того, что положено моему маленькому Кациа, дай бог ему здоровья, я на мизинец ничего не уступлю, можете оставить себе свою экономию, сукины вы дети, ворюги несчастные, на кой мне сдалась эта квартира или работа, когда я со стыда сыну в глаза взглянуть не посмею! Что мне отвечать ему, когда он вырастет и спросит: скажи, мол, мамочка, почему это я не стотысячный? А я ему в ответ: променяла, мол, сынок, твое юбилейство на

квартиру с работой, да? Так и сказать? Вы ведь мне это предлагаете, верно? Судьбой сына торговать, верно?..

И тут случились две странные и непредвиденные вещи: Ия-ия Бурдзгла внезапно разрыдалась, а дядя Иона растрогался. Когда же ему не удалось успокоить плачущую женщину словами, дядя прибегнул к крайнему средству: положил свою руку на бессильно лежавшую на краю постели руку Ия-ии и погладил ее со всей нежностью и лаской, на какую только был способен. На это Ия-ия сперва перестала плакать, потом снова заплакалась, потом снова перестала. Наконец она утерла слезы и, продолжая всхлипывать, принялась сетовать на нынешние времена, когда во всем Санаклио не осталось человека, способного встать на защиту несчастного ребенка, не имеющего отца, и добиться для него справедливости.

Тут-то смертельная схватка между двумя началами, составляющими натуру дяди Ионы, и завершилась победою одного из них, и дядя Иона вступил на скользкий путь измены. Он изменил занимаемой должности, изменил комиссии, изменил долгу, изменил совести, изменил всему Санаклио, изменил его девяносто девяти тысячам девятистам девяносто девяти гражданам и продал душу дьяволу. Когда он рассказывал мне об этой своей бессовестной измене, на лице у него было написано блаженство, звучащее также в его голосе. О, какое это удивительное чувство, уверял он меня, и, по его словам, по телу его и поныне пробегает дрожь при воспоминании о том, как душа его наполнялась, а тело заряжалось этой острой и великой изменою, как менялись местами принципы, взгляды, отношения к вещам, симпатии и антипатии, как все это размещалось заново и как светлел мир вокруг. Кто никогда не совершал измены, не может похвалиться, будто жил полнокровной жизнью... Короче говоря, дядя Иона в самых высокопарных (как он признался мне, даже несколько излишне высокопарных) выражениях пообещал Ия-ии Бурдзгле, что не будь он Иона Камкамидзе, если позволит хоть кому-нибудь обидеть ее и ее сына, после чего в полную силу задействовал свои четырнадцать миллиардов (или сколько их было у него в действительности) клеток, и с этого мгновения повел тайную и, как станет видно ни-

же, весьма коварную войну против собственной комиссии.

Прежде всего он заверил Кациа Гогия комиссию, что все улажено, женщина согласилась на их условия, а затем, спровадив довольную и успокоенную комиссию, наведаясь к врачу, который принимал роды у Ия-ии Бурдзглы. По словам дяди, он к тому времени уже успел собрать необходимые сведения об этом, врач и, в частности, знал, что тот не только изъяснялся четырнадцатисложным белым стихом, но и являлся редактором стенной газеты «Голос роженицы», для которой сам писал, сам рисовал и которую, закончив писать и рисовать, сам вывешивал на видном месте в коридоре, проделывая все это с охотой и энтузиазмом, ибо вот уже пятый год публиковал в этой газете с продолжением свою поэму в две тысячи строк, где в художественной форме освещал проблемы аборта. От имени комиссии дядя Иона объявил редактору стенгазеты, что необходимо подготовить специальный выпуск в связи с рождением стотысячного санаклийца, самолично набросал план этого выпуска, обговорил с редактором содержание материалов, которые должны быть в нем опубликованы, и взял с того обещание, что к вечеру газета будет готова (в девять часов вечера газета и вправду уже висела в коридоре. В ней публиковалась передовая статья о необходимости дальнейшего улучшения работы клиники, написанная ритмической прозой статья под заголовком: «Иамзе Бурдзгла — родному Санаклио!», лирическое стихотворение на ту же тему, еще одна статья, где автор воспевал врача, способствовавшего появлению юбиляра на свет, благословлял его золотые руки и высказывал пожелание, чтобы двухсоттысячный житель города также был рожден при его участии; кроме того, газета помещала начало тридцать пятой песни поэмы и небольшую юмореску в стиле народной сказки о том, какой тяжкий и тернистый путь пришлось пройти маленькому Кациу, какие преодолеть препятствия, как он превзошел умом, ловкостью и мужеством всякую нечисть в лице драконов и колдуний, пытавшихся отнять у него юбилейство и присвоить его себе. В самом конце был нарисован почтовый ящик с надписью: «Присылайте нам письма!»). Пресса была великой силой даже в Санаклио, и хотя стенгазета — это не бог весть какая

пресса, дядя Иона знал, что, когда добро и зло будут брошены на чаши весов и каждой крупине их будет придаваться решающее значение, даже такой орган печати, как стенная газета, может сыграть важную роль.

Покончив со стенгазетой, дядя посетил на дому корреспондента «Вечернего Санаклио», чтобы подключить к борьбе большую настоящую прессу. Когда они уселись за накрытый стол (а столы в тот день были накрыты в каждой санаклийской семье без исключения), дядя сказал, что его удивляет, как это столь почтенный человек до сих пор топчется на месте, неужели он так и собирается помереть рядовым литсотрудником, и не пора ли ему стать заведующим отделом, заместителем редактора, да, наконец, — почему бы и нет? — самим редактором и вытащить из болота этот поросший мхом «Вечерний Санаклио», или, может, он хуже других? Э-эх, дорогой мой Иона, отвечал корреспондент, куда уж хуже, когда я гляжу на наших заведующих отделами; да и на самого редактора, мне плакать хочется, ведь ни один из них не стоит и мизинца моей левой ноги, да что поделаешь, разве без чьей-нибудь помощи продвнешься: Ну, ладно, не будем об этом, замял разговор мой лукавый дядюшка и даже перевел его на что-то другое, несколько не сомневаясь, что задел самую чувствительную струнку в сердце корреспондента и тот уже не станет говорить ни о чем другом. И тот, действительно, не стал. Тогда дядя Иона, понизив голос, заговорщицким тоном сказал, что из личного уважения к корреспонденту — других причин у него, разумеется, быть не может, но будь что будет, — он откроет ему имя и фамилию матери юбилейного ребенка, но не дай бог, чтобы об этом кто-нибудь проведал, потому что вся редакция «Утра Санаклио» — сплошь дядины друзья, которые в жизни ему этого не простят. Корреспондент «Вечернего Санаклио» клятвенно пообещал дядю не выдавать.

И в тот же вечер в газетной жизни Санаклио произошел значительный перелом: утренняя и вечерняя газеты отличались друг от друга. А именно: в утренней газете информация, касавшаяся рождения стотысячного гражданина Санаклио, заканчивалась фразой: «Маленький Кация и его счастливая мама чувствуют себя превосходно», тогда как в вечерней газете эта фраза звучала так: «Маленький Кация и его счастливая мама — Иям-

зе (или, как называют ее близкие друзья, Ия-ия) Бурдзгла — чувствуют себя превосходно».

Пожилой корреспондент «Вечернего Санаклио» свое слово сдержал, не посрамив сомнительную честь дяди Ионы, и на допросе, происходившем в кабинете Кациа Гогия в присутствии дядюшки и еще нескольких членов комиссии, источник информации мужественно скрыл. Впрочем, надо сказать, что никто и не заставлял его назвать соучастника, ибо в столь сложных обстоятельствах Кациа Гогия стремился не столько наказать виновного, сколько исправить допущенную оплошность. Это дело он мог доверить только такому надежному и испытанному человеку, как дядя Иона. Дядя Иона для виду глубоко задумался, а затем предложил следующий план: когда новый юбиляр будет избран, сообщение об этом следует опубликовать так, чтобы тактично и непринужденно обойти стороной имя и фамилию матери. Более того, первое время лучше вообще не упоминать имени отца, а как-нибудь выйти из положения при помощи одной фамилии, ну, хотя бы вот так: «Долгожданное счастье некоторое время, словно белый аист, кружило в чистом небе Санаклио и, наконец, поселилось в дружной семье — ну, скажем, Гогия.» Тем самым мы постепенно сотрем в памяти читателей имя Иямзе Бурдзглы, а позднее, когда представится такая возможность, незаметно подсунем им новое имя. Кациа Гогия одобрил этот план и в знак своей благодарности горячо пожал дяде Ионе руку и даже (во что лично я уже не верю) прослезился.

Прежде, чем покинуть кабинет, дядя Иона согласовал с Кациа Гогия еще один вопрос чрезвычайной важности: проблема, сказал он, весьма и весьма деликатная, и нельзя заранее предусмотреть все осложнения, поэтому он считает нужным на всякий случай официально оформить справку о выписке или прописке (неизвестно еще, какой из этих вариантов нам пригодится) одного гражданина. Кациа Гогия тут же позвонил головастому Хвиче и предложил ему без колебаний выполнять все требования секретаря комиссии.

А тем временем в городе начался праздник. Правда, трон все еще пустовал, однако город, опираясь на сведения, почерпнутые из газет, приступил к празднованию, как ему и было предписано. Была успешно про-

ведена (я сам на ней присутствовал) конференция «Мать, отец, ребенок — биологический и психологический аспект проблемы», состоялся летучий митинг перед родильным домом, в яслях и детских садах раздались радостные аплодисменты. Правда, соответствующие органы осторожно и тактично посоветовали соответствующим организациям до поры, до времени воздержаться от проведения мероприятий, однако участников теоретической конференции и митинга вовремя предупредить не удалось, а в детских садах и яслях на это предупреждение просто не обратили внимания, поскольку педагоги-воспитатели, бессонными ночами ломавшие себе головы над литературно-музыкальными монтажами, естественно, опасались, как бы плоды их титанического труда не пропали даром.

В течение последующих трех дней дядя Иона дома не появлялся, поэтому вся семья, можно сказать, находилась в неведении, понятия не имея о том, какие каверзы он еще затекает. О событиях тех дней дядя и впоследствии говорил без обычного энтузиазма и, касаясь кульминационного, самого драматического этапа своих приключений в беседах со мною (с остальными он вообще на эту тему не разговаривал) всякий раз бывал совершенно индифферентен и излагал события кратко и довольно сухо, пользуясь, главным образом, языком фактов.

Факты же (и те, что стали известны благодаря прессе, и те, что я узнал от дяди) были таковы: в тот день, простившись с Кациа Гогия, дядя Иона сначала отправился в роддом, внимательно прочел стенную газету и остался доволен ею, затем он навестил Ия-ию Бурдзглу, порадовал ее выпуском «Вечернего Санаклио», однако тут же разъяснил, что это только начало и главные битвы еще впереди. Из роддома он направился в учреждение головастого Хвичи, где обнаружил, что пользуется иногда (разумеется, только в мелочах) благосклонностью судьбы: поразительно, но в те дни один человек действительно выписался из города Санаклио, а другой действительно в нем прописался, так что Хвичино учреждение совершенно безболезненно, легко и со спокойной совестью выдало ему обе справки. От Хвичи дядя вновь возвратился в роддом и занялся предположительными кандидатами. Перед Ия-ией Бур-

дзглой родила (это дядя знал и раньше) женщина, выставившая кандидатуру по фамилии Шамоева; вслед за Ия-ией Бурдзглой (тринадцатого вечером) родила женщина, выставившая кандидатуру по фамилии Меписашвили. Оба кандидата имели по отцу и оба происходили из прекрасных семей. Дядя Иона выписал домашние адреса обоих кандидатов и побывал в обеих семьях (что он там делал, дядя так и не сказал). После этого он зашел в редакции и подготовил корреспондентов (он так и сказал: «подготовил», а когда я поинтересовался, какой характер носила эта подготовка, дядя переменял тему разговора). Оттуда он явился к Кациа Гогия, которому объявил, что все идет по плану. Затем он провел заседание комиссии, назначил день главного юбилея (16 мая), собственноручно составил текст пригласительных билетов (грамоте у нас, сам знаешь, еще не все обучены, сказал он мне), отослал с одним из ассистентов этот текст в типографию, после чего занялся добыванием экипажа, лошадей, цветов, национальных костюмов и прочих аксессуаров и целый день провел в беготне по этим делам.

На другое утро, прочитав в «Утре Санаклио» такие строки:

«Санаклио спешит навстречу своему стотысячному сыну.

Долгожданное счастье некоторое время, словно белый аист, кружило в чистом небе Санаклио и, наконец, поселилось в дружной семье Шамоевых. Да, да, дорогой читатель, вы не ошиблись: гостеприимные ворота города Санаклио с радостным возгласом распахнул стотысячный житель. Спешим сообщить вам, что роды прошли успешно. Молодая мать и новорожденный чувствуют себя превосходно. Сейчас, когда пишутся эти строки, маленький Кациа, надо полагать, уже впился своими пухлыми губками в материнскую грудь», — Кациа Гогия с аппетитом позавтракал, однако вечером, прочитав в «Вечернем Санаклио»:

«Санаклио спешит навстречу своему стотысячному сыну.

Долгожданное счастье некоторое время, словно белый аист, кружило в чистом небе Санаклио и, наконец, поселилось в дружной семье Меписашвили. Да, да, дорогой читатель, вы не ошиблись: гостеприимные ворота

города: Санаклио с радостным возгласом распахнул сто-
тысячный житель. Торопимся сообщить вам, что роды
прошли успешно. Молодая мать и ребенок чувствуют се-
бя превосходно. Сейчас, когда пишутся эти строки, ма-
ленькая Ванда, надо полагать, уже впилась своими пух-
лыми губками в материнскую грудь», — он совершенно
потерял аппетит, и кусок не полез ему в горло.

А всего час спустя, в своем роскошном кабинете, он
безжалостно стучал кулаками по крепкому, выносливо-
му, многое повидавшему на своем веку дубовому столу
и без разбору спускал шкуру с правого и виноватого. В
такой напряженной обстановке дядя Иона, ко всеобще-
му изумлению присутствующих, прервал Кациа Гогия
на середине бранной тирады и полностью взял всю ви-
ну на себя. Во всем виноват я один, остальные здесь
ни при чем, сказал дядя, и если уж наказывать, так
только меня, и никого больше. Конечно, я мог бы ска-
зать, продолжал он, что мне даже почесаться было не-
когда, и тем не менее я обязан был за всем проследить
до самого конца, ведь я же знал, с какими болванами и
остолопами мне приходится иметь дело. Однако наказа-
ние никуда не денется, этим можно заняться и позже, а
сейчас самое главное — вовремя исправить положение.

И исправил.

Не знаю, что именно он сделал (что надо было, то
и сделал, сухо ответил он мне, когда я, заинтересовав-
шись, стал выпытывать у него детали, и больше об
этом эпизоде из него не удалось вытянуть ни словечка),
но факт то, что на другой день газеты поместили по-
правку.

Прочитав в «Утре Санаклио»:

«Поправка

В опубликованной во вчерашнем номере нашей га-
зеты статье «Санаклио спешит навстречу своему стоты-
сячному сыну» по вине корректора допущена ошибка.
Вместо слов «...в дружной семье Шамоевых» и «...ма-
ленький Кациа, надо полагать, уже впился своими пух-
лыми губками...» — следует читать: «...в дружной семье
Меписашвили» и «...маленькая Ванда, надо полагать,
уже впилась своими пухлыми губками...», остальное —
по тексту», — Кациа Гогия вновь позавтракал с аппети-
том. Зато, прочитав в «Вечернем Санаклио»:

«Поправка

В опубликованной во вчерашнем номере нашей газеты статье «Санаклио спешит навстречу своему стотысячному сыну» по вине корректора допущена ошибка. Так, вместо слов «...в дружной семье Меписашвили» и «...маленькая Ванда, надо полагать, уже впилась своими пухлыми губками...» следует читать: «...в дружной семье Шамоевых» и «...маленький Кациа, надо полагать, уже впился своими пухлыми губками...», остальное — по тексту», — он аппетита опять лишился.

В тот день город Санаклио выглядел так, словно догадывался, что за его спиной что-то замышляется, но что именно — понять не мог и потому застыл в страхе и ожидании, а многое повидавший на своем веку стол Кациа Гогия до глубокой ночи с терпением Иова сносил побои своего хозяина. На сей раз Кациа Гогия вторила и комиссия, время от времени тыча в дядю Иону пальцами с восклицаниями, суть которых выражалась древним кличем: «Бей его!». С чувством восхищения и законной гордости должен отметить, что и на этот раз у дяди хватило наглости, воспользовавшись первым же удобным случаем, произнести речь. Само собой разумеется, понурившись и тоном глубокого раскаяния молвил он, теперь я окончательно и по заслугам утратил в ваших глазах какой бы то ни было авторитет и всяческое доверие, но прежде, чем я понесу справедливое наказание, позвольте мне сказать несколько слов. Выход из положения все еще существует, и если вы разрешите мне сделать еще одну попытку, я берусь искупить свой чудовищный проступок. Это вам говорит человек, полностью осознавший свою ошибку и готовый любое наказание принять как высочайшую награду. Я не прошу у вас доверия, ибо доверять мне более невозможно; я лишь укажу вам выход, а там уж действуйте сами. Даже если не принимать во внимание ту в высшей степени прискорбную неразбериху, которая возникла на страницах наших газет, город все равно уже знает, что настоящий юбиляр — это ребенок Иямзе Бурдзглы, об этом со всей очевидностью свидетельствуют «Вечерний Санаклио» от 13 апреля, стенгазета «Голос роженицы» и те двое граждан, один из которых несколько дней назад выписался из нашего города, а другой в нем прописался. От этого факта нам никуда не деться, поэтому стотысячным следует все-таки признать стотысячного, хо-

тим мы этого или нет. Погодите, товарищи, дайте мне досказать, вы же еще не знаете, что я собираюсь вам предложить. При создавшемся положении дело можно повернуть следующим образом: Иямзе Бурдзгла назовет имя отца ребенка. Она назовет одного из своих мужчин или просто первую попавшуюся фамилию, это я беру на себя. А мы опубликуем новую поправку, в которую внесем эту фамилию, на сей раз окончательную и неизменную. Тут уж никто не станет копать и выяснять, что да как. Для нас сейчас спасение только в этом; тогда мы сможем справить юбилей, а сцену с экипажем, в конце концов—хотя мне будет очень больно,—можно исключить, или нанять кого-нибудь, чтобы посадить рядом с Бурдзглой в качестве отца ребенка. Главное—не ударить в грязь лицом перед гостями, а там или город вовсе забудет эту историю, или мы что-нибудь придумаем. Во всяком случае на данном этапе другого выхода у нас нет.

Конечно, никому бы и в голову не пришло теперь полагаться на дядю Иону, но ничего лучшего никто придумать не смог. Поэтому, после недолгих колебаний, предложение дяди было принято. Дядю Иону отправили в роддом подготовить Ия-ию Бурдзглу, а во избежание очередных недоразумений одновременно послали вслед за ним корреспондентов обеих газет сразу.

Ия-ию Бурдзглу дядя Иона уговорил без труда. Как вы велите, так я и поступлю, сказала она, и когда дядя направился к выходу, чтобы пригласить корреспондентов, проводила его теплой, благодарной и, как он меня уверял, самой что ни на есть невинной улыбкой. Когда же дядя ввел корреспондентов, она встретила их с мягким укором в глазах и примирительным тоном поговорила на шумиху, которую они устроили, а также на то, как им вообще могло прийти в голову, что у ее маленького Кации, дай бог ему здоровья на радость маме, совсем нет отца. Корреспонденты пробормотали что-то вроде извинений и, вооружившись авторучками, попросили заодно уж назвать его имя и фамилию. Ия-ия Бурдзгла еще раз взглянула на дядю с теплой, благодарной и самой что ни на есть невинной улыбкой и сказала: «Иона Ноевич Камкамидзе...»

Юбилей и в самом деле был отпразднован великолепно.

Впереди, как и было задумано в сценарии, ехал открытый экипаж, разукрашенный всевозможными цветами. В экипаж впрягли пару белоснежных лошадей. На козлах восседал артист народного театра, облаченный в костюм кучера. На сидении расположилось счастливое семейство. Маленький Кациа, казалось, был чем-то удивлен и взирал по сторонам с некоторым сомнением. Дядя Иона был при галстуке. Моя тетушка Ия-ия напоминала необычайной красоты полевой цветок. Приветственным возгласам и овациям не было конца...

Пролог

12 июня, проснувшись, как обычно, в два часа пополудни, я внезапно вновь на несколько мгновений оказался во власти сна, и мне приснилось, будто я в родном Санаклио и вместе с дядей Ионой сижу за накрытым столом в духанчике, освещенном робким голубоватым светом.

Нет ничего лучше, чем пировать в обществе дяди, однако что-то (возможно, освещение) мне не понравилось и, вероятно, поэтому, вновь разлепив веки и еще не пробудившись окончательно, за грудой окурков, пустых бутылок, книг с ободранными обложками, консервных банок и всего того, что валялось на полу, на столе, на стульях и на полках, где-то очень далеко, в самом конце комнаты, вытянувшейся на целый свет, я вдруг снова увидел дядю Иону.

Когда подобное видение следует за таким сном, человек не может не поддаться страху и дурным предчувствиям. Поэтому я целый день провел в ожидании проникнутой умеренной печалью телеграммы от отца, в которой сообщалось бы о кончине дяди Ионы. К счастью, дядя никогда не придавал особого значения моим снам, и телеграммы я так и не дождался. Правда, к вечеру я получил письмо, которое, впрочем, извещало меня не о кончине моего дядюшки, а совсем о другом:

«Дорогой соотечественник..!

28 июня с. г. город Санаклио торжественно празднует рождение своего двухсоттысячного жителя. Надеемся, что Вам удастся приехать и разделить с нами эту великую радость.

Просим Вас также, в случае, если Вы желаете каким-нибудь образом принять участие в праздничной программе (поздравительная речь, песня, танец, декламация, акробатика, цирковой номер, оригинальный жанр и пр.), уведомить нас о своем желании до 20 июня, чтобы мы могли заранее оставить в общей программе место для Вашего выступления.

С уважением —

секретарь оргкомитета

И. Камкамидзе».

Перевод Александра ЗЛАТКИНА.

ХРОНИКА

РУСТАВЕЛИ В ВЕНГРИИ

Венгрия — первая зарубежная страна, где будет установлен памятник автору «Витязя в барсовой шкуре». И это не случайно — венгры одними из первых познакомились на родном языке с поэмой Руставели. По совету художника Михая Зичи, блестящего иллюстратора поэмы Руставели, с грузинского на венгерский язык ее перевел в начале века Бела Викар.

Выражением признания тво-

рчества венгерского художника станет открытие в Тбилиси памятника Зичи работы венгерского скульптора Шандора Киша.

Авторы монумента, который будет установлен в Венгрии, отец и сын, народные художники Грузии Константин и Мераб Мерабишвили, архитектор — заслуженный архитектор республики Нодар Мгалоблишвили.

Открытие памятника состоится нынешней весной.

* * *

В меня светло и мягко день войдет.
Блесни, минута, отраженьем детства!
Пока течет, не иссякая, свет,
Я должен в колокольный звон одеться.

Земля мне, знаю, верность сохранит...
Глаза мои оденутся туманом,
Как два пятна, слезами истекут,
Пронзенные слепящим солнцем пьяным.

Я должен здесь остаться—с добротой,
И с пустошью, и с этим дивным садом.
Погибну, если в доме затворюсь,
Расстанусь с раем и расстанусь с адом.

Мелодию, таинственный напев,
В сурдинку и без слов готов пропеть я...
Меня любовь позвала, извлекла
Из смутного, невнятного столетья.

Дерево

Дерево умеет молча слушать,
Ствол тебя разглядывать готов,
Дерево тебе откроет сердце
Дрожью нераскрывшихся цветов.

Дерево умеет сад оставить,
В дом его дыханью путь открыт,
Дерево с ума сойдет в апреле
И цветами ветви окропит.

Дерево умеет быть в покое.
Тенью на траве лежит оно.
Дерево — дитя земли и неба —
Воле всеблагой подчинено.

Дерево уходит в день осенний,
Падает листвою в перегной,
Тень его — дрожащая гравюра,
В небе сотворенная луной.

Дерево огонь в себе скрывает
И глядит на землю с высоты.
Ветра чуть заметное дыханье
Трогает упавшие листья.

Не шуми — здесь сад живет и дышит,
Здесь садовник — сеятель огней.
Сад пространство трогает ветвями.
Глубину — объятьями корней.

Мы придем к корням, чтоб раствориться
В вечных их подземных голосах,
И они прохладой нам напомнят,
Что над нами — звезды в небесах.

* * *

Памяти Александра Блока

Беда, когда ломает крылья ветер,
Когда тебя пронзает острый свет,
Когда, решив, что все живешь на свете,
Ты вдруг узнаешь, что тебя тут нет.

Мне эти строчки сад диктует властно,
Погасший, желтый, высохший, в пыли.
Один лишь клен трепещет цветом красным,
Но и багрянец плавится вдали.

Ты, время беспощадное, стальное,
В листву проникло, с красками борясь,
На дней прошедших ржавом перегное
Чернеет несмываемая грязь.

Чернея, тучи налегли на двери,
Застлало дали траурною мглой...
Как долго ты еще скрывать намерен,
Что ты — не ты, что ты сейчас — другой?..

Что ты бессилён воевать с судьбою,
Что отгремели жаркие бои?..
Перевернем же ком земли — с тобою
Могилу роют помыслы твои.

Чем мысли эти зря бросать на ветер,
Беречь не лучше ль свет ушедших лет.
Пусть думают, что ты живешь на свете.
Пусть не узнают, что тебя здесь нет.

Фрагмент картины Брейгеля „Триумф смерти“

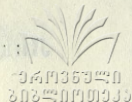
Он мог еще изведать свой удел,
Но почему-то больше не хотел
Идти путем, который был неведом, —
Он был землей и стал землей опять,
А я хотел за ним рвануться следом,
Но уходя, меня не стал он ждать.

По празднику тоскую снова я,
Хотя судьба начертана моя —
Истаять в дыме роком я назначен.
И к смертному я приближаюсь рву,
И жизнь меня все гонит к неудачам,
И лишь надеждой на тебя живу.

Жду — явит чудо дней беззвучный бег, —
Тысячелетье завершивший век
Уходит в вечность. И горит, как порох,
Терпение. Окончен долгий путь,
Я изнемог в бесплодных разговорах,
Бессилие заполонило грудь.

Провал, как рок, открывшийся меж дней,
Глухая ночь, и нет просвета в ней...
Молись, чтоб это в небыль убежало!
Грехи, как мгла, уйдут от солнца прочь.
Ну, а пока раздвоенное жало
С шипеньем злым высасывает ночь.

Тень старика, мельканье тощих рук,
Он ладит доски, слышен дробный стук, —
Ковчег он строит, озирая море.
А голубь держит в клюве луч дневной,
И за лучом пойдет по водам вскоре
В ковчеге заселенном старой Ной.

Уж день седьмой стучится у дверей,
А ты — робей пред ним иль не робей —
Защиты нет от черта или бога,
И все едино — верь ты иль не верь —
Ты одинок на острове убогом
И в царство душ тебе открыта дверь.

День — море света между двух ночей,
Сверкает утро чистотой лучей.
Свет рядом с тьмой, вверху до срока

скрытой,

И свет и тьму спокойно небо ждет,
И оргия сменяется молитвой,
За верностью предательство идет...

Перевод Юлиа ДАНИЕЛЯ

Осеннее Ларилари

Рассыпал барбарис у ног Эльбруса искры,
малина заревом обрывы залила.
По хвойному пути пронесит пламя Ненскра,
горит в огне гранатов Ларилари¹.
Альпийские луга в запалинах и гари,
по склонам вязь листвы изли пышет жаром,
нагреты докрасна зубцы хвощовых стрел.
Кислицы-яблони и те в багряных пятнах...
Закатом подпаленные, уж стали тлеть каштаны.
И над Эльбрусом факел свой подняв,
поджег закат и снежные громады.
Взлетели голуби пурпурной стаей вдаль...
И в зарослях блуждая виноградных,
стучалась в окна домиков отрядных
заря в селенье алом Ларилари.

Приговор за измену...

В том выжженном краю. унылом и немом,
кто мог бы рассказать о времени ином,
когда смертельный зной топя в зеленой мгле,
там рос дремучий необъятный лес.
Буравил камни он корнями, побеждал
свирепый натиск бурь... И вот со стоном пал
под топором у ног родного человека,
пал опозоренный, загубленный навеки...
Но кто ж, злопамятный, за то сторицею воздал?
Кто мучить стал тот край из рода в род жестоко?
Кто хоры в нем спугнул певцов лесных и звонкий
напев ключей? Кто свежесть вместе с тенями изгнал?
Кто, силу истощая речек полноводных,
глумленью камнепадов отдал склоны?
Кто, кто, прощать за легкомысленность не умея,
вручил поля бесчинству суховея?
Да, это он — седой, как мир, — судья,
что за измену в дружбе и любви
к родной Природе
в пустыню обратил тот край с его людьми
на долгие, в постылом зное, годы...

¹ Ларилари — сванское село в долине Ненскры.

ДЛЯ ТЕХ, КОГО ОСТАВИЛ ОТЕЦ

РАССКАЗ

У КАЖДОГО в жизни наступает день, когда от него уходит самый близкий человек, уходит по своей воле или — не желая этого, но его уведут силой. Одни уходят навсегда, умирают, другие уходят и возвращаются, третьи не возвращаются — только не потому, что их больше нет, просто где-то они чувствуют себя лучше. Ряды последних гордо украшает и мой отец.

Отцы оставляют нас в любом возрасте: в самом нежном, младенческом, или когда мы немного подрастаем и впервые произносим слово «папа», когда только начинаем делать первые шаги или впервые идем в школу, или же когда нам больше всего хочется сказать: я был с папой на футболе, вчера к нам пришли папины друзья, мы с папой были на рыбалке, я видел в ящике папиного письменного стола оружие, и наконец — вчера папа застал меня курящим и хорошенько вздул. Отцы уходят тогда, когда ты мужаешь и тебе больше всего нужен отец.

Мне было тринадцать лет, и я безумно любил отца. Он и сейчас не вызывает у меня ненависти, иногда я думаю, что даже люблю его. А порой мне кажется, что и он любит меня. Я вижу его один-два раза в год, когда в моей жизни происходит что-то значительное и мама звонит ему. Он приходит на полчаса, дает мне наставления, затем украдкой смотрит на часы и убегает до следующего года ко второй своей семье. Говорят, что если любишь человека, можешь не видеть его много лет, но все равно будешь любить. Может быть, но только не отца.

Отец мой был красив, вернее, хорош собой. И даже шрам над бровью — это в молодости кто-то его

ударил — не уродовал его. Когда отец смеялся, глаза его как-то печально улыбались. Он был так красив, что если бы даже он не был моим отцом, я бы все равно любил его. В последнее время я стал замечать, что он уже не так относится к маме, как обычно. И ко мне тоже — он никуда не брал меня с собой, не смешил. «Почему, папа?» — сказал я однажды, когда мы были одни в комнате. Отец смотрел телевизор, вернее, сидел перед телевизором и думал о чем-то своем. «Почему, папа?» — повторил я. Он сидел, погруженный в свои думы. Я сидел в другом углу на тахте и просматривал какой-то журнал, точнее, не просматривал, а бесцельно листал, слюнявил палец и листал. «Почему, папа?». Я сказал это не ему, а себе, я уже давно спрашивал себя об этом. Давно уже тревожило меня это, мучило, заставляло плакать украдкой. «Почему, папа?..» Мне казалось, что вслед за этими словами мир рухнет. Что-то заставило меня произнести их тихо, я страшно испугался, чтоб не услышал отец, видно, я что-то чувствовал сердцем, чувствовал, что отец должен уйти. Он внезапно повернулся ко мне, нервно спросил: «Что ты сказал?». «Ничего», — ответил я. «Только тебя мне не хватало», — буркнул он возмущенно. Никогда в жизни я не слышал от отца грубого слова. Не отрывая глаз от журнала, я почувствовал, как оборвалось вдруг во мне трепетное, теплое чувство к отцу. «Только тебя мне не хватало», — сказал он мне так, как говорят кому-то чужому. Я уже был покинут, ничто не могло удержать отца дома.

Стоял сентябрь. Я возвращался из школы. Подойдя к нашему дому, я вдруг чего-то испугался, побоялся зайти в подъезд, обошел дом сзади, осторожно поднялся по деревянным ступенькам и тихонько открыл выходящую на балкон дверь кухни. Мама стояла у окна и плакала, я догадался: папа ушел. Помню, как я побежал обратно. Я бежал долго, но мне казалось, что я топчусь на месте, что огромная улица несется мне навстречу с людьми, домами, шумом. Оглядевшись, я увидел, что оказался на Верийском кладбище, дальше дороги не было. Я присел на тротуар. Немного посидел, потом неторопливо пошел назад. Хотелось плакать. Я вошел в гастроном рядом с нашим домом.

— Дядя Сако, папа просил что-нибудь выпить, а

деньги он потом занесет, — сказал я и застыл в ожидании.

— Хорошо, голубчик, — откликнулся дядя Сако. Какое он хочет?

— Что какое?

— Вино, говорю, какое!

— Вина я не хочу.

— А что же?

— Водку.

— Ва!.. — удивился дядя Сако. Ну, думаю, попался. — С каких это пор он водку пьет? — сказал он и достал из холодильника бутылку водки. У меня отлегло от сердца. — Одну? — спросил он.

— Да, одну.

— Вот, голубчик. — Он протянул мне бутылку.

— Постой, постой, — сказал он вдруг. У меня упало сердце. — Заверну. — «Чтоб тебе...» — подумал я. Он очень старательно завернул бутылку в бумагу.

— Отец твой никогда еще не покупал водку.

— Не знаю...

— На, держи.

Я взял бутылку и вышел на улицу. Даже не сказал ему спасибо. Я направился к школе. За школой шло строительство. Выпью здесь, подумал я. На строительной площадке было очень темно, так, что я сразу даже побоялся туда пройти, но потом все же решился. Глаза привыкли к темноте. Я стал различать предметы, подошел к наполовину возведенной стене, присел на кирпичи. Здесь ни одна живая душа не увидела бы меня. Я с трудом откупорил бутылку и... После трех глотков, едва не задохнувшись, я отставил в сторону бутылку и сплюнул — вкус был отвратительный. И что заставляет их пить это, подумал я, немного подождал и начал сначала. Теперь дело пошло лучше. Когда я оторвал бутылку от рта, увидел, что добил ее до половины и обрадовался, хотя меня тошнило от запаха. Теперь надо ждать, когда я опьянею. И я стал ждать. Опьянение не приходило. Я еще немного отпил и снова стал ждать. Все тело вдруг согрелось, у меня закружилась голова, и я немного испугался. Потом голова закружилась сильнее, но я уже не испугался, было приятно, хотелось с кем-нибудь поговорить... «Нет, но почему, папа, почему?.. Пожалуйста, что хочешь, как хочешь, но почему?..». На

последнем слове я понял, что разговариваю сам с собой, испугался и замолчал. Потом чувство страха прошло, и я подумал, что хорошо бы еще выпить и допил бутылку. Внезапно словно посветлело, и я увидел перед собой тропинку, белую на ярко-зеленой поляне. Она была усыпана белыми камешками и блестела на солнце. Я оглянулся, вокруг шумел лес. Взгляд мой упал на огромную глыбу посреди поляны. Я подошел, провел по ней рукой, она была теплой от солнца. Я услышал шум воды, заглянул под глыбу — из-под земли выбивался родничок. Я нагнулся, выпил воды, потом плеснул на разгоряченное лицо — мне было приятно. Я лег на камень и устремил взор в небо — верхушки деревьев опрокинулись вниз. Наверное, нигде на свете мне не было бы так хорошо, как на этой маленькой залитой солнцем поляне.

Тут я увидел на лесной опушке мальчика в рубашке до колен, распахнутой на груди. В руке он держал длинный прут. Я позвал мальчика и помахал ему рукой. Он стоял на месте не двигаясь. Я опять помахал ему рукой и встал.

— Мальчик, иди сюда! — позвал я его. Он спокойно тронулся с места, медленно, как старик, пошел мне навстречу. Когда он приблизился, первое, что я увидел, — его глаза, зеленые, как эта поляна, спокойные, умные и печальные. Я не мог оторваться от этих глаз, стоял как замороженный, они же приближались ко мне, подходили совсем близко, входили в тело, и я каменел.

— Зачем ты звал меня? — спросил он меня, окаменевшего, и тотчас исчезла колдовская сила, и я спрыгнул с камня. На распахнутой груди у мальчика висел крестик, маленький простой деревянный крестик.

— Зачем ты звал меня?

— Мне хотелось побыть с тобой, потому и позвал.

Он улыбнулся мне так, что губы и не шевельнулись, одними глазами улыбнулся.

— Какого цвета у тебя волосы, золотистые?

— Золотистые...

— Я не видел никогда такого мальчика, как ты.

— Я похож на нарисованного?

— Нет, на ангела.

— Не могу.

— Ты должен простить его, должен терпеть. Ску-
чать, мечтать о нем, должен мучиться и прощать всем
все, должен терпеть, и придет потом та сказка, в ко-
торой все мечты и желания сбываются, ты отдохнешь,
и добро и мир будут царить на свете.

— Как ты говоришь, милый, как старец.

— Это не мои слова, их сказал моему деду его дед,
ты должен простить, милый, больше тебе ничего не оста-
ется.

— Смотри, и ты сказал мне «милый».

— Я люблю тебя и потому так сказал.

— Пойдем со мной, будем вместе жить, ты будешь
моим маленьким папой.

— Не могу, я должен уйти.

— Не уходи, милый.

— Возьми меня на руки.

Я нагнулся и обнял мальчика, его тепло переда-
лось моему телу. Потом его рубашка стала мокрой
от моих слез.

— Не уходи, милый! — умолял я его. Он поцело-
вал меня в мокрую от слез щеку. Так, как маленькие
мальчишки целуют отцов.

— Я должен уйти, — сказал он и опустил на
землю. Он пошел по белой тропинке и, не оборачива-
ясь, вошел в лес.

— Как тебя зовут, милый? — крикнул я ему.

— Меня зовут Гио, — не оборачиваясь, откликнул-
ся он.

* * *

Дом я знал. Сейчас главное было узнать, в какой
квартире он живет. Я вошел в подъезд и стал читать
список жильцов, написанный на черной доске мелом,
сверху вниз. «Д, д, д», — повторял я. Потом вспомнил,
что на этой доске не может быть нашей фамилии, папа
жил у «нее». На первом этаже я остановился перед
дверью с табличкой «Черкезишвили» и услышал стук
собственного сердца. Нажал на кнопку звонка. Дверь
мне открыла молодая женщина.

— Не скажете, где живет Гурам Данелия? — спро-
сил я, и мне показались какими-то чужими и имя и фа-
милия отца.

0000000000
0000000000

— Кто? — грубо спросила женщина.

— Гурам Дanelия.

— Высокий?

— Да.

— Любовник Лейлы?

— Чей?

— Лейлы.

— Да, наверное, — смешался я.

— На третьем, справа, — быстро ответила она и закрыла дверь перед моим носом.

Наверное, у нее нет любовника и потому она такая злая, подумал я и поднялся на третий этаж. Я позвонил, только не услышал ни звонка, ни того, как открылась дверь. Передо мной стояла очень красивая женщина в зеленом халате, черные волосы красиво спадали на плечи, а черные глаза блестели, как у девочки. Увидев меня, она запахнула на груди халат...

— Мне нужен Гурам.

— Гурам? — очень мягким голосом ответила она вопросом на вопрос.

— Да, мой отец, — гордо сказал я.

— Пожалуйста, пожалуйста, — пригласила она меня, как взрослого. Я вошел. Она усадила меня на стул посреди комнаты, извинилась и вышла из комнаты. Я очень нервничал. Я решил, что буду вести себя смело, и когда она вернулась, я, заложив ногу на ногу, спросил:

— Как поживаете?

И скользнул взглядом по комнате, словно между прочим, и даже что-то просвистел.

— Знаете, Гурама нет, но он скоро придет, подождите его.

— Он опоздает? — спросил я и посмотрел на настенные часы, если б у меня были часы на руке, я бы деловито взглянул на них и много больше выиграл. Так мне казалось тогда.

— Нет, он скоро придет, — она улыбнулась мне.

— Пять часов... В это время он всегда бывал уже дома, — сообщил я, — прежде, когда он жил со мной.

— Вас зовут Гия, да? — спросила она меня после довольно долгого молчания.

«Значит, папа говорит обо мне», — обрадовался я.

— Да, Гия, а вас Лейла?

— Да, Лейла, откуда вы знаете?

— Мне сказала ваша соседка...

Она встала, подошла к окну, у нее была очень красивая фигура.

— О чем вы спросили ее, вы знали мою фамилию?

— Нет, я назвал фамилию папы и спросил ее, где он живет. Кто, спросила она, любовник Лейлы, и сразу указала на вашу дверь, — укусил я ее.

Она не посмотрела в мою сторону.

— Сейчас я понимаю отца, — продолжал я.

— Что понимаете?

— От такой любовницы никто не откажется.

— Гия... — Она внезапно повернулась и, если бы не вышла на звонок открывать дверь, я бы не выдержал ее грустного взгляда.

Вошел папа. Я собрался с силами и встал. Он подошел ко мне, обнял и поцеловал. Его колючая борода обожгла мне лицо. Я глубоко вдохнул запах его кожи и сигарет и еле сдержался, чтоб не зареветь. Я отступил в сторону и улыбнулся ему.

— Как ты? — спросил папа. — Садись, садись, рассказывай, как ты живешь, что делаешь, я так занят, что не могу уделить тебе внимания.

— Да что там, я прекрасно живу, и дедушка, и мама... У нас все есть. А как ты?

Я весь дрожал.

— Хорошо, — ответил он.

— Работаешь?

— Да.

— Недавно я видел тебя на улице.

— И что же?

— Я сидел в машине, спешил, — придумал я.

— В чьей машине?

— Отца моего товарища, мы ездим на охоту.

— Нравится?

— Очень.

— А ты не мог попросить его остановить машину?

— Я же сказал тебе... мы спешили.

— Я виноват перед тобой, да?

— Ну что ты, какое там виноват? Я пошел, тороплюсь, зашел на минутку, здесь был, рядом и... — Я изо всех сил старался не зареветься.

Я встал. Встал и папа.

— Побудь еще немного, Гия.

— Нет, я повидал тебя и теперь бегу, будь здоров.

— Гия, возьми, понадобится... — Он протянул мне деньги. — Возьми...

— Что ты, папа, зачем мне, у нас все есть...

— Гия, сынок, ты приходи к нам, хорошо?.. Ты не поцелуешь меня?

Я поцеловал папу и посмотрел в его глаза, «почему, папа?» — опять произнес я невольно, и все мое долгое терпение лопнуло — я заревел, как девчонка.

Я убежал. Я бежал и плакал, я мечтал только об одном — поскорее добраться до нашего квартала.

В тот день я открыл шкаф, где лежала папина одежда, и глубоко вдохнул воздух. Я достал его синюю сорочку, обнюхал ее, как собака. Я могу дать прекрасный рецепт вам, тем, кого оставил отец, — по этому рецепту можно приготовить отца. Берем отцовскую сорочку, отрезаем от нее кусочек, желательно, чтобы сорочка была нестиранной. Так вот, смотрите: я беру сорочку, отрезаю от нее лоскут величиной с кисть руки, беру у изумленного дедушки две сигареты, высыпаю табак на лоскут и нюхаю — я чувствую запах папы. Теперь нужно, чтобы что-то кололо, так, как колется папа, когда он небритый. После небольшого раздумья я схватил платяную щетку, на кухне маленьким топориком для мяса отбил от нее маленький кусочек, положил на табак, ниткой перевязал лоскут от сорочки. Я подвязал комочек к цепочке, что висела у меня на шее. Теперь я мог поцеловать папу, когда мне хочется, теперь папа всегда со мной.

* * *

Я не видел отца целый год. Когда я сильно скучал, вытаскивал из-под сорочки колючий, пахнущий табаком комочек, оглядывался, не смотрит ли кто, прикасался к нему губами и опять прятал под сорочку. Я не видел отца год, а так каждую ночь я был с ним, ласкал его и целовал. Почему не приходишь, спрашивал я его тихо. Почему ты не приходишь? — кричал я во сне и просыпался от звука собственного голоса. Чья-то грубая рука брала мое сердце в кулак, крепко сжимала его, потом очень медленно отпускала, и тогда из глаз лились слезы, подушка делалась мокрой; я мог бы сдержать

плач, но давал волю сдерживаемым чувствам, плакал тихо, наконец успокаивался и снова пытался заснуть, чтоб увидеть его во сне. Год мучился я так и снова пошел к нему. Как и тогда, дверь мне открыла та женщина.

— Папа дома? — спросил я, даже не поздоровавшись.

— Нет, заходите, он скоро придет, — ответила она.

— Где он?

— Не знаю, но скоро должен прийти.

— Если он скоро придет, я зайду. — Я сделал шаг и услышал детский плач.

— Кто это плачет? — спросил я.

— Ребенок, — улыбнулась женщина.

— Какой ребенок?

— Мой.

— А еще? — спросил я, испугавшись своего вопроса. «Хоть бы не ответила, — подумал я, — хоть бы не ответила».

— Еще... еще вашего отца, он ваш брат, — ответила она с улыбкой.

— У меня нет отца. — Я попытался улыбнуться, но вместо улыбки у меня только скривились губы. — И, кроме меня, у отца нет другого ребенка.

Женщина молчала, смотрела мне в глаза. Довольно долго мы смотрели в глаза друг другу.

— Я ненавижу вас, ненавижу, вы противны мне, всех троих ненавижу! — завопил я и слетел по лестнице. Шел снег. Был предновогодний вечер, и все куда-то спешили, только все, кроме меня, ждали чего-то радостного, все на что-то надеялись, с неба же спокойно, медленно падали на землю большие безмятежные снежинки. Все спешили и все-таки кругом царило спокойствие. Это еще больше сводило меня с ума. Я бежал, то и дело натываясь на кого-то, прохожие сторонились меня или прижимались к стене и удивленно смотрели в мои отчаявшиеся, злые глаза. Я все бежал, в распахнутом пальто, растрепанный, раскрасневшийся, бежал, натываясь на прохожих или стены домов. Когда силы иссякли, я сел на заснеженный тротуар, погрузил руки в снег и закрыл глаза. Мне было трудно дышать.

— Что с тобой, мальчик? — услышал я чей-то го-

дос и поднял глаза. Передо мной стояли двое мужчин, вероятно, папиного возраста.

— Что с тобой? — повторил один из них.

— Вы мне противны, — сказал я и вызывающе впился в них взглядом.

— Что ты сказал?

— Вы мне противны.

Они отошли. Вдруг передо мной, у дома, строительство которого, видимо, еще не закончилось, я увидел валявшийся на снегу забор. К его верхней части была прибита доска. «Похоже на крест», — мелькнуло у меня в голове. Я еще посидел немного, потом встал и медленно пошел по освещенной улице. Я сделал всего несколько шагов и тут вспомнил о кресте. Я повернул обратно, подошел к забору. Теперь нужна была краска, и все было бы в порядке. В окошке барака для строителей мерцал слабый свет. Я постучал. Дверь открыл старик в телогрейке.

— Чего тебе? — спросил он.

— Краски.

— Я спрашиваю, чего ты, мальчик, хочешь?

— Нет ли у вас черной краски, совсем немного?

— Черной краски?

— Да, совсем немного, если можно.

— Здесь не склад, а строительство.

— Я вас очень прошу, может, у вас найдется, совсем немного?

— Для чего тебе под Новый год черная краска? — Старик улыбнулся.

— Мне очень нужно.

— Очень?

— Да, очень, и совсем немного.

— Постой, посмотрю, что-то должно было остаться в банке.

Старик еще раз посмотрел на меня удивленно и вошел в барак. Немного погодя он вышел с железной банкой.

— Ты везунчик, вот, осталось немного на дне.

— Мне хватит.

— Для чего тебе это, мальчик?

— Мне очень нужно.

— На, — протянул он мне банку.

— Большое спасибо.

Я повернулся и вновь подошел к валявшемуся забору.

«Пусть все видят, все...» — бормотал я и, когда опустился на колени перед крестом, вспомнил, что у меня нет кисти.

Тогда я опустил в железную банку правый кулак и погрузил его в краску. Потом на доске, которая была прибита к забору и напоминала мне крест, я старательно вывел букву «п», снова запустил кулак в краску и еще раз обвел букву.

— Что ты делаешь, мальчик? — вскрикнул старик, который, оказывается, стоял рядом.

Я не ответил, даже не поднял головы.

Кривыми-косыми, с подтеками буквами я вывел слово «папа», потом отодрал крест от забора и понес по освещенной улице, чтобы все могли прочесть, что на нем написано.

Я торопился, боясь, как бы снег не стер краску с доски. «Все должны видеть, все...». Я поднял крест над головой, черными руками сильно прижал его к груди и пошел дальше. Онемевший старик смотрел мне вслед. На всей улице прекратилось движение, прохожие изумленно взирали на мальчика, который в новогоднюю снежную ночь нес посреди улицы крест с надписью — «папа». «Все, все...» — бормотал я, хорошо сознавая, куда иду. Я прошел через весь проспект и наконец подошел к кладбищу, осторожно положил крест на снег. Я пальцами расковырял землю, сорвал с шеи цепочку с комочком и зарыл в вырытой наспех ямке, потом изо всех своих сил воткнул крест в мокрую землю и, чтоб он глубже вошел в землю, повис на нем всем телом. И вдруг вся злость прошла, ушла, исчезла ненависть, которая всего несколько минут назад вела по проспекту мальчика с крестом в руке.

— Папа! — закричал я, опустился на колени и обеими руками обнял крест, словно обнимал отца.

— Папа-а-а... — оплакивал я мертвого, но очень любимого отца.

Перевод Беллы ЦАРАХОВОЙ.

ДВЕРЬ

РАССКАЗ

ПАССАЖИРСКИЙ поезд Батуми—Тбилиси выехал со станции Кобулет, направляясь к столице республики. В купе вагона нас было четверо, мы ехали от самого Батуми и уже успели перезнакомиться и разговориться.

Не спеша распивая сладкий маджари, мы рассказывали забавные истории, чтоб скоротать время.

Мерный стук колес, покачивание вагона и долгая дорога располагали к дружеской беседе.

— Если вам не лень слушать, я поведаю историю, приключившуюся со мной лет десять тому назад., — предложил Сигизмунд Квачахия.

Конечно же, все мы охотно согласились выслушать его рассказ.

— Я получил изолированную двухкомнатную квартиру с просторной лоджией и со всеми удобствами в одном из микрорайонов, — начал Сигизмунд. — Радости моей не было предела. Подумайте только, из полуподвального помещения, где мы занимали крошечную комнату, мы вдруг, как нам казалось, попали во дворец!

И хотя в квартире были кое-какие недоделки — текли краны и батареи отопления, местами покоробился паркет, дверь и оконные рамы кривые, но все эти мелочи не трогали нас — как говорится, дареному коню в зубы не смотрят!..

Однако некоторые жильцы стали заменять входные двери из прессованного картона сосновыми и дубовыми, менять оконные рамы, паркет, систему отопления и так далее... Но, конечно, разговор не об этом, у каждого свои заскоки... Итак, спустя несколько месяцев пос-

ле того, как мы обосновались на новом месте, в один прекрасный июньский вечер кто-то постучал в мою дверь. Я отворил ее. Передо мной стоял симпатичный усатый пожилой человек в темных очках с несколько фривольной бородкой «а ля Буланже».

— Квачахия здесь живет? — спросил он.

— Да, я — Квачахия!

— Очень приятно!.. — обрадовался посетитель. — Значит вы сосед?

— Да, сосед! — согласился я, ибо все живущие в пятиэтажном доме — соседи, иначе быть не может.

— Вы-то мне и нужны! — сказал он.

— В чем дело?

— Говорят, хороший сосед лучше плохого родственника, слышали, наверное, а?

— Как же, как же! — подтвердил я.

— Ну, а если слышали, прихватите с собой еще одного соседа и помогите поднять сюда дубовые двери...

— В чем дело? — спрашиваю я.

— Вашему соседу Мурдаладзе надо установить дверь, а лифт не работает. Мы с подручным не в состоянии поднять ее на пятый этаж!..

Мурдаладзе действительно мой сосед по лестничной площадке, живет в трехкомнатной квартире. Правда, мы не столь близки, как люди, живущие в старых домах, но определенные контакты между нами все-таки существуют: он как-то пригласил меня на хаши, раза два обедал у меня. Вообще человек он общительный и, что самое главное, нужный — заведует гастрономическим магазином. Не будь даже этого, как можно отказать соседу в небольшой услуге! Я пошел за Титестером Поцхверия из однокомнатной, и мы вместе спустились вниз.

У подъезда стоял помятый, как старая жестяная печка, «Москвич» модели пятидесятых годов, с багажником на крыше. К багажнику была прочно привязана сверкающая лаком дубовая дверь. Около машины возился здоровенный детина лет двадцати. Лицо его было обмотано грубой шалью, видимо, у него болел зуб, а щеки и нос перепачканы не то сажей, не то мазутом. Он то и дело громко сморкался и невнятно бубнил себе под нос, разматывая замысловатые узлы на бельевой веревке.

— Это мой подручный, так сказать, ассистент! — представил нам верзилу мастер. — Племянником мне приходится. Бедняга глухонемой от рождения. Вот обучаю его ремеслу, чтоб мог заработать на кусок хлеба, — пояснил он и, подойдя близко к подручному, крикнул ему прямо в ухо. — Быстрой пошевеливайся, видишь люди ждут!..

Ассистент с презрением посмотрел на нас. Его могучие плечи и мускулистые руки наводили на мысль, что он свободно мог бы поднять эту дверь, усадив на нее тщедушного Титестера, и без труда подняться на пятый этаж.

Поймав мой взгляд и будто уловив мои мысли, мастер сказал:

— Эх, сила-то в нем богатырская, да вот пупочная грыжа не позволяет поднимать тяжести.

Он с таким сочувствием произнес эти слова, что мне совестно стало за свои мысли.

Наконец дверь была освобождена от веревочных пут, и мы вчетвером, вцепившись в нее, пошли по лестнице. Дверь в самом деле оказалась тяжелой, как и подобало добротной дубовой двери. Блики заходящего солнца, как в зеркале, отражались на ее безупречно гладкой поверхности.

Титестер, шедший за мной, тяжело дыша, шепнул мне на ухо:

— Видно, хорошо загребает наш сосед!

— Дай бог каждому... — без зависти ответил я и представил себе эту дверь на месте моей.

Когда мы, наконец, дошли до пятого этажа и прислонили дверь к стене, Титестер, сославшись на боль в животе, пошел к себе. Я не обиделся, ибо знал, что он страдает язвой и таскать ему так же противопоказано, как и ассистенту мастера-краснодеревщика.

— Где сам Мурдаладзе? — спросил я, зная, что в доме никого, кроме хозяина, не было. Жена и дети его отдыхали на побережье то ли в Ялте, то ли на Пицунде.

— Его срочно вызвали в Сухуми, на республиканский слет передовых работников торговли! — объяснил мне мастер. — Завтра к утру он будет дома и просит к этому времени установить новую дверь!..

— Извините за нескромный вопрос, но во сколько обходятся такие двери? — поинтересовался я.

— Пустяки, цена приличного гроба и только! Триста пятьдесят, четыреста рублей, но зато это вещь! — Он с гордостью указал на свое произведение.

«Ничего себе пустяки», — подумал я.

— Вам бы я скинул! — сказал мастер, посмотрев на меня и потом на мои обшарпанные двери...

— Почему это? — усомнился я.

— Просто так. Вы мне симпатичны! Сразу видно порядочный человек, а порядочным людям не грех и уступить!

Я был польщен и мне захотелось узнать, на какую уступку он мог пойти из чувства симпатии...

— Рублей за триста или даже за двести восемьдесят я бы смастерил вам двери не хуже этих.

И эта сумма была мне не по карману, но на всякий случай я попросил у него адрес.

— Жинвальский переулок номер 7, частный особняк, спросите мастера Давида, меня там все знают...

Я поблагодарил его и собрался уйти, но мастер попросил остаться...

— Хорошо, если при замене дверей присутствует кто-нибудь из близких, — сказал он.

Я согласился. Где-то даже было приятно сознавать, что мне оказывают столь высокое доверие.

— Поддай ключи! — крикнул мастер в ухо своему ассистенту. Тот, недоумевая, выпучил на него глаза. Мастер пальцем повертел у замочной скважины, изображая ключ. Догадавшись, что от него требуют, он порылся в карманах, вытащил связку ключей и подал их мастеру.

Взглянув на ключи, мастер яростно швырнул их прямо в подручного.

— Не эти, балда! Дай те, что Мурдаладзе дал вчера утром!

Ассистент стал усердно копаться в карманах и вытащил новую связку ключей. Мастер попытался приладить ключи к замку, но безуспешно.

— С этим идиотом прямо нет мочи! — воскликнул мастер и, набросившись на подручного, стал шарить в его карманах. Ассистент стоял как истукан. «Обыск» не принес желаемого результата, и тогда мастер совсем рассвирепел.

— Ах ты негодяй, кретин этакий!.. — зарычал он. —

Потерял, да?! Потерял ключи от чужой квартиры?! Какой позор, какой срам!.. — и он врезал бедняге подручному прямо по больному уху.

Несчастный подручный пытался по-своему что-то объяснить, но мастер влепил ему пощечину. Тут уже я не вытерпел и схватил его за руку.

— Позвольте, что вы делаете, это не педагогично! — возмутился я. — В конце концов дверь можно взломать, ведь все равно ее надо менять!

Мастер не слушал меня, пытаюсь вырваться из моих рук, но я держал его до тех пор, пока он совсем не успокоился. Когда я отпустил его, он извинился и сказал:

— Пожалуй, вы правы! Придется дверь взломать, другого выхода нет!

— Если хотите, принесу молоток и зубило! — предложил я.

— Нет, нет! Не беспокойтесь, все это у меня есть! — Он указал на небольшой кожаный чемоданчик. — В нем и новый замок, но дело в том, что этот болван просто изводит меня... Ничего нельзя ему доверить... В конце концов он загонит меня в гроб!

— Нельзя же так, уважаемый, человек больной, к нему надо найти подход! — увещевал я мастера.

Ассистент сидел на лестнице, всхлипывая и размазывая по лицу слезы...

— Вы совершенно правы! — согласился со мной мастер. — Но поймите, нервы не выдерживают!

— С другой стороны, — заметил я, — ведь он может потерять равновесие и двинуть вас своим кулачищем, каково будет, а?

— О, это исключено! — уверенно сказал мастер. — Правда, он глуп, но хорошо воспитан и никогда не поднимет руку на старшего.

Благодаря моему вмешательству инцидент был исчерпан. Мастер с ловкостью и сноровкой специалиста вырезал из дверей кусок прессованного картона, просунул руку вовнутрь и легко открыл дверь.

Я с укором заметил:

— Стоило ли из-за такого пустяка наказывать бедного мальчика?!

— Видите ли, — сказал мастер, — как ни говорите, а самое эффективное средство воспитания — это все-та-

ки внушение с помощью физического воздействия на личность.

— Категорически отвергаю вашу теорию! — запротестовал я.

— Эх, видели бы вы, как дубасил меня мой мастер! Благодаря этому из меня получился высококвалифицированный специалист.

Пока мастер с подручным занимались своим делом, разговор зашел о надежности и значении дверей как таковых. Мастер оказался человеком общительным, разговорчивым и, я бы сказал, весьма эрудированным.

— Двери, — сказал он, — вещь символическая. Это скорее — лицо гражданина, так сказать, его второй паспорт. По двери вы можете определить, кто живет в квартире, какое положение занимает квартиросъемщик, каков уровень его развития и насколько он талантлив. За хорошими дверями живут хорошие, положительные люди, за плохими, сами понимаете... Мой дом, говорят англичане, моя крепость! А у крепости должны быть добротные, прочные двери!

Я слушал его, разинув рот.

Соседи поднимались и спускались по лестнице, с завистью глядя на новые, роскошные двери.

— Вначале я отметил, — продолжал мастер, — что дверь в наше время вещь символическая, ибо при современном уровне развития техники никакие двери не могут устоять. Хороший специалист всегда может взломать или просто отпереть любую дверь. Когда говорю, что дверь — вещь символическая, я имею в виду, что сейчас нет настоящих воров-домушников, они перевелись! Вернее, переквалифицировались. Кто работает в торговой сети, кто на объектах общественного питания, а кто во вневедомственной охране, грудью защищая общественную собственность от всяких посягательств. Поэтому в наше время дверь частично утратила свое практическое значение, однако как символ дверь осталась дверью, и я думаю, она еще долго будет украшать жилища наших граждан!

— Вы совершенно правы! Давно я ничего не слышал о квартирных кражах, — согласился я.

— Этого мы добились благодаря бдительности правоохранительных органов и росту сознательности людей. Как

сказал товарищ Маяковский, «Моя милиция меня бережет», — заключил он.

Я был приятно поражен широтой взглядов моего собеседника. Однако вскоре я почувствовал, что устал, и меня стало клонить ко сну. Заметив это, мастер учтиво сказал, что надо еще подогнать новую дверь, а на это потребуется много времени, поэтому я могу пока отдохнуть.

— Когда все будет готово, с вашего разрешения, я еще раз побеспокою вас! Эх, мне бы такого соседа!.. Нет ничего лучше надежного и верного соседа! — добавил он, вздохнув. Польщенный его похвалой, я вошел к себе и, не снимая пижамы, прилег на кровать.

Около двенадцати ночи меня разбудил стук. Быстро вскочив, я отворил дверь. На пороге стоял мастер. Он передал мне ключи с просьбой вручить их хозяину. Перед тем, как попрощаться, он сказал: — За время нашего недолгого знакомства я так расположился к вам, что решил сделать вам дверь за сто пятьдесят рублей, к тому же в рассрочку. Если сейчас дадите небольшой задаток, завтра же приступлю к работе.

Предложение было столь заманчивым, что я не мог удержаться от соблазна. Недолго думая, я вынес ему последние пятьдесят рублей, которые жена оставила на расходы. Ночью мне снилось, как я открывал и закрывал новую дубовую дверь.

Утром меня вновь разбудил стук в дверь. Открыв ее, я увидел дорогого соседа Мурдаладзе.

— Простите, — сказал он, — это вы?!

— Разумеется, я, а кто же еще! — пробормотал я спросонья.

— Дело в том, что я уже полчаса ищу свою дверь и никак не могу найти. Сперва мне показалось, что я ошибся подъездом, но потом убедился, что нет! Однако своих дверей так и не нашел!

Он явно был растерян.

— Так вот же ваши двери, а вот и ключи от дверей!.. — Я указал ему на новые дубовые двери и протянул ему ключи.

Он протер глаза и пощупал лоб...

— Что со мной творится? — произнес он, глядя на дверь и не веря своим глазам.

— Вчера был мастер и установил эту дверь! — объяснил я.

— Какой мастер?! — изумился он.

Я подумал, что он немного перепил на слете передовых работников торговли и напомнил:

— Мастер Давид, краснодеревщик!

— Понятия не имею! — прошептал упавшим голосом сосед.

Признаться, тут и я немножко растерялся, но вспомнил, что после сильного опьянения бывает, что человек теряет память, и решил, что в данном случае имею дело с такого рода явлением.

— Успокойтесь и следуйте за мной! — сказала я ему, и так как ключи от его квартиры были в моих руках, подошел к двери и без труда открыл ее.

Мы вошли в квартиру. Там царил полный порядок, однако Мурдаладзе беспокойно огляделся и бросился в спальню. Я последовал за ним, слегка озадаченный. Он подбежал к комоду, нагнулся и, выдвинув нижний ящик, начал рыться в нем.

— Облигации, облигации!.. — вырвалось у него.

— И много было?! — не своим голосом спросил я.

— Порядочно... — простонал сосед. Потом поспешно подошел к платяному шкафу, присел на корточки и выдвинул из-под его низа доску — шкаф оказался с двойным дном. Тайник был пуст, из него выпал клочок бумаги. Дрожащей рукой сосед взял бумагу и уставился на нее. Вдруг он взмахнул руками, как раненая птица, пытающаяся взлететь, и рухнул на пол.

Бумажка выпала у него из рук. Я невольно подхватил ее и в сильном волнении прочел следующее: «Уважаемый товарищ Мурдаладзе! Богатство портит человека и отравляет ему жизнь, мы решили освободить вас от лишнего бремени. Теперь можете жить спокойно. Ваш добрый ангел мастер Давид и его секретарь Акула. Р. С. Старые двери забираем, а новые оставляем безвозмездно на память о нашем посещении».

Я бросился на кухню и принес полный кувшин воды. Я поливал соседу его лысую продолговатую, как дыня, голову холодной водой, растирал ему виски и побелевшие, как мел, щеки. Наконец он пришел в себя.

— Я погиб, меня оставили нищим! — чуть внятно произнес он.

Признаться, эти слова не тронули меня. Имей я даже четверть того, что было в его квартире, я считал бы себя богатейшим человеком.

— Надо сейчас же сообщить в милицию! — сказал я.

Он крепко схватил меня за руку и хриплым голосом взмолился:

— Ради бога, не надо! Я пошутил. В квартире все в порядке. Сейчас я вспомнил все... Это по моему заказу сделали дверь, так что не стоит поднимать шум...

— А записка? — спросил я.

— Мастер просто подшутил надо мной. Он вообще большой шутник!..

— Да, — заметил я, — человек он действительно остроумный!

Мой сосед всю неделю пролежал в постели с сердечным приступом, и я, как нянька, ухаживал за ним.

Спустя неделю я отправился на Жинвальскую улицу посмотреть, в каком состоянии находится моя дверь, но в седьмом номере мастер Давид не жил, и никто не знал о его существовании.

А через месяц меня вызвали в районное отделение милиции и представили для опознания двух довольно симпатичных молодых людей. Признаться, я их не узнал. Они же сразу узнали меня. Тот, который был выше и поплотнее, на вопрос следователя ответил:

— Да, это тот самый болван, который помогал нам втащить туда двери!

Только после этого я опознал глухонемого ассистента мастера. Второй оказался самим мастером-краснодеревщиком. Я его узнал по голосу, когда он сказал следователю:

— Гражданин начальник, его не трогайте, это святой человек, и возвратите ему, пожалуйста, пятьдесят рублей из конфискованной у нас суммы. Он достоин этого!..

«Вот это истинные артисты!» — подумал я. Сколько бездарностей околачиваются на подмостках театров и кино, а такие таланты пропадают зря. Как досадно, что эти люди не смогли найти в жизни свое место. Кто знает, может быть, в лице этих молодых людей общество потеряло выдающихся артистов!..

Моего соседа Мурдаладзе долго таскали на допросы в милицию. Он был ужасно возмущен.

— Где слыхано, — говорил он, — чтоб человека ограбили и еще причинили бы столько хлопот и неприятностей... Настоящие воры никогда не позволили бы себе этого. Но где сейчас настоящие воры?! К сожалению, они перевелись!..

Мурдаладзе сняли с должности директора гастрономического магазина, и ему пришлось снова начинать служебную карьеру.

— А что с дверью? — спросил кто-то.

— Дверь, конечно, оказалась липовой! Она состояла из четырех листов фанеры, набитых на деревянный каркас, полые места для тяжести были заполнены железной стружкой, гравием и песком. На фанеру были наклеены моющиеся обои под дуб, покрытые бесцветным лаком. Но все это было сделано так искусно, что отличить их от настоящих дубовых дверей было невозможно!

В купе воцарилась тишина... Слышался только ритмичный стук колес.

Андрей ПАРШЕНКОВ

ЧЕЛОВЕК, СУДЬБА, ВСЕЛЕННАЯ

Читая «Железный театр» Отара Чиладзе, рисуешь в своем воображении некую модель миропорядка. И модель эта такова: есть мироздание, основанное на законах красоты, частью же его является человек, которому изначально отведено место в соответствии с мировой гармонией. Но есть еще и судьба — хаотическое взаимодействие бесчисленных причин и следствий, порождаемых низменными, «сиюминутными» житейскими обстоятельствами и составляющих вкуче некую слепую роковую силу, которая, испытывая человека на прочность, все время мешает ему занять свое место во вселенной. Возможность выхода на такие космические обобщения появляется оттого, что, как пишет Л. Аннинский, «в художественном мире Отара Чиладзе нет будущего, настоящего и прошедшего времени, а есть время всегдашнее... Отар Чиладзе пишет вроде бы о «теперешнем», но пишет, как в старину сказали бы, *sub specie aeternitatis* — с точки зрения вечности»*.

Это положение критика, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Во-первых, откуда берется это самое «всегдашнее» время, если нет ни прошедшего, ни настоящего, ни будущего?

* Л. Аннинский. «Отлетающий занавес», «Дружба народов», 1984, № 8, с. 171.

Дело как раз в том, что у О. Чиладзе «присутствуют» в романе все три времени, но они так переплетены между собой, так сильно взаимопроникают, переливаются одно в другое, что возникает как бы четвертое временное измерение — «всегдашнее». Во-вторых, наряду с авторской «точкой зрения вечности», в романе, как уже было сказано, есть и сиюминутность жизни героев. Иначе как могут сосуществовать в одной и той же книге атмосфера безвременья и рефрен: «Жизнь кипит, бьет ключом», который, видоизменяясь, проходит через все повествование. Период водораздела XIX и XX веков с точки зрения вечности — конечно, безвременье, но с точки зрения человеческого бытия любой период истории полон событий. Об этом сопряжении и постоянном противоборстве сиюминутного и вечного необходимо помнить на протяжении всей книги.

Итак, «это было переходное время, когда минувший век, отживший, одряхлевший, выживший из ума, насквозь прогнивший от бесчисленных своих грехов и недугов и отмеченный печатью бессилья на челе, уже не принадлежал этому миру, а идущий ему на смену еще лежал в колыбели и оттуда угрожал миру, показывая ему свои обкусанные слюнявыми деснами маленькие кулачки. И человек был раздвоен: одной рукой вливал лекарство в беззубый рот умирающего века, а другой — качал колыбель века наступающего...»

Вот в такую эпоху и живут герои «Железного театра». Все они — рабы отчужденности, разъединенности, разобщения, которыми пронизана атмосфера романа. Внутренняя жизнь каждого — под замком, скрыта в тайниках души, хотя внешне они живут бок о бок, под одной крышей. Каждый — в скорлупе своей роли в спектакле под названием «жизнь», руководимом железной рукой режиссера-судьбы.

Судьба в художественном мире романа О. Чиладзе — не абстрактное понятие, а действующее лицо. Она появляется на сцене в разных обличьях. Это и смерть, и одиночество, и страх, и даже персонаж романа, исполняющий по отношению к другому персонажу роль рока. Жизненные пути героев вычислены заранее с математической точностью. Наперед определены события, которые произойдут с ними. Хорошо видно соотношение между человеком и судьбой, существующее, по мнению автора, в мироздании, в эпизоде, где впервые встречаются Димитрий Журули и Гела. Димитрию кажется, что это он сам, по собственной воле приглашает соседского мальчика на день рождения дочери. «Но, — слышится голос О. Чиладзе, — к Димитрию давно уже, десять лет тому назад, пристал дьявол-

искуситель, сперва принявший вид отца этого мальчишки, а в это утро появившийся перед ним, лишь чуть-чуть переменив свое обличье, переселившись из отца в сына». По прошествии времени Димитрий считал, что легко можно было избежать случившихся событий. «Но так он думал потом, — жестко говорит писатель, — когда, по пословице, арба уже перевернулась, и стала видна не одна, а сотни дорог, ведущих к спасению; вернее, они только мерещились Димитрию, эти спасительные пути, чтобы он еще горше упрекал себя, еще больше терзался отчаянием, — на самом же деле, разумеется, не было не то что сотни, но и одного пути, уводящего от беды; существовал лишь путь мук и страданий».

Порой такой фатализм автора вызывает раздражение, протест. Никак не можешь смириться с тем, что «все, все одинаково беспомощны и бессильны». Л. Аннинскому даже кажется, что человек в романе «не выбирает судьбу. Он либо выдерживает ее, либо не выдерживает. Нет выбора». Не будем столь категоричны: выбор в «Железном театре» есть — подчиниться судьбе или преодолеть ее, стать ее властелином. Иначе не было бы в романе Гелы — «отца грядущего», то есть, нового витка в спирали развития человечества. Ведь без победы над судьбой, без приближения к гармонии мироздания, к своему месту в этой гармонии невозможно стать «отцом грядущего». Итак, выбор есть. Но писателю важно понять и другое: как и почему большинство людей подчиняются судьбе. Может быть, и в этом случае (а не только, когда человек вступает в поединок с могущественным режиссером) сохраняется человеческое достоинство, право называться Человеком?

Герои «Железного театра» представляют на наш суд несколько вариантов решения этой задачи.

...Открывая роман, мы попадаем в дом адвоката Димитрия Журули. Дом Димитрия — это крепость, убежище, за стенами которого кипит, бьет ключом жизнь. Здесь Димитрий, словно за кулисами театра, снимал, как ему казалось, маску «обыкновенного судейского шута», который «осыпал градом заученных в университете и не имеющих никакой силы в действительности фраз глухие, непроницаемые стены храма правосудия». «Дома, в мечтах, он совершал поступки, которых не мог позволить себе вне дома, на людях». Мечтала и его жена Дарья. Вернее, вспоминала. Вспоминала детство, бабушку, дедушку, отца, который не прятался от жизни и погиб, защищая от хулиганов какого-то старика. Но мечты и воспоминания у каждого из супругов были свои, существование под одной кры-

шей не объединяло их, потому-то дом Журули был мертв точно так же, как и казенное здание суда. По сути дела, Дмитрий и дома, в мечтах, продолжал играть роль так же, как и на людях. Живая жизнь ушла из его дома вместе со смертью родителей. «Они жили полной жизнью, а он мечтал», — проводит разделительную черту между родителями и собой Дмитрий, а вместе с ним и автор. Кажется, даже калитка, которая взвизгивала, как побитая собака, всякий раз, когда открывалась, просила прощения за то, что впускала маленькую частицу бурлящей жизни. Ведь теперь в доме Журули жили два человека, укрывавшихся от живой жизни и потому бесплодных, ибо новая жизнь, как считает О. Чиладзе, может возникнуть от сознания полноты бытия, длящегося хотя бы миг. Но Дмитрий и Дарья не только укрывались, одновременно они жаждали «какого-то крутого изменения их жизни в будущем, после которого они или расстанутся окончательно и навсегда, или, напротив, соединятся навеки, станут единой плотью и единой душой, перельются друг в друга и с того дня будут полны друг другом, сопряжены друг с другом неразрывно и вечно, как день и ночь...»

Такое изменение происходит. И притом в полном соответствии с законами, по которым строится художественный мир «Железного театра». Судьба врывается в тихий дом Журули в образе тбилисского артиста — шумного, безалаберного, полного энергии, похожего на отца Дарьи, «как одна половинка яблока на другую». Вот он, тот крутой поворот, которого чаяли души Дмитрия и Дарьи. Заряд жизненной энергии, внесенный в их дом новым знакомцем и его молодой красавицей женой, уничтожил пропасть между супругами, объединил их и «через девять месяцев появилась на свет Нато — порождение двух супружеских пар, поскольку новые соседи Дмитрия и Дарьи в некотором смысле также имели отношение к ее рождению и за эту свою заслугу, между прочим, заслуживали только благодарности со стороны законных родителей Нато». Но знакомство с тбилисским артистом, то есть встреча лицом к лицу с жизнью, оказывается началом цепи предательств, которые совершаются Дмитрием на протяжении романа. Он отказывает тбилисскому артисту и его жене Елене в жилище и тем самым предает память родителей, бывших покровителями артистов; пугается свободолобивых речей своего гостя, вдохновляемых жизненными бурями, которые до той минуты словно утихали возле калитки адвокатского дома. Правда, после этого калитка почти каждую ночь взвизгивала, и хозяева, «не спрашивая друг

друга, кто это мог прийти в столь поздний час... поспешно одевались, чтобы встретить на ногах своего неизменного, неотвратимого как рок гостя». Но тбилисский артист, оставшись один, покинутый своей Еленой Прекрасной (жена бежала от него, вернувшись к родителям), не был уже посланником и представителем живой жизни. Его выходы против властей, как и ночные визиты к чете Журули, — все чаще оборачивались лишь очередной попыткой убежать от одиночества. Димитрия и артиста объединил страх. Причем страх Димитрий испытывал уже не столько перед живой жизнью, сколько перед властями и царским правосудием, то есть перед той косной машиной, винтиком которой сам являлся.

Предательства Димитрия продолжают. Вначале он предал прошлое, память своих родителей, тем самым как бы отказавшись от своих корней. Теперь настал черед будущего. Судьба является к Димитрию символическим видением Смерти, которая, съев несуществующий лимон, предсказывает таким образом гибель его еще не родившейся тогда дочери. Что же должен чувствовать в такой момент человек? Очевидно, неизбежную скорбь, страдания, должен воззвать к смерти, предлагая себя взамен невинной жертвы. Но Димитрий «почувствовал облегчение, — бессовестное, низкое, отвратительное облегчение... потому что такова человеческая природа: сегодняшним днем живет человек, а не завтрашним; недаром сказано: завтрашнему дню — завтрашние заботы; и нельзя не оправдать это, ибо лишь уже виденным и испытанным определяется каждый шаг человека, каждое его намерение, каждая цель, мечта или надежда, а не тем, что не видано и не испытано им, даже если это-то именно и составит впоследствии смысл и оправдание его существования, окажется венцом и суммой всего, что он до того видел и испытал».

Сам собой напрашивается вопрос: не кощунствует ли автор, не приписывает ли он человеческой природе ни с чем не сравнимый эгоизм и тем самым выгораживает героя? Думается, О. Чиладзе не оправдывает Димитрия, а напротив, выносит ему суровый приговор. Здесь отчетливо видится столкновение двух временных ипостасей, о которых мы говорили вначале. И если «сиюминутным» по житейским меркам еще можно как-то оправдать или, по крайности, хотя бы объяснить испытанное Димитрием облегчение, то в свете «вечных» нравственных истин оно выглядит низким и отвратительным. Ибо человек наделен разумом и совестью — сильнейшим, безотказным оружием, способным подавить низменно-эгоистичные животные инс-

тинкты. И тот, кто побеждает их, вносит свой посильный вклад в совершенствование человеческого рода. Тот же, кто подчинился «сиюминутному» животному началу, обречен: его жизнь не составляет для вечности никакой цены.

Рождение дочери открывает Димитрию всю безмерность, весь ужас свершенной им сделки со смертью. И он хочет ее обмануть, попытаться, подобно герою античного мифа, подменить обещанную ей жертву. Именно в этом видится тайная цель его поездки в далекую деревенскую глушь за мясом козленка, которое якобы необходимо для обессиленной от родов жены. Но это намерение опять-таки обнажает эгоизм Димитрия, который расплату за свою вину стремится переложить на другое живое существо, откупиться ценой чужой жизни. Оттого-то глубокая, щемящая печаль вдруг овладевает им: «...он почувствовал, что убийство этого маленького неразумного создания — огромное зло, тяжелый грех, который ляжет камнем на его душу».

Однако же это не помешало ему через некоторый срок взвалить на свою совесть еще один, пожалуй, вовсе непереносимый, губительный груз. Димитрий выдает полиции Гелу — возлюбленного, фактически невенчанного мужа своей дочери, в очередной раз бежавшего из тюрьмы к своей Нато. Тем самым он предает и дочь, и внука. И это тройное предательство страшнее всех предыдущих, ибо он перечеркивает таким образом свое собственное будущее, свое оправдание жизни на земле.

Нет, не мякотелому, трусливому Димитрию противостоять судьбе! Его участь — плыть по течению, дрожать от страха и предавать, предавать, предавать... И поминки по пропавшему Геле, устроенные Нато, — это поминки по самому Димитрию, утратившему право называться человеком. Символом его духовной смерти становится видение — призрак Гелы, который говорит Димитрию: «Где вы были до сих пор, дядя Димитрий? Я давно уже мертв, но не могу явиться к своему отцу, не поблагодарив вас». У Димитрия сперло от волнения дыхание; он с трудом прочистил горло и еле слышно пробормотал: «За что ты меня благодаришь, сынок?» — «За все», — быстро ответил Гела и снова улыбнулся, как бы говоря: «Что вы спрашиваете, сами ведь все знаете лучше меня». Из его зияющих пулевых ран струилось голубое сияние. А Димитрию заливалась за воротник грязная вода. Он стоял, склонившись, как подданный или проситель, а за воротник ему заливалась смешанная с пылью и паутиной вода — мертвая вода, смешанная с мерт-

вой пылью и мертвой паутиной...» В этой сцене автор романа подвергает Димитрия Журули нравственной казни, жестокой и заслуженной. И странно, что Л. Аннинский объявляет этого героя милым сердцу писателя.

Вообще нельзя, мне кажется, согласиться с тем, как понимает Л. Аннинский художественный принцип создателя «Железного театра». Критик пишет: «Есть в этом мире, как считает автор Отар Чиладзе, правые и есть неправые, есть друзья и есть враги, есть злодеи и есть праведники, но по-своему прекрасны все. Прекрасен в его глазах радушный, деликатный, ласковый Димитрий, и прекрасен громогласный артист. Прекрасны и надменная Елена, и яростный, азартный Гела, и Саба, рыдающий от бессилия, и Нато, входящая в пенный прибор... Кто из них прав, кто виноват? Кто добр, кто зол? Кто кого измучил, кто от кого вытерпел? Не это решает, решает то, что они все прекрасны».

Но откуда же тогда эта стихия страха, лжи, предательства, захватывающая все пространство романа, захлестывающая читателей волнами пессимизма и горечи? Нет, О. Чиладзе относится к своим персонажам вовсе не так, как представляется Л. Аннинскому. Просто писатель считает, что у каждого из его персонажей (как и у всякого человека) есть своя правда, и он с огромной тщательностью, внешне беспристрастно рассматривает и осмысливает каждый поступок каждого героя, его душевное состояние, его отношение к окружающим и самому себе. Вот почему роман подчас превращается в обстоятельное, на несколько десятков страниц, исследование очередного персонажа, где, по словам грузинского критика Кобы Имедашвили, «есть завуалированный спор персонажей, интонационная изменчивость, разные углы зрения, авторский комментарий...»*

В результате столь углубленной живописной и психологической «проработки» каждое действующее лицо романа, не говоря уже о главных, предстает во впечатляющей выразительности внешнего облика и натуры. И не это ли очевидное совершенство художественного исполнения обернулось в глазах Л. Аннинского «красотой» чиладзевских персонажей, вызвав его любование и восторг? Если так, то не менее прочих «прекрасен» здесь и фарисействующий батумский полицеймейстер, изображая которого, Чиладзе решительно сбрасывает маску бес-

* Коба Имедашвили, «Трагедия и надежда», «Дружба народов», № 8, 1984, стр. 167.

пристрастного, чуть ироничного комментатора и дает волю гневному сарказму.

Нет, неверно, что писателю безразлично, кто прав, а кто неправ! Наоборот — он следит за поступками своих героев, за мотивами их поведения и помыслов, ревниво, требовательно, а порой даже пристрастно — во всяком случае и особенно когда заводит речь о женщинах. И комментируя их «поведение» в ошеломляющем, все более грозном водовороте времени, в обжигающей, изнуряющей души схватке добра и зла, выносит им суровый, часто даже жестокий, но всегда, с его точки зрения, справедливый приговор от имени Вечности.

Вот почему, между прочим, ни одному из персонажей в отдельности не доверено здесь стать носителем вдохновляющей автора воинствующей нравственно-философской идеи. Никому, даже Геле, который более прочих, а может быть даже вообще один из всех, мог бы претендовать на эту роль. Однако ж именно его победой завершается в финале романа «тайнство приобщения к сокровенному знанию об устройстве мироздания и месте человека в мире»¹.

Прикоснуться к этому знанию и не сломиться, выдержать испытание судьбы смог лишь Гела. Большинству же героев романа не дано было возвыситься над судьбой. Но без их поражения не было бы победы Гелы.

К числу таких героев относится и отец Гелы, тбилисский артист.

Если Димитрий ищет убежища от жизненных бурь в узком семейном кругу, «под крышей дома своего», то артист наоборот бежит на люди, обороняясь от судьбы, явившейся к нему под личиной одиночества. Притом ему нужен не случайно сошедшийся людской круг, но **сообщество** братьев-единомышленников. Тбилисский артист тонко чувствует разбедненность, отчужденность, царящие вокруг него. И он стремится объединить людей, заразить их общностью чувств и мыслей. Однако ж для этого он не придумал ничего лучшего, как загнать зрителей на первом же своем представлении в яму, образовавшуюся в результате разборки полов в театре. Л. Аннинский пытается убедить своих читателей, что «дело не в том или ином злом гении, который со сцены или с трибуны «сворачивает» благодушных людей, дело в общей духовной ситуации, в том, что хотят люди; дело в том, что тихий и честный Димитрий

¹ С. и В. Пискуновы. «Место на сцене», «Литературное обозрение», № 6, 1985, стр. 55.

такую характеристику героя оставим на совести критика — А. П.) сам хочет в яму, что этого даже требует его природа, как в других ситуациях, требует она Гнезда и Дома» (выделено мною — А. П.)

Короче говоря, критик хочет доказать нам, что оказавшиеся в яме, в том числе и Димитрий, сами стремятся к духовной общности. Но вот что пишет О. Чиладзе о декольтированных дамах, желавших попасть на представление, несмотря на разобранные полы: «Неудивительно, что им не хотелось так «безропотно» и «бесславно» уступить «поле битвы» — ведь они с таким волнением, предвкушая блаженство, дожидались этого дня, чтобы лишний раз покрасоваться друг перед другом, позлить друг друга выписанными из Франции, из Италии или даже из Голландии платьями, бриллиантовыми перстнями, сапфировыми серьгами или коралловыми колье». Как видим, по крайней мере, прекрасную половину зрителей привели в яму отнюдь не соображения высшего порядка. Что же касается Димитрия, то именно в яме он почувствовал огромную ненависть к тбилисскому артисту. «Впервые в жизни ощутил он в эту минуту ненависть, понял ее суть и, будь это возможно, мог бы, наверно, сейчас выразить словами это чувство во всей его противоречивости».

Выходит, не «духовная ситуация» повлекла людей в яму, а как раз-таки «злой гений», в данном случае — тбилисский актер. И кажется, он достигает своего: толпа становится похожей как бы на одно «многоголовое существо с бесчисленными конечностями», и сам актер прыгает со сцены в яму, становясь частицей этого существа. Но на поверку толпа остается толпой. Слишком слабы в яме признаки духовной общности: «У каждого чесался язык сказать что-нибудь грязное, непристойное, похабное, и никто не думал сдерживаться. Пьяный извозчик, наслушавшись этого сквернословия, потрезвел бы если не от стыда, то от изумления. А там, во мраке, ничего уже не стыдились, словно и в самом деле весь мир ограничивался этой ямой... С какой-то женщины сорвали ожерелье. На другой разодрали платье. Еще одна упала в обморок. Но по справедливости надо сказать также, что, каким бы отвратительным, диким, оскорбительным ни было это проведенное во тьме и давнее время, как ни унизило оно стоявших в яме людей, одно благое дело все же совершилось: постепенно, хотя, быть может, туманно, слабо, а то и бессознательно, «ямой» овладевало обнадеживающее чувство однородности, способности одинаково воспринимать любое явление, или событие, или желание... Но

когда зажегся свет и на сцену в сопровождении владельца театра ворвался, словно кого-то преследуя, полицмейстер, яма подняла свист, шум и грохот, — видно, театр и в самом деле был железным, раз он устоял и не развалился на части. Все свое раздражение, всю свою ярость, излившуюся в бешеных криках и свистках, яма обрушила на полицмейстера».

Вряд ли этот взрыв раздражения и ярости можно принять за духовное объединение людей. Общность духа, духовной жизни нельзя навязать извне, утвердить волевым усилием, их надо воспитывать долго и настойчиво. Толпа объединилась в яме, потому что ее охватил животный инстинкт стадности. А в стаде можно сохранить свое физическое существование, но опору духовной жизни не найти. Не удастся тбилисскому артисту принять крещение в купели единения. Не удастся, потому что его место по законам всемирной гармонии, не в яме, не в толпе, а на сцене! Его предназначение — «чувства добрые» пробуждать при свете ramпы, не давая жизни окончательно заплесневеть. И если бы наш герой сохранил верность этому предназначению, тогда возникло бы не мнимое, а подлинное «чувство однородности», как это случилось в дни скорби по «убитому богу» — Илье Чавчавадзе. Автор «Железного театра» пишет грандиозную, величественную картину вызванного гибелью великого поэта всенародного потрясения, которое открыло глаза, пронзило сердца людей чувством вины и стыда за свою слепоту, равнодушие, невнимательность к злодейски убитому на их глазах провозвестнику Правды, Добра, Любви и Красоты. Так рухнула глухая стена отчуждения.

У тбилисского артиста не хватило сил преодолеть, переломить судьбу, «одиночество все же было горько, мучительно, невыносимо». И гармония мироздания оказалась для него недосыгаемой.

Символом вселенского порядка, красоты, истины в романе является море. Через море природа как бы объявляет свой приговор персонажам. Так, Нато, вступая в роман как праздничное олицетворение жизни, чувствует себя в море как дома. Море, если можно так сказать, одаривает Нато великим счастьем женщины — счастьем материнства, словно бы указывает на ее предназначение на земле. Оно же губит ее за преданную ею любовь Гелы и рабское подчинение судьбе. А отец Нато — Димитрий вообще чувствует в море враждебную себе силу, поэтому никогда в него не входит. В море жаждет очиститься от скверны жизни, обрести новый запас жизненных сил и тбилисский артист. Но море, а значит, согласно «символике»

О. Чиладзе, мироздание не принимает его, отвергая как ино-
родное тело. Такова участь тбилисского артиста. Участь, на ко-
торую обрекло его предательство себя самого, своего дара,
предательство высоких минут вдохновения и того времени, ко-
гда он ради любимого человека и ради своего призвания нашел
в себе силы вырваться вместе с женой из благообразной, бла-
гоустроенной тюрьмы, каким представлялся ему и Елене дом
ее родителей, дом губернского судьи (кстати, видимо, стоит это
заметить — коллеги Димитрия Журули!).

Судьба возвращает тбилисского артиста в этот дом, но он
не смог удовлетвориться тихим существованием и кончает
самоубийством. Самоубийство актера, с точки зрения О. Чи-
ладзе, поступок героический. Человек не смог одолеть судь-
бу, но и судьба не подавила человека. Недаром призрак отца
появляется перед Гелой в самые трудные минуты его борьбы
и придает ему новые силы.

Может быть, в поединке тбилисского артиста с судьбой та-
кое положение сложилось потому, что он покидает сцену —
место борьбы, предназначенное ему его незаурядным талан-
том и призванием, — не только из-за эгоистического страха
перед одиночеством, но еще из-за любви к Елене. В этой люб-
ви, обманутой и преданной, автор видит какое-то оправдание его
незадавшейся жизни.

Вообще же, следует подчеркнуть, что любовь в романе
О. Чиладзе — «кровавый» кумир простодушных и неведающих,
мечтающих и надеющихся, разрушающий любые родственные
связи, оскверняющий человеческие отношения, кумир, в кото-
рого слепо веруют и которому слепо приносят себя в жертву.
И еще она здесь, по слову Тютчева, «поединок роковой» двух
сердец.

Сокрушенное в схватке сердце, по убеждению О. Чила-
дзе, в каждом случае принадлежит мужчине. Елена «знала...
что каждая женщина, как только она даст волю этому чувству,
тотчас же становится носителем смерти, да, да, смерти то-
го человека, которого любит или думает, что любит, потому что
главное — это она сама, а не он».

Но любовь, как бы там ни было, все же создает единст-
во двух людей. Тбилисский артист в какой-то мере, пусть да-
же в самой ничтожной, выполняет свою миссию на земле. В то
же время смерть его становится для Елены неким импульсом
— она пытается начать новую жизнь, обретает силы для но-
вого бегства из «родительской тюрьмы», чтобы не потерять сы-
на.

Самоубийство артиста помогает Елене осознать, что она «любила, любила, любила!», что «вместо того, чтобы идти наперекор покойному мужу, ссориться с ним и дуться на него, вместо того, чтобы пытаться вытравить память о нем из сердца своего сына, как она поступала, чего она добивалась до сих пор бессовестно, бесстыдно и безуспешно, ей надо было просить прощения у мертвого мужа... Ей следовало понять ту простую и непреложную, хоть и огорчительную, истину, что голос птицы, запертой в клетке, хотя бы и золотой, может быть воспринят как пение только тем, кто не хочет, кому неприятно слышать проклятия».

Она возвращается в Батуми, чтобы спасти сына от ненавистой ему клетки, где погиб его отец, чтобы покаянием искупить грех предательства живой жизни. Именно за живую жизнь, сама того не сознавая, она побежала к тбилисскому артисту в общежитие, обрела ее там и отказалась от нее, вернувшись вспять в «родительскую тюрьму». Но и спасение человека и собственное внутреннее очищение требуют огромной работы, на которую способна лишь живая душа. Душа же Елены омертвела. Недаром через страницы романа, посвященные этой героине, она проходит «высокой, черной, надменной, зловещей фигурой».

«Только ведьма может быть так красива», — подумал Дмитрий при первой же встрече с Еленой. Это возникшее в начале романа злое сравнение развивается в дальнейшем. Защиту от ударов судьбы, отнявшей и мужа и сына, Елена ищет в надменности, холодности, неприступности. От ее худой, угловатой фигуры, ее обиталища — пыльной наемной комнаты, пропитанной «затхлым, застоявшимся, пыльным запахом, оставленным теми, кто жили здесь раньше», где часы-амуры в первый ее приезд «отсчитывали давно минувшее или отмеренное для других людей время», а во второй — напоминали о бесконечности ее покаяния, где «на неровной, изрытой, как распаханная земля, тахте дремлет грязная кошка» — воистину веет ведьминским духом. И мысли у Елены такие, что заставляют вспомнить о нечистой силе: «Гела и его отец — вместе, заодно, а она — одна, отдельно от них. Единственное, что еще связывало ее с ними и чем она могла «гордиться», — это сознание или ощущение того, что одна несет ответственность как за свою, так и за мужнюю и сыновнюю несчастливую судьбу». В другом месте романа говорится, что она испытывала леденящее кровь тираническое чувство гордости, «когда встреч-

ные на улице, всполошившись и понизив голос, возбужденно переговаривались: «Это она. Это ее муж покончил с собой».

Время остановилось для госпожи Елены, оно отсчитывает свой ход для других, оставляя ее за бортом жизни. Остановилось, потому что она все время играла, всеми ее поступками двигали эгоистические побуждения. И даже тогда, когда в ее жизни разыгралась всамделишная трагедия, когда она ощутила жгучие страдания свои и сына, то и тогда лишь на короткое время Елена оказалась способной сбросить с себя бремя добровольно играемой ею роли. Покаяние, наложенное на себя ею, очень скоро превращается из потребности души опять-таки в игру единственную и непревзойденную. И потому она ищет убежище от живой жизни, требующей действительной работы души. И находит его в театре: «Для госпожи Елены театр был островом в океане, единственным местом, где ее одиночество, горе, ожидание, муки не просто меняли облик, а наполнялись обманчиво прельстительным смыслом, облакались сиянием величественного, возвышенного, вечного».

Кажется, что и Дмитрий, и тбилисский артист, и Елена повторяют один и тот же путь, забираясь каждый в свое убежище. Один — в свой дом, другой — в яму, толпу, третья — в театр. Каждый из героев руководствуется при этом разными причинами. Елену в театр приводит жажда покрасоваться своим горем, вдовством и ожиданием.

Жажда возвыситься над окружающими заставляет Елену объявить войну Натю — возлюбленной своего сына, будущей матери его ребенка. Забившись в раковину патологического эгоизма, она воспринимает любовь Натю к Геле как посягательство на свою собственность. Она не хочет, а может быть, по складу своей природы заведомо не способна видеть в отцовстве сына, в грядущем рождении внука счастливое продолжение собственной любви, хотя бы какое-то искупление трагической смерти мужа, своего греха перед ним. И это еще раз доказывает: такой любви не было вообще.

Так, предав мужа, Елена, годы спустя, предает сына, а заодно еще не рожденного внука Андро — этот вообще появляется на свет уже преданным дедом, бабкой, а через недолгий срок и родной матерью! Но, подобно Дмитрию, Елена тем самым предает и самое себя — свою женскую суть, извечное предназначение хранительницы и продолжательницы рода. И, следовательно, отказывается от своего места в мировой гармонии.

Противостояние госпожи Елены и Натю — поначалу! —

противостояние омертвевшей души и души живой. Недаром Нато свободно чувствует себя в море, в этой купели мироздания. О. Чиладзе сравнивает Нато с детенышем морской черепахи, то есть с существом, для которого морская среда обитания, а значит, среда гармонии, есть естественная среда жизни. Если другим героям романа предопределено природой, преодолевая судьбу, стремиться к своему месту в мироздании, то Нато должна отстаивать это место, подаренное ей природой, перед лицом судьбы.

Нато прекрасно понимает свое предназначение женщины, матери. Если госпоже Елене нужен был сын прежде всего затем, чтобы муж был опять с нею, в «родительской тюрьме», то Нато ждала ребенка, «чтобы Гела не остался навсегда всего лишь сыном госпожи Елены, а сам стал отцом, имел сына, продолжение и оправдание своего существования и, главное, неопровержимое подтверждение того, что он в самом деле жил на этом свете, дышал, ходил, разговаривал». И еще она ждала ребенка «для спасения любви и правды, так как ребенок, родившийся от соединения любви и правды, не только подтвердил бы существование таковых вообще, а заставил бы всех с большей чуткостью, с большим уважением отнестись как к правде, к правоте Гелы, так и к любви Нато».

Но оказывается, не так-то просто маленькому черепашонку, даже если он приобщен к гармонии миропорядка, оставаться выше земных, мелких, пошловатых страстей. Как бы спасая своего Андро (а заодно и себя!) от внимания полиции, Нато объявляет полицмейстеру, что малыш — сын офицера Сабы Ланачи, а не государственного преступника Гелы. На деле же Нато движет при этом не только опасение за сына, но и обыкновенная злоба на госпожу Елену за ее холодность, за нежелание признать Нато своей невесткой. И своей ложью Нато словно бы отказывается от родственных отношений с Еленой, «мстит» ей, лишая ее прав на внука. Но тем самым она уравнивает себя со своей супротивницей, умертвляя собственную душу: ведь и злоба ее, и «месть», построенная на страхе, лжи и клевете на доброго, влюбленного в нее Сабу, в конечном счете, продиктованы тем же недалеким, суетным, если угодно, «бабским» эгоизмом, который погубил семью и судьбу Елены. Неудивительно, что то же самое происходит и с Нато. Ее «месть», нимало не задев Елены, более того — принеся ей желанное удовлетворение, оборачивается против самой «мстительницы». Ее возлюбленный Гела теряет право на сына, Андро лишается отца, публично, с казенного полицейского одоб-

рения, растаптывается самая любовь — ведь Нато отказалась и от нее, от Гелы, лишив его, преследуемого, единственной нравственной опоры.

Так вершится еще одно, едва ли не самое горькое предательство, как бы увенчивающее собой все прочие, которыми заполнен роман. И тогда в свои права еще раз властно вступает Смерть, которая терпеливо ждала свою жертву, предназначенную ей Димитрием еще до рождения Нато. Однако ж сразу же следует подчеркнуть, что Чиладзе вовсе не отводит этому роковому обстоятельству решающую роль в трагической судьбе своей молодой героини. Главное здесь — собственные ее уступки низменному хаосу сиюминутности, ее измена Вечности и Гармонии. И потому, когда Нато бросается в штормовые бурлящие волны, чтобы получить отпущение грехов, море — мироздание! — отвергает ее, так же как отвергло в свою пору и тбилисского артиста. Более того, оно лишает Нато жизни. Ведь ей было дано неизмеримо большее, чем кому-либо другому из героев романа, и значит, суд над ней вершится по самым строгим меркам.

То, что Нато назвала отцом своего сына Сабу, который любил ее безответно и безнадежно и для которого эта любовь «была в первую очередь любовью к будущему, к завтрашнему дню, а не к женщине», имеет в какой-то мере символический смысл. Потому что тем самым имя Сабы Лапачи связывается в сознании читателей с именем Гелы. Эти герои действительно чем-то изначально близки друг другу. Еще девятилетним мальчонкой мать оторвала Сабу от родной земли, определила в военное училище, где на него надели мундир, в котором «его истинная природа была запрятана, похоронена». Все это делалось ради «красивой жизни», позволившей матери героя, перебравшись из горной крестьянской хижины в пыльную, пропахшую керосиновой копотью каморку близ железной дороги, наслаждаться на старости лет французским ликером, дымить папиросами, пудриться и любоваться шлепанцами с помпонами.

Обеспечивая свою мать атрибутами «красивой жизни», Саба знает, что не в службе, не в ношении мундира с золотыми погонами его предназначение. Его место там, в той грузинской деревне, где он прожил самые счастливые девять лет. Наперекор судьбе, воплощенной на сей раз в облике матери, Саба стремится сохранить свою подлинную природу, не утратить корней. Без всякого позерства, без риторических фраз, какие были свойственны тбилисскому артисту, идет он к своей цели. И кульминацией этого пути становится ночь, проведенная им

над гробом матери. В эту ночь он устраивает суд и обвиняет в своей несложившейся жизни, может быть, чересчур резко и незаслуженно, прежде всего себя: «Жалкий червяк! Злобный Янус! Вместо того, чтобы протянуть руку помощи сбитой с толку, свихнувшейся от житейской суеты женщине, он, помог ей еще глубже увязнуть в трясине неразумия. Одурманил ее папиросным дымом, опьянял ликерами, ослепил, засыпав пудрой глаза, и еще раз убедил, что она не ошибалась, что поступила правильно, когда бездумно уничтожила старое и не глядя цеплялась за все, что ей казалось новым...»

Это самобичевание наполняет душу Сабы Лапачи чувством вновь обретенного дома, ибо «ни вера, ни благотворительность, ни писание стихов, ни даже сама любовь не могли, не имели силы способствовать его возвращению», пока существовала ненависть к матери, а значит, к его собственным корням, хотя именно к ним он и стремится. В эту ночь Саба приходит к тому же выводу, что и автор. Он понимает, что без отлучения его от дома, без познания окружающего мира, без навязанной ему борьбы за свою подлинную суть не пришло бы к нему осознание своего места на белом свете. В эту ночь наш герой приобщается к прошлому, настоящему и будущему, к огромному, безграничному мирозданию, которое является матерью всего человечества.

Обретенная душевная гармония дает возможность Сабе с честью выйти из испытания, известие о котором ему доставляет и ждет ответа «курьер-судьба». Он признает Андро своим ребенком. Примечательно, что на этот шаг героя словно бы благословляет сама природа, полномочным представителем которой, напомним, в романе является море: «Моря еще не было видно во мраке, лишь у самого берега оно бурлило белой пеной, узкая, кружевная полоска которой извивалась вдоль песчаной его кромки. Над морем свивался клубами туман. Один такой туманный клуб виднелся и на берегу, издали похожий на сидящего человека. Казалось, статный, рослый отшельник с растрепанными волосами и бородой сидит, поставив затекшие ноги в прохладную воду. Саба прошел сквозь этот туманный клуб и задохнулся, почувствовав огонь во всем теле, слепящий свет обжег ему глаза. «Родившееся в ней есть от духа святого», — прошептал кто-то прямо в ухо ему — в оба уха одновременно. Пораженный, испуганный, он оглянулся, но не увидел за спиной ничего, кроме человекообразного туманного столба; впрочем, и столб этот больше не был похож на человека, а вытянулся, как столб дыма, поредел и распался».

И все-таки судьба одерживает верх и над этим героем Чиладзе. Полсотни лет воинской службы, полвека ношения мундира не могли пройти бесследно. И когда Саба оказался не у дел, ему стало представляться, что один лишь мундир «придавал в течение всех лет смысл его существованию». В его глазах сущность человека, которую он так оберегал в себе, так боролся за нее, отступает как раз перед тем, что он всю жизнь презирал — перед «внешней упаковкой». К таким мыслям его склоняет жизнь в обществе, где ценится не внутреннее содержание человека, а солидность его формы. Ведь даже НАТО, его давняя тайная любовь, назвала Сабу отцом своего ребенка не потому, что признала благородство его души, а потому, что он носил офицерский мундир, а значит, мог послужить ей, невенчанной, незаконной жене государственного преступника, их сыну, рожденному в том же грехе беззакония, «гарантом благонадежности» перед лицом полицейских властей.

Саба становится еще одной жертвой собственных возвышенных иллюзий, жертвой своей любви, которую НАТО не просто предает, но использует в собственных корыстных интересах словно походя, без особых душевных угрызений. Ее попытка «узаконить» отношения с ним, как-то исправить подлость, совершенную по отношению к нему, унижительна и невыносима для обоих. Потому что, оставив службу, Саба опустился; превратившись в нянючку, завсегдастая духана, с засаленными, усыпантыми перхотью волосами. В редкие минуты прозрения, он взывает уже не к жизни, а к смерти, видя в ней единственную спасительницу и заботливую мать человечества. И недаром НАТО убегает от него, как от мертвеца. Но мы знаем, как знает и она, уже устремленная в роковые волны, что эта духовная гибель тоже на ее совести...

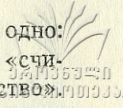
Однако несмотря на то, что Сабе Лапачи не удалось покорить судьбу, он стоит выше всех героев романа, о которых мы уже говорили. Он не прятался от жизни ни в доме; ни в яме; ни в театре. Он сознательно боролся за свое место во вселенной. И мы не отважимся слишком строго судить его за поражение.

И только Гелу не смог поглотить, сделать своей частицей мир разврата, насилия, предательства, словоблудия. Еще в детстве «Гела тщетно ждал, когда же вокруг него или в его душе возникнет обещанный ему отцом мир, доступный, даруемый каждому человеку мир, в котором человек навеки и нерушимо обретает душевную гармонию, покой и веру в себя...»

Гела не сможет смириться с клеветой властей, объявивших его вором, чтобы убить в юноше зачатки свободомыслия. Жажда правды, да еще любовь к Нато бросают его в бесконечный бег из мест заключения. Он бежит не из-за стихийного юношеского протеста, как считает Г. Белая¹, но стремясь в тот мир, о котором говорил ему отец. Он следует зову природы, мировой гармонии, возложивших на него миссию своего защитника: следует высшему, какому-то запредельному, не поддающемуся осознанию, но свойственному каждому человеку ощущению своего предназначения на земле, которое с годами может исчезнуть или принять ясную, четкую, осмысленную форму. Но для того, чтобы ощущение превратилось в сознание, нужна огромная душевная работа, нужно испытание, подобное тому, что прошел Саба Лапачи в стенах военного училища, которое делает из человека личность или двуногое животное. И такое испытание выпадает на долю Гелы в хижине среди «белого» безмолвия: «Всеим своим существом чувствовал Гела, что перед ним возникало новое испытание, новая беда, возможно, еще более страшная, чем все другие, предыдущие и что лишь пройдя через это испытание, если, конечно, удалось бы выйти из негс живым, он понял бы, что он представляет собой, на что имеет право, с чем ему следует примириться, к чему приспособиться и от чего отказаться навсегда».

Кажется, что бег времени (которое мчится в романе с космической скоростью) остановился. Рефрен, проходящий через все повествование: «Жизнь кипит, бьет ключом» заменяется в четвертой части другим: «А вокруг ничего не менялось. По-прежнему скрипели сосны, словно старое, пришвартованное к причалу судно; по-прежнему выл волк; по-прежнему жались, шелестели, шуршали овцы». Этот мир «белого безмолвия», на первый взгляд, оторван от того мира, где жил Гела, живет Нато, ничем с ним не связан. На самом же деле в лице трех обитателей хижины, в которую Гела попадает при очередном своем побеге, мы видим зло того мира, откуда изгоняется наш герой, в концентрированной форме. Разврат, безверие, звериный инстинкт к насыщению — вот что олицетворяют собой «человек с противогазом», «очкастый», «плосколицый». «Человек с противогазом», или «охотник за земными наслаждениями» в своем ненасытном вожделении дошел до того, что изнасиловал пятилетнюю девочку-сиротку. «Очкастый»,

¹ Г. Белая. «Художественный мир Отара Чиладзе». «Вопросы литературы», 1985, № 4, стр. 128.

или «книжный червь» — вычитал из всех книг только одно: все суета сует. «Плосколиций», или «обыкновенный волк» считал своим единственным ремеслом, своим «делом» воровство. И вот с этими отбросами человеческого общества, с самым низменным, что в нем есть, приходится вступить в поединок Геле. Пожалуй, сам «хитроумный» батумский полицмейстер не смог бы придумать более изощренного испытания.

Когда «человек с противогазом» приводит продрогшего, измученного дорогой Гелу в хижину и ее обитатели начинают раздевать его, а потом окатывают горячей водой, создается впечатление какого-то обряда посвящения в круг этих людей, чья «взаимная ненависть в гораздо большей степени, чем общая судьба, помогала... сохранить жизненную цепкость, усиливала в них желание уцелеть, спастись». Они, эти люди, «стремились лишь продлить, растравить эту ненависть, когда с поощрительной и даже почти благодарной улыбкой отвечали на любую издевку, любую гадость, из-за которой в другое время, наверно, не раздумывая бросились бы души друг друга». Они сразу переходят в атаку на неокрепшую душу юноши, стремятся сделать его таким же, как они, приобщить к своему миру, ибо чувствуют в нем «меч божий», по словам «очкастого». Поэтому-то «очкастый» чуть ли не в первые минуты появления нового жильца объявляет ему, что жизнь — это суета сует, дарит ему револьвер, подбивает на убийство, чтобы хотя бы ценой собственной жизни низвергнуть чистую, незапятнанную душу в грязь, во прах. «Ни о чем другом очкастый не мог больше думать, неотступно стоял у него перед глазами Гела — запачканный его кровью, онемевший от ужаса, потрясенный, но уже навеки прикованный к его труп, к его имени, его убийца и поэтому его единственный преемник и наследник, единственный хранитель его памяти, пусть даже вспоминающий его с презрением, с ненавистью, с проклятиями...»

И вначале истинное существо Гелы терпит поражение. Он становится грубым, циничным, бесстыдным, как и окружающие его уголовники. Ему начинает казаться, что уже не имеет никакого значения, будут ли его считать вором или признают его честность и благородство там, в том мире, в мире Нато. «Он был так ослеплен, так заморожен искусительной тяжестью и холодом револьвера, что у него оставалось одно стремление: оказаться достойным человека с противогазом, очкастого и плосколицего, стать подобным и равным им». Но тот же револьвер спасает Гелу от духовной смерти. Ощущение оружия вселяет в него уверенность, силы. Призрак отца спасает сына от не-

верного шага, от искушения воспользоваться револьвером, как хотелось бы «очкастому». Призрак тбилисского артиста выступает в романе спасителем Гелы, а не еще одним искусителем, как считают С. и В. Пискуновы. Недаром в хижине Гела вспоминает: «Отец подавал пример действия — пусть заведомо обреченного на поражение, но все же действия, бунта, борьбы». И когда призрак появляется из пламени, придавленного тяжелым чугунным котлом, невольно вспоминается лицо тбилисского артиста, освещенное свечой на сцене батумского «железного» театра, т. е. в момент его наивысшего духовного взлета. И теперь уже в Геле, когда тот смотрит на огонь, «снова бунтует, содрогается его истинная, насильно загнанная в подполье, отрицаемая и отвергаемая природа». Спасает Гелу и любовь к Нато, ибо, опять-таки вопреки мнению С. и В. Пискуновых, он бежит на чердак Журули не в поисках убежища, а так как знает, «что его бог живет только в доме Нато, на чердаке ее дома, потому что бог — это, наверное, то, что притягивает, родит любовь, стремление творить добро, пробуждает чувство справедливости». Так, выросшее из преданности отцу и любви к Нато чувство достоинства, «вера в самого себя, в свой долг и свое назначение» обернулись действием, а значит, и волей.

Гела не стал убийцей. Как и должно было случиться, звери о двух ногах сами перегрызлись между собой. Наш герой выходит из этой схватки со злом сформировавшейся личностью. Он в борьбе осознал свое предназначение на земле, отверг, встал выше уродств мира, в котором родился. Теперь он идет строить мир по законам справедливости, гармонии, красоты. Вот почему писатель называет Гелу «сыном минувшего и отцом грядущего». Он единственный в романе, кто сумел переломить судьбу, подчинить ее себе.

Но к кому же идет Гела? Конечно, к Нато. Однако мы знаем, — возлюбленная погибла. И тут трезвый, жесткий О. Чиладзе делает, на наш взгляд, уступку сентиментальности. Автор романа «воскрешает» госпожу Елену, заставив ее снова в воображении пережить сцену похорон мужа, сцену, после которой она уже ненавидит «самое себя — бессердечную, себялюбивую, ненасытную, своевольную женщину», и тем самым внутренне очищается, получает право вновь приобщиться к жизни и встретить обреченного сына. Все это выглядит неестественным и надуманным. Развитие образа Елены закономерно завершалось ее духовной смертью. В строительстве грядущего у Гелы будет, по предсказанию писателя, еще один союзник —

Андро, который в будущем почувствует и поймет, «что обязан жить для того, чтобы помочь отцу и матери утвердиться в этом мире, что он один способен это сделать, что он один может оправдать их жизнь, каким бы противозаконным ни почиталось его рождение; когда он с невыразимым блаженством и невыразимой болью ощутил, что он сам и есть тот единственный дом, в котором его родители могут существовать вместе, где они будут соединены в самом священном союзе, ибо он сам обвенчает их навсегда, навеки».

«Железный театр» Отара Чиладзе полон скорби и печали оттого, что показывает, как слаб человек перед лицом судьбы. Однако скорбь писателя вызывает не природная слабость человеческой природы, а как раз напротив — то, что человек зачастую предаёт свою природу, которая отводит ему в мироздании роль борца, роль господина судьбы, а не ее слуги. На попрание услужения судьбе человека ждёт смерть — духовная или физическая — все равно. Но, увы, стать достойным партнером судьбы имеет силы далеко не каждый. В романе такой чести удостоивается лишь Гела. Именно с его образом связана важнейшая мысль романа в том, что и судьбе, диктующей свои законы, и миру, основанному на лжи, насилии и унижении, человек может и обязан противопоставить свою волю, свободу, выстраданное понимание своего предназначения, своего места во вселенной.

ТИФЛИС, АПРЕЛЬ 1930 ГОДА

15 АПРЕЛЯ 1930 года все газеты Грузии вышли с официальным сообщением о трагической гибели Владимира Маяковского.

Версия Правления РАПП, что «самоубийство В. Маяковского вызвано причинами чисто личного порядка, не имевшими ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта, что самоубийству предшествовала длительная болезнь, после которой он не совсем оправился», — наложила отпечаток на все последующие публикации и устные выступления. Она отменила возможность других причин трагедии. А возможность эта угадывалась и в предсмертном письме.

В числе прочего в нем упоминаются рапповцы и, в частности В. Ермилов. Самая массовая литературная организация 20-х годов — Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) — была «призвана объединить все творческие силы рабочего класса и повести за собой ВСЮ литературу, воспитывая писателей из интеллигенции и крестьян в духе коммунистического мировоззрения. Ей... предстояло доказать превосходство свободной социалистической литературы над литературой буржуазного общества»¹. Несмотря на определенные заслуги рапповцев, исследователи признают, что им эта задача оказалась не под силу. Ленин предупреждал, что массовое движение вовлекает в свой поток не только людей честных, ищущих истину, к нему пристают и карьеристы, любители фраз («горлопаны» — по Ленину), в особенности, когда это движение побеждает. Руководители РАПП своим комчванством, бесцеремонным приклеиванием ярлыков восстановили против себя большую часть писателей. Прodelанный С. Шешуковым ана-

¹ Метченко А. И. Кровное, завоеванное. М., Сов. писатель, 1971, с. 149, 150, 151 и др.

лиз рапповской теории, тактических ходов и действий (слишком часто граничивших с демагогией), к которым прибегали теоретики рапповского движения, дает представление о личных качествах Г. Лелевича, С. Радова, Л. Авербаха, В. Ермилова и др. В их отношении к большим писателям оказалось много неверного. Так, пьесы В. Маяковского не признавались рапповцами, они отказывали им и в художественных, и в сценических достоинствах. Один из плакатов, написанных специально для постановки «Бани» в театре Мейерхольда, по настоянию рапповского руководства сняли со стены зрительного зала, поскольку он был направлен против критика-ортодокса РАПП В. Ермилова, в частых нападках которого на поэта было много несправедливого. И поэт впоследствии сожалел, что разрешил снять плакат, считая, что «мог бы дурнуться» с рапповцами.

В. Маяковский был свидетелем реакции всех слоев общественности на самоубийство С. Есенина и мог предвидеть многое из того, что говорилось и делалось после его смерти. Однако он не мог предвидеть всего: борьба «за» и «против» Маяковского продолжалась и после его смерти.

На основе изучения материалов тбилисской прессы попытаемся рассказать о траурных днях апреля 1930 года. 15 апреля «Заря Востока» под шапкой «Пусть памятником ему будет «построенный в боях социализм» опубликовала статьи из центральной прессы и ряд местных заметок. Прежде всего отметим передовую «Правды» «Поэт революции», в которой заслуживают внимания следующие слова: «...Умер большой революционный поэт, умер мастер писательского цеха, неутомимый каменщик социалистической стройки. Жизнь Маяковского, его литературная деятельность были посвящены выполнению этой трудной задачи — большевистскому «оборудованию» нашей планеты. Его книги — «все сто томов моих партийных книжек» — еще послужат пролетариату и Коммунистической партии в той борьбе, которую мы ведем. И пусть памятником ему будет «построенный в боях социализм» («Правда», 1930, 15 апреля). Как видим, шапка «Зари Востока» взята из передовой «Правды».

Газеты опубликовали выступление Ф. Кона перед началом спектакля по пьесе В. Маяковского в театре им. Мейерхольда 14 апреля, то есть в день самоубийства поэта. Приводились выдержки из выступлений писателей, напечатанных в «Правде», сообщение от Комиссии по организации похорон. Большое место было уделено сообщениям о поступающих сообщениях, различного рода сведениях, связанных с орга-

низацией похорон: скульптор К. Луцкий снял посмертную маску с В. Маяковского, в государственный институт мозга доставлен мозг поэта и т. д.

17 апреля среди других материалов «Зари Востока» мы находим «Последние дни» и «Обращение секретариата РАПП» (они публиковались и в других газетах). В первой заметке упор делался на то, чтобы убедить общественность: последние дни В. Маяковского не предвещали трагического конца. Он обсуждал проект закона об авторском праве, а 14 апреля у него на квартире должна была состояться встреча с писателями для принятия решения по данному вопросу. Стало быть, ничто не предвещало трагедии, поэт занимался текущими литературными делами, правда, еще не окончательно оправившись после болезни.

Между тем положение было далеко не безоблачным. Только 6 февраля 1930 г. В. Маяковского приняли в члены РАПП, сама процедура приема оказалась весьма оскорбительной для поэта. На расширенном заседании РАПП от 26 марта 1930 г., обсуждавшем работу журнала «Октябрь», особо указывалось на публикацию «Бани» В. Маяковского как на ошибку редакции, а в вышедшей после смерти поэта статье В. Ермилова (по оценке С. Шешукова, не очень грамотной и весьма тенденциозной) с претенциозным заглавием «О настроениях мелкобуржуазной «левизны» в художественной литературе» («На литературном посту», 1930, № 4) говорится не о художественных особенностях пьесы, а о ее «недостатках».

Как видим, борьба против Маяковского, несмотря на вступление поэта в РАПП, продолжалась. А в выборе средств рапповское руководство никогда не стеснялось². Как с этим согласовать «Обращение секретариата РАПП», в котором акцентируются личные причины трагедии и говорится о том, что у революционного поэта, «призывающего миллионы трудящихся к революционной переделке жизни, не хватило сил для переделки своего собственного, узколичного, семейно-бытового угла...»?!

В тбилисских публикациях, в основном — перепечатках из центральных газет, прослеживается два основных момента: скорбь миллионов о большом поэте и подчеркивание в публикуемых статьях сугубо личных причин трагедии (неустроенность личной жизни, тяжелая болезнь). В заметках «В клубе

² Акимов В. М. В спорах о художественном методе. М., Худ. лит., 1979, с. 209.

писателей», «У гроба поэта» говорилось о большом количестве людей, пришедших отдать последний долг поэту. В «Письме рабочих московского электростроительного завода» отмечалось: «Мы не можем оправдать самоубийство революционного поэта, который в каждом своем стихотворении и каждом лозунге призывал к новой жизни. Только тяжелой болезнью мы можем объяснить это дезертирство с великой стройки, к которой так умело призывал т. Маяковский». В приведенном высказывании настораживает категоричность, с которой утверждается, что трагедия имела только личные причины. Справедливости ради следует признать, что другие причины в то время только начинали выясняться.

Интересна заметка «Вечер памяти Маяковского». Вечер, устроенный ленинградскими писателями, привлек массу народа. О причинах самоубийства на вечере говорилось следующее: «Причины самоубийства надо искать во взаимоотношениях В. Маяковского не с новым, а старым миром. Он недооценивал силы старого мира, который еще силен. И когда Маяковскому казалось, что он обеими ногами находится в новом мире, старый мир ему жестоко отомстил. Все, кто чтит память великого поэта, должен об этом помнить. Задача переделки самого себя... стоит перед каждым...».

Вспомним, что при вступлении в РАПП поэту читались нравоучения о «необходимости порвать с прошлым», «с грузом привычек и ошибочных воззрений» на поэзию. В приведенном высказывании звучит та же мысль. Руководители РАПП выдавали себя за **единственных** борцов за идейность, противопоставляя свою ассоциацию остальной советской литературе. Хотя они и приняли В. Маяковского в свои ряды, но относились к нему настороженно, не считали его пролетарским поэтом. Он еще должен был пройти испытательный срок, чтобы освободиться от «груза привычек и ошибочных воззрений» на литературу. Трагическая смерть поэта была расценена рапповцами как доказательство их правоты в оценке Маяковского. В январе 1931 г. об этом прямо скажет Л. Авербах в докладе «За художественное качество», опубликованном в журнале «На литературном посту» (1931, № 6): «...не случайно Маяковский покончил счеты с жизнью именно тогда, когда в нашей стране произошло обострение **КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ**, когда мы подошли к завершению **ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛИЗМА**».

В свой последний приезд в Тбилиси В. Маяковский имел большую прессу. Его выступления в столице Грузии в декабре 1927 г. предвворяли газетные публикации: в «Комунисти» —

«Владимир Маяковский (в связи с приездом в Тифлис)», в «Заре Востока» — «Владимир Маяковский» за подписью Т. М. — Тристан Мачабели (псевдоним В. Гаприндашвили). В них давалась в общем положительная оценка деятельности поэта, хотя имелись и отдельные критические замечания. Центральная пресса в те годы больше ругала поэта, поэтому тбилисские статьи ему должны были понравиться. Вот одно «критическое» замечание из статьи Т. М.: «...Маяковский поэт улицы, но стать певцом пролетариата ему не удастся. Все же его поэзия есть грандиозная увертюра, после которой массы услышат настоящую симфонию. Говоря словами одного критика, Маяковский влился в пролетарскую поэзию, но не слился с нею: восприятие города, природы у него не рабочее, а богемное. Богемный индивидуализм мешает ему переступить последнюю черту и стать голосом самого коллектива. Все же он осуществляет социальный заказ...» («Заря Востока», 1927, 9 декабря). Критический пассаж В. Гаприндашвили, большого друга В. Маяковского, касается только литературных дел. А приведенное высказывание Л. Авербаха больше напоминает политический донос, и сделано оно в трудное время борьбы с троцкизмом. Как пишет С. Шешуков, Л. Авербах повторил слова Троцкого о Маяковском, правда, без указания источника. Пользуясь безнаказанностью и тем, что покойный поэт защитить себя не может, ортодокс РАПП продолжал бороться с В. Маяковским.

А пока толпы людей стекались отдать последний долг революционному поэту, рапповское же скрытое сопротивление росту популярности В. Маяковского продолжалось. До широких масс доходило только лежавшее на поверхности: великий поэт смалодушничал, покончил самоубийством, ушел от борьбы. Конечно, руководители РАПП иногда бывали резки с поэтом, но кому могло в те годы прийти в голову, что рапповцы сознательно травили поэта и даже с мертвым продолжали вести борьбу. Об этом стало известно много лет спустя, после публикации книг С. Шешукова, А. Метченко, В. Акимова и других исследователей.

Гибель В. Маяковского сразу выявила значимость поэта, интерес широких масс к его творчеству, однако линия РАПП — преуменьшить значение Маяковского — тоже четко намечается. Отголоски всего этого докатились и до Тбилиси. Так, под шапкой «Мы осуждаем его поступок, но мы преклоняемся перед его творческим путем» «Заря Востока» (1930, 18 апреля) дала материалы о похоронах поэта.

Из газет тбилисцы узнали, что у гроба в карауле стояли Ф. Кон, К. Федин, Ю. Либединский, А. Луначарский, С. Третьяков и др., на панихиде и похоронах присутствовала масса народа, вся улица Воровского была запружена людьми. Были опубликованы телеграммы, поступавшие из всех республик, со всех концов страны, в ТАСС была устроена выставка Окна РОСТА, вышел специальный выпуск «Литературной газеты», посвященный поэту. Тифлисская пресса, как видим, стремилась донести до нашего читателя масштабы события.

Большую полемику вызвала статья М. Шагинян «Смерть Владимира Маяковского», опубликованная 18 апреля в «Заре Востока» (в те годы писательница работала в Тбилиси). В ней говорилось, что предсмертный завет Маяковского — «не сплетничать» — должен быть уважен: печать не должна касаться личных сторон жизни и смерти поэта. Однако самовольный уход из жизни крупного поэта и общественного деятеля вслед за самоубийствами С. Есенина и А. Соболя со всей остротой ставит на повестку дня проблему быта.

Система рассуждений М. Шагинян весьма интересна. Это не только личное мнение писательницы, того же мнения придерживалась в те годы большая часть молодежи. М. Шагинян считает, что, поскольку все трое покончили с собой по личным мотивам (то есть повторяет версию РАПП), этот факт выходит за рамки частного явления и дает повод к известным обобщениям. «Поэт, поставивший свое имя на титульном листе эпохи, создавший новую школу, кончает с собой при столкновении с бытом...». И далее следует фраза, вызывающая особый интерес: «...гибнет не как общественник, а как индивидуалист».

М. Шагинян считает, что «персональное нарушение старых норм быта для Маяковского было в чем-то вроде эсеровского выстрела в губернатора», то есть для поэта допустимым, но не решавшим вопросов принципиально, как выстрелы в губернаторов не могли решить проблем борьбы. Она была права, считая, что подобный путь неверен. Но критика ее — явно с «левых позиций»: «Попытка индивидуально перестроить частную жизнь, уничтожить инстинкт собственности в семейном и личном быту в наше время нецелесообразны», — считает она.

Писательница критикует взгляды, которые в те времена были весьма распространены среди молодежи. Они противоречили взглядам В. И. Ленина на вопросы брака, семьи, но имели большое распространение и нескоро были изжиты. Послед-

няя фраза статьи М. Шагинян, вырванная из контекста, — «Все усилия надо отдать в общий котел, в общую борьбу против старого быта...» — хотя и звучит весьма своевременно, но в контексте статьи она означала другое, утверждала ошибочную, ультралевую точку зрения.

В «Заре Востока» от 19 апреля помещена статья — отклик на выступление Шагинян «За живого Маяковского», подписанная «И. Г-н». Уже заголовок ее настораживает, от него отдает рапповским печально знаменитым лозунгом, да и содержит она ряд крайних положений. Справедливо в ней лишь то, что «отклик М. Шагинян на смерть поэта таит ряд ошибочных утверждений». Однако акцент делается только на «нерапповских» утверждениях писательницы. Ее критикуют за то, что она привела к одному знаменателю три самоубийства. Рапповцы считали, что нельзя ставить идеологического равенства между Маяковским и попутчиками-упадочниками Есениным и Сободем: у последних «основной нотой творчества является похоронный мотив», а у Маяковского нельзя найти «могильной ноты». Маяковский — поэт революции, а жизнь и смерть Есенина и Соболя являет собой «естественное завершение развития интеллигенции».

Далее критик опровергает мысль М. Шагинян о том, что Маяковский в одиночку боролся против старого быта и поэтому погиб. Напротив, — считает он, — личное и интимное он включил в общий ток коллективной энергии (отказ от личных преимуществ, горячее участие в общих делах страны). Действительно, эта сторона проявления революционной энергии была несколько смазана в статье М. Шагинян, поэтому ее попытку извлечь уроки из смерти Маяковского критик считает неудачной. И в определенной степени «И. Г-н» прав.

Несмотря на сильное давление на литературную жизнь эпохи рапповской идеологии, в статье высказывались мысли, которые более верно отражают мнение партии и В. И. Ленина по литературным вопросам. Однако в том же номере опубликована статья активного рапповца А. Селивановского «Свинцово-тяжелые стихи», которая являет пример тенденциозности и в определенной мере помимо воли автора полемизирует со статьей «И. Г-н».

Статья А. Селивановского подробно рассказывает о причинах приема В. Маяковского в РАПП: «творчество Маяковского было образцом перевода одного из близких пролетарской литературе союзников на рельсы пролетарской идеологии. И для Маяковского, и для пролетарских писателей, принимавших

его в свои ряды, не было сомнений, что Маяковский сможет стать подлинным материалистом-диалектиком в своем творчестве».

В те годы часто высказывалась мысль, что Маяковский приблизился к пролетарской литературе, подошел к той грани, которая отделяет пролетарскую поэзию от поэзии попутчиков. А. Селивановский считал, что поэту следовало совершить скачок (переход от количества к качеству). Именно этого ждали рапповцы, поэтому они не «канонизировали» поэта, а боролись с тем, что ему следовало преодолеть в результате окончательного слияния с пролетариатом. Правда, в статье не уточнялось, что именно имели в виду критики. Подобная настроенность вряд ли могла способствовать консолидации сил молодой советской литературы.

Вывод А. Селивановского: «Маяковского нет, но осталось его творчество, принятое пролетариатом в железный фонд его культурного наследия» («железный фонд», видимо, то, что мы сегодня называем «золотым фондом»). Однако сама статья оказалась в духе времени — явно рапповской. Она задним числом оправдывала принятие поэта в РАПП: «Маяковского приняли под давлением веских причин, но, как и предполагалось, он не оправдал доверия, подвел РАПП. Надо быть очень осторожным в приеме подобных непролетарских писателей».

В том же номере «Зари Востока» от 19 апреля было опубликовано стихотворение пролетарского поэта Г. Крейтана «Товарищу Маяковскому», которое, переключаясь со стихотворением В. Маяковского «Сергею Есенину», проводит грань между двумя поэтами. Характеристика С. Есенина дается в духе времени:

Вы строку податливую гнали

За страну Советов,

Не за Русь.

Кто вам право дал

Бессмысленною пулей

Повторять

Есенинскую гнусь?

Я того,

Разбившегося пьяницу,

Рад просить

Иглою острых строк.

А о Вас

Под сердцем боль останется

На большой,
На неизбежный срок.

Г. Крейтан, член грузинской ассоциации АПП, поведал своим читателям, что они, пролетарские писатели, приняли в свои ряды Маяковского, потому что поэт это заслужил:

Свой маршрут
Вы не вчера наметили.
С нами вы
Открыто и давно...
Вы от нас
Великолепным голосом
Прогремели миру:
— Хорошо!
Как боец,
Вы с нами шли вперед,
Не страшась кулацкого обреза.

В словах Г. Крейтана, несмотря на то, что они полны уважения к великому поэту, чувствуется и некоторое снисхождение, столь свойственное старым рапповцам по отношению к молодым членам ассоциации.

Траурные дни в Тбилиси завершились вечером памяти В. Маяковского 19 апреля. О нем на следующий день поведала пресса. Устроенный культсектором совпрофа и АПП Грузии вечер привлек многочисленную аудиторию. Доклад о творчестве поэта сделал Б. Буачидзе, выступили Г. Татулов, Гр. Робакидзе, С. Чиковани, П. Яшвили, они рассказывали о творчестве поэта, вспоминали эпизоды его пребывания в Тбилиси. В заключение вечера Г. Крейтан прочел то самое стихотворение на смерть поэта, о котором мы говорили выше.

Конечно, публикации тбилисских газет содержали положения, которые в наши дни выглядят странно, но характеристика, данная в них поэту, более верно отражала мнение партии о поэте, чем рапповская. Так, в заключение доклада Б. Буачидзе сказал: «Литературно-революционная работа Маяковского — это его большевистский партбилет, и самоубийство противоречит этому партбилету, завоеванному каждой строкой его стихов. Большевики не могут не осудить самоубийства Маяковского, которое является трагической ошибкой, но Маяковский все же остается поэтом радости, борьбы, коммунистических призывов. Лучшим памятником ему будет «построенный в боях социализм» («Заря Востока», 20 апреля).

В телеграмме с соболезнованием, посланной из Тбилиси международному бюро пролетарской литературы и РАПП, говорилось о значении Маяковского в советской литературе: «Собрание пролетарских писателей Грузии, совместно с советскими писателями и представителями рабочих и общественных организаций, решительно осуждает самоубийство талантливейшего поэта революции Владимира Маяковского. Собрание поражено этой первой и последней непоследовательностью со стороны преданнейшего борца за социализм. Огромнейшее творчество Маяковского является великим вкладом в железный фонд мировой революционной литературы. Собрание подчеркивает неизмеримые заслуги трагически погибшего поэта перед рабочим классом и пролетарской литературой всех народов Союза».

Среди причин трагической гибели поэта могут быть названы не только неустроенность личной жизни, но и неустроенность быта, и особенности его характера (резкая смена настроений), и физиологические особенности организма (предрасположенность к болезням, простудам, брезгливость, прогрессирующая болезнь горла и др.). Его самоубийству предшествовала длительная болезнь, после которой он не совсем оправился, — писалось в официальном заявлении. — Она также могла повлиять на роковое решение поэта.

Однако причины самоубийства не были только личными. И хотя РАПП выдвинула версию, что «самоубийство В. Маяковского вызвано причинами чисто личного порядка, не имевшими ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта», она не может быть безоговорочно принята в наши дни. С одной стороны, вступление В. Маяковского в РАПП в феврале 1930 г. резко ухудшило его взаимоотношения с левовцами, с другой стороны, не сняло всех проблем отношений с рапповцами. Поэт оказался как бы в изоляции. Он чувствовал отрицательное отношение рапповских ортодоксов к себе. Их чванливая нетерпимость привела к тому, что все литераторы вне РАПП считались «инакомыслящими». «Рапповцам советская литература представлялась в виде ветвистого дерева, где каждая ветка была иной «породы». Действительно, схема такого дерева публиковалась в журнале «На литературном посту» (1926, № 3, с. 24—25). «Каждый сверчок должен знать отведенный ему шесток и не забывать, кто есть кто — союзник, попутчик или враг».

Характер поэта, его умение наживать врагов и амбиции Л. Авербаха не могли не столкнуться. Будучи далеко не пролетарского происхождения, Авербах говорил от имени рабо-

чего класса, «бил напостовской дубиной» от имени пролетариата, будучи опытным интриганом, отравил жизнь многим писателям. Достаточно вспомнить его отношение к М. Горькому, А. Н. Толстому и другим. Поэтому среди причин гибели В. Маяковского — нерешенность многих вопросов общественных, творческих, личных, организационных и других, взаимоотношения с деятелями РАПП.

ХРОНИКА

В ГОСКОМИЗДАТЕ ГРУЗИНСКОЙ ССР

16 марта в Госкомиздате Грузинской ССР состоялась встреча руководства Госкомиздата Грузинской ССР, издательства «Мерани» и республиканского объединения книжной торговли «Сакцигни» с проживающими в Грузии армянскими и азербайджанскими писателями, которая прошла в обстановке доверительности и доброжелательности. Встреча была вызвана необходимостью совместного разрешения конкретных мероприятий по улучшению дела издания произведений армянских и азербайджанских авторов, проживающих в Грузии, по дальнейшему развитию духовной культуры живущих в республике народов, сближению, сотрудничеству и укреплению взаимосвязей с соседними братскими закавказскими народами.

Намечающиеся в Тбилиси в апреле выставки армянской и азербайджанской книги будут сопровождаться вечерами дру-

жбы, обменом опытом и творческими планами. Намечено составить и подписать с Госкомиздатами Армении и Азербайджана договоры о социалистическом соревновании, составить совместный перспективный план изданий.

На встрече большое внимание было уделено вопросу своевременного и качественного издания произведений армянских и азербайджанских авторов, проживающих в Грузии, а также переводу и изданию произведений этих авторов на грузинском и русском языках.

Предполагается открыть в Тбилиси специализированный магазин «Литература народов СССР», в котором будут представлены секции армянской и азербайджанской литературы. При многих книжных магазинах и сегодня функционируют такие секции.

В конце искреннего, открытого и делового разговора было отмечено, что подобные встречи с писателями будут проводиться систематически.

«СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ»

Я открываю книжку с некоторой опаской: как и о чем пишет ее автор, совсем еще молодая и, по-видимому, благополучная женщина, у которой и жизненного опыта за плечами, наверно, всего ничего?

Но рассказы читаются легко и с увлечением. Захватывают они и каким-то своим особым настроением, которое скрывается, как неповторимый аромат цветка. Это настроение — я ловлю себя на этой мысли — вызывает и сама Карина Зурабова, когда на нее смотришь, с ней разговариваешь. Уже с первых же строк первого рассказа узнаю молодую беззаботность, душевную цельность: «Всегда я спала хорошо — и в поезде, и на аэродроме, и раз даже на гагринском пляже, когда не было мест в гостинице».

В ее манере рассказывать нет никакой натужности, действие начинается нередко с первого же абзаца и движется вперед естественно, не перебиваемое длинными рассуждениями, подробными описаниями, не обременяемое внутренними монологами, свидетельствами душевной рефлексии героев. А диалог у нее необычайно жив — можно сказать, что она в своем роде мастер диалога.

Героиня первого рассказа, который называется «Только не плачьте», прилетает с отцом в Москву, чтобы поступить в театральный вуз. Быстро и весело соглашается с папой, что надо сдавать и в ГИТИС и в Щепкинское одновременно — куда попадешь. Знакомится с абитуриентами, девочками и мальчиками, приехавшими из разных уголков страны. Бегаёт с одного тура на другой, из вуза в вуз — и все это внешне легко, подсмеиваясь над собой, и в то же время как будто и не сомневаясь, что куда-нибудь да попадет. Ей кажется, что экзаменаторам она нравится, ей улыбаются, а знакомые абитуриенты, с удивлением узнавая, сколько туров она прошла,

Карина Зурабова. Солнечные часы. Рассказы, Тбилиси, «Мерани», 1986 г., 140 с.

замечают: «Ну, ты прямо Фигаро, всюду успеваешь!» Все (и героиня, кажется, больше всех) уверены, что уж она-то поступит обязательно, так обаятельна ее вера в себя, ее юмор и резвость. Поэтому так неожидан ответ героини под занавес на очередной вопрос: «Ну, а как вы?» — «А я... я уже все. Я везде провалилась...» Бодрым голосом парень утешает ее: «Ничего, ничего. Не пропадем. Только не плачьте!»

Пока читаешь рассказ, его заголовок и не вспоминается. Кажется, что слезы несовместимы с жизнерадостной девушкой, которая сама всех подбадривает и выглядит беззаботной и уверенной в себе. Это она-то заплачет? Но последняя фраза рассказа озадачивает нас нотой глубоко скрытой грусти: «Как будто это самое главное, плачу я или нет». Эту ноту мы услышим еще не раз...

Сборник К. Зурабовой — как мозаичное панно: из маленьких кусочков-рассказов сложилось единое целое. Не потому, что оно объединено общим сюжетом или одним героем (есть здесь и несколько коротеньких циклов, в каждом из которых по одному главному герою). Цементирующее начало здесь — лирическое. Это общее настроение молодой, легкой грусти. Им окрашено все повествование от первой до последней страницы.

...Почти полчаса ждет девушка любимого парня утром около метро. Ждет, чтобы проститься. Через полчаса она едет в аэропорт, потому что улетает из Москвы в Тбилиси навсегда. И вот уже послушно и радостно слушает болтовню Славы, послушно и радостно заглядывает ему в лицо и внешне спокойно выслушивает равнодушный ответ на умоляющий вопрос, не приедет ли он в Тбилиси, хоть по делам: «Может быть, приеду. А может быть, и не приеду. Но если я там буду, то я тебя, конечно, найду». Он не любит писать письма и писать не обещает. И хотя под влиянием какого-то импульса он вдруг решает проводить ее в Домодедово (чего делать не собирался), она чувствует: из ее жизни «он пропал, как будто его ветром сдуло. Я отворачиваюсь от иллюминатора, а когда опять смотрю в иллюминатор — там небо. Синее и пустое».

Во многих рассказах живет эта героиня. Та самая, что поступала и не поступила в театральный вуз. Та, что влюблена была в студенческие годы в загадочного Славу («Баркарола»; «Влюбленные»). Та, что жила в общежитии и так любила своих подруг: одних пыталась «сласать», другими восхищалась, третьим мечтала скрасить жизнь, заразить своей жизнерадостностью. Та, что наблюдала за окружающими заинтересованным

острым взглядом начинающего писателя (циклы «Конфетки-бараночки», «Фотограф», рассказ «Солнечные часы»).

Карина Зурабова интересуется человеком, пытается понять его, увидеть мир чужими глазами. Она способна почувствовать глубоко скрытые пружины внутреннего мира даже 90-летнего старика Додика — знаменитого тбилисского фотографа: его одиночество и гордость, не позволяющие другим заметить это одиночество, его детскую обидчивость и готовность радоваться даже пусть самым маленьким знакам внимания к себе.

Два рассказа о Додике, объединенные в маленький цикл под названием «Фотограф», написаны тоже от первого лица — лица героини, навещавшей старика. Характер Додика дан преимущественно через его диалог с молодой женщиной. Писательница здесь лишь наблюдает героя со стороны, она словно ласкает его печальным жалеющим взглядом, она полна сочувствия к нему, восхищения его жизнестойкостью.

Но есть в сборнике вещи, пожалуй, более зрелые художественно. На мой взгляд, это маленький цикл из двух рассказов под названием «Анна Львовна» и рассказы «Три дня на разграбление» и «Любимая».

Это рассказы-сценки, объединенные темой женского одиночества. Здесь уже нет милой молодой и доброй героини, с которой мы познакомились прежде, здесь другие женщины, нарисованные психологически точно. Это простодушная и душевная, способная глубоко и скрытно любить неудачница Нинка и красивая и все понимающая юная Бела из рассказа «Три дня на разграбление». Это стареющая красавица Нина Валентиновна, бывшая любовница знаменитого поэта (своего рода, музейная редкость), ныне уважаемый преподаватель, внутренне глубоко одинокий и уязвленный человек («Любимая»). Это Анна Львовна — пожилая интеллигентная женщина. У нее умер муж, дочь уехала за границу, но ценой невероятных душевных усилий она пытается создать себе иллюзорную жизнь, якобы полную неотложных дел и забот («Анна Львовна»).

Карина Зурабова наделена даром понимать душу и не похожую на ее собственную. Она смотрит и внутрь себя, и на других, и ее сердце полно тепла, грусти и сострадания. Она умеет видеть, умеет и передать увиденное: и образ человека, и размышление, и настроение. И я верю, что в новых темах, которые несомненно придут к молодой писательнице, еще полнее раскроется ее талант.

Марина СУРОВЦЕВА

Мирон ХЕРГИАНИ

ВСЕ СТАНЕТ НА КРУГИ СВОЯ...

«В шестисотый день жизни Ноевой... В сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей...»

Бытие, VII, 11-12

«И усилилась вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом...»

Бытие, VII, 19

«...И лишились жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди...»

Бытие, VII, 21

Как полагают ученые, здесь налицо некоторое преувеличение. В действительности всемирный потоп имел местный, локально-региональный характер. В частности, таковы и легенды, связанные с происхождением озера Палиастоми и Эрцо-Тианети, с той лишь разницей, что первая знакомит с трагедией, свершившейся вследствие наводнения, являя картину вымирания рода Павла, вторая же связана с исходом в незапамятные времена воды с заболоченных земель окрест Йорского ущелья.

На скамье, прислонившись к кирпичной стене, сидел восьмидесятилетний согбенный старец. Временами он взмахивал рукой, будто отгоняя мух, коих в ту раннюю осеннюю пору и в помине не было. Старик боролся со своими воспоминаниями. Казалось, он старался устоять перед их натиском, но, как видно, тщетно... И не с кем было перекинуться словом, чтоб поделиться тайной, хранимой сердцем. Все куда-то разбрелись...

Лишь детвора возилась вокруг. Но их игры были лишены чего-то главного и существенного, той беззаботности и веселья, которые свойственны детям. Двигались они как заведенные. А их угрюмые лица, грустные глаза невольно навевали тоску, которую и они неосознанно пытались преодолеть в этом подобии детских забав.

— Здравия тебе, добрый человек, — приветствовал я ушедшего в свои думы старика.

— Здравия и тебе, — с почтением отвечивал он. И хотя места на скамье было достаточно, вежливости ради старик чуть подвинулся в сторону, жестом приглашая сесть рядом. Мы завели разговор о том, о сем. Оказалось, мой новый знакомый славился исполнением «зари»¹. В этом равного ему не было. Из ольховой веточки, молвил старец, можно выстрогать и свирель, и прут, коим погоняют скотину. Так что «лилео», гимн солнцу, и «зари» сродни друг другу. А вообще-то занимался он обработкой дерева, строгал дранку. Правда, время таких мастеров миновало, выделка дранки стала редким явлением. Но все же кое-где в Сванетии еще занимаются этим давним ремеслом. Дело это трудоемкое, требующее большой аккуратности и искусности, да и радость доставляет несказанную. Чего стоит хотя бы видеть, как ослепительно забелела кровля дома, крытая новой дранкой, слышать благодарность всей семьи, в нем обитающей.

Вот потому-то все те, кому Ражден перекрыл крышу, стали ему словно близкими родственниками.

— Однако, дорогой ты мой, любезный, — приговаривал он, — стлать дранку надобно для живых. Да вот потряс нас этот гром небесный... Упаси господь всех нас от такой напасти... Ведь всю прошлую зиму Сванетию трясло, как в лихорадке.

Старик умолк на время, словно нестерпимая боль, навалившаяся на сердце, не давала ему говорить, и продолжал:

— Выпиленных мною досок и выделанной дранки, верно, хватило бы, чтобы трижды опоясать ими земной шар. Но как измерить горе и печаль, которые навсегда, наверное, поселились в наших сердцах после бед и несчастий, свалившихся на нас.

Вот тогда-то жизнь наша будто переломилась надвое, и то, что оказалось за гранью ее, недозволено отныне доверять думам нашим, ибо жизнь и смерть смешались в нас, подобно

¹ «Зари» — протяжное похоронное пение без слов.

осадку на дне винного кувшина, все утратило смысл свой. А грань та как бы прояснила сознание, выведя из бездны к свету...

И парни наши, поселившись на новом месте, обратили помысли свои и надежды к той земле, которая отныне призвана стать нашей кормилицей.

Трудно удивить свана красотой природы. Но все зависит от подхода. Вот из этого я и исходил, отвечая на вопрос этих ребят, как мне нравятся здешние места.

Для нашего человека много значит уже и то, что поблизости протекает река и до твоего слуха доносится ее умиротворяющее душу журчание. Да и горы Орпретские возвышаются неподалеку. С родными их, конечно, не сравнить, но все же как поглядишь на них, сердцу становится теплее. Да и это ущелье с лощинами напоминает сванское. И овраги тут есть, и равнины. Чего же еще желать...

Лица молодых сванов осветила улыбка, в глазах загорелась надежда.

Правда, оптимизм этот касался их положения в целом. Я понимал, что не пристало человеку благородному в подобной ситуации не только жаловаться и выражать претензии, но даже проявлять хотя бы малейшее недовольство. Эти люди, получив временное пристанище в коммунальных квартирах, ждали своего собственного крова и приусадебного участка и, как бы дав клятву, что ни о чем не попросят и будут молчать, чтобы не дать никому повода заподозрить их в неблагодарности, не смели спросить — почему же все затянулось так надолго. Но если в этом очерке кое-где и проскользнут критические интонации, то продиктованы они прежде всего интересами народного хозяйства республики и всего нашего общества, и ни в коем случае — какими-либо личными, частными соображениями.

А интонации эти, к сожалению, не замедлят прозвучать, так как в преддверии завершения строительства будущей деревни основания, их порождающие, вырисовываются все четче. Резо Шерозия, начальник строительного участка, высказал искреннюю озабоченность в связи с обстановкой, создавшейся на стройке.

Беседа с ним еще более усилила чувство тревоги, возникшее после ознакомления с положением дел на месте. И я попросил его подробнее рассказать о реальной ситуации на руководимом им участке.

— Наш участок, — сказал он, — подчиняется Марнеульскому домостроительному комбинату. Но такие участки, как этот,

у него есть в Удабно, Гардабани, Церакви, Сиони, во многих других местах. Так что его зона обслуживания весьма обширна.

— А он в состоянии своими силами справиться с возложенной на него задачей?

— К сожалению, нет. Ведь строительные материалы — хлеб насущный для строителей. А один-единственный завод, которым располагает комбинат, даже в малой степени не способен обеспечить нашу потребность в них. Чтобы сделать это, надо и впрямь быть волшебником. Так что главное препятствие — это нехватка материалов и строительной техники.

— А как обстоят дела с рабочей силой?

— В настоящее время эта проблема нас не волнует. Хотя были тут и горячие денечки, когда работало всего тридцать-сорок человек. С понедельника к нам на подмогу подключится молодежная бригада сванов. Однако дело осложняется тем, что конструкции здесь в основном сборные, и поэтому традиционные заступ с лопатой не очень-то сподручны. Нужно выполнить штукатурные работы, требуются мастера-кровельщики. Вот это и осложняет положение.

Все еще во власти какого-то щемящего чувства, закрывшегося в сердце при осмотре стройки, задаю вопрос, выражающий мою тревогу и сомнения:

— Если темпы работ останутся теми же, когда может быть построена деревня?

Резо ответил не сразу. Он же всего-навсего исполнитель, реализующий чьи-то идеи, и держать ему ответ лишь за те недочеты, которые обнаружатся на его участке. А как раз тут повсюду чистота и порядок. Правда, бросалась в глаза удручающая пустота. Весь строительный участок прямо-таки «вылизан», нигде ни грамма неиспользованного раствора, ни насыпи песка. Все, что было ранее завезено сюда, пошло в дело до крупинки. Естественно, при такой ситуации не в чем упрекнуть строителей.

Вот и признался откровенно Резо, что они испытывают недостаток в материалах. Это без труда мог заметить и сторонний наблюдатель. Однако его замешательство в связи с моим последним вопросом недвусмысленно давало понять, что не в его компетенции ответить на него. Да я и сам должен был догадаться, что спрашивать об этом следовало у тех, кто по всей республике курирует сооружение жилья для переселенцев из районов, пострадавших от стихийного бедствия. Им виднее, где и что происходит, что и чему мешает, что нужно для того,

чтоб сжать, ускорить сроки строительства... И все же Резо, молодой инженер и честный человек, ответил прямо:

— Если мы будем продолжать работать такими же темпами, и за пятилетку не справимся с поставленной задачей. Но есть надежда, что к нам присоединятся и другие организации, как это было в Ломтагора... Думаю, и нашему домостроительному комбинату окажут соответствующую помощь, увеличат мощности, фонды.

— Вы упомянули Ломтагора. Там тоже произошло нечто подобное?

— Нет. В Ломтагора положение было совсем иное. К сожалению, наши проектировщики, а может, и геологи, с самого начала не сумели определить, пригодна ли там почва для возведения жилого массива. И хотя строительные работы были уже развернуты по всему фронту, пришлось искать новое место, на что понадобилось определенное время. Надо было заново проектировать деревню, готовить чертежи, да и былой энтузиазм вроде бы угас...

— И все же, какой опыт вынесен из той истории?

— Прежде всего то, что кроме нас, тогда к строительству было подключено еще шесть трестов. И снабжение, соответственно было получше, внимания побольше. Но что касается энтузиазма... Фактор эмоциональный в таком деле имеет огромное значение.

— Так как же все-таки потом развернулись события?

— Когда забраковали Ломтагора, все тресты перебросили в другие места, а мы остались на этом участке. Вот так непредвиденные обстоятельства отрицательно сказались на здешнем строительстве...

Наша беседа проходила в присутствии группы сванов, жителей деревни Мулахи, которые тоже были заняты в строительных работах. Поначалу они слушали нас молча. Потом лишь раз вмешались в наш разговор. Нарушив свой принцип невмешательства, предложили Резо, если нужно, остаться и продолжить работу. Сказано это было подчеркнуто вежливо, им-то ясно было, что работы нет. Возможно, таким образом мулахцы пытались скрыть волнение, вызванное словами Резо о том, что при подобных темпах и в самом деле далеко не уйти. Я понимал это, и с тем большей досадой и болью думал о нерадивости, ранящей этих людей. Неужели только в экстремальной ситуации способны мы на большие свершения во имя своего народа, а потом, когда кризисная ситуация минует, ос-

тавляем начатое дело на полпути, незавершенным, а то и вовсе заброшенным.

— Замечательные квартиры, — говорю я Резо, высказывая тем самым благодарность и ему, и хлопочущим здесь же рабочим, жителям Тамариси — братьям Элизбару, Валерию и Тенгизу Дзигошвили, отцу и его сыновьям — Зурабу, Годердзи и Темуру Циклаури, а также рабочим из Зестафони — Шахро Абжандадзе и Гие Гаччиладзе...

— А я переживаю, что жилье осталось без подвалов, — сокрушается Резо, — по проекту они не предусматривались, а самовольно отступать от него я не мог, хотя построить подвал площадью в десять квадратных метров не такое уж сложное дело. Возможно, будущие жильцы меня попрекнут за это, но постараюсь не осрамиться в главном...

— А что вы считаете «главным»?

— Постройку квартир, качество столярных и плотничьих работ, возведение дворовой ограды и тысячу разных мелких и крупных дел...

— Предусмотрены ли проектом помещения для содержания скота?

— К сожалению, нет. Мне поручено строительство дома и капитальной ограды вокруг двора, за которые я отвечаю.

— Да и это не столь уж важно, — впервые заговорил бывший вожак мулахцев, директор тамошнего передового совхоза Манджиа Калдани, который вместе с Витей Навериани, единственным, чудом спасшимся членом большой семьи Семлара Навериани, поднялся в Тамариси, чтобы посмотреть на это строительство, — мы сами займемся этим. Если будут газ и вода, все остальное сделаем своими силами.

И как бы вне связи с этим, но по существу подводя итог всему сказанному, вступил в разговор Зураб Циклаури:

— Отныне жить нам вместе. Вот и должна здесь быть заложена прочная основа для наших добрых отношений. Это важнее всего. А то вкусно поесть каждый горазд...

В этих словах — отношение всех тамарисских жителей к горцам, недавно переселившимся сюда.

Те немногие съестные припасы, которые они прихватили из дома, уже кончились. Поэтому приходилось трудиться на два фронта. В горах посеяли немного картофеля и лобио. А за ними нужен уход. Да и обряды по умершим надо было блюсти. Дел хватало, и обвинить этих обездоленных людей в том, что

не лежит у них пока душа к работе на новом месте, или же, что они прогуляли несколько дней, никто не мог. Подобно стае журавлей, вспугнутой выстрелом из ружья и ведомой раненым вожакom, они растерялись. И это произошло с теми, кто пришел оттуда, где покой веку царили свобода, но в то же время и порядок, а безделье почиталось самым большим из социальных зол.

Смена времен года определяла распорядок их жизни. Чтоб не голодала в холодную пору многочисленная семья, глава ее готовился к зиме задолго до наступления холодов. Сразу по окончании осенних работ собирал свои пожитки и отправлялся на заработки в теплые края, в страну обетованную — на равнины Грузии. В апреле—мае, когда в ущельях Сванетии начинал таять снег и раздавались звонкие трели жаворонка, а на снегу прочерчивались звериные тропы, он подходил к порогу своего дома с небольшой кожаной котомкой, туго набитой гостинцами, пестрыми тканями, приобретенными ценой упорного труда, и этой малостью доставлял радость своим близким. Затем отец семейства вновь брался за домашние дела, ухаживал за несколькими десятинами земли, вспахивал ее, засеивал, пока снова не пускался в дальний путь, теперь уже на Северный Кавказ, где не покладая рук трудился косарем, перегонял породистую скотину через грозные перевалы Кавкасиони.

Вот так и были распределены его дни и ночи, все в труде и заботах, в беспрестанном скитании меж гор и равнин. И свое потомство обучал он тому же. И эти юноши были приобщены к заведенному жизненному укладу. Даже сегодня вряд ли найдется в Сванетии такой двадцатилетний парень, который хотя бы раз не ходил на заработки за Кавкасиони, не прошагал пядь за пядью, вдоль и поперек, травинка за травинкой бескрайние поля Кабардино-Балкарии или Ставрополя. Земля, малая и скудная, определила характер его жизнедеятельности, ибо бедность и нужду честный человек может одолеть лишь трудом.

— Тенгиз написал стихотворение, может, послушаете... — сказал мне один из парней — Дато Навериани.

Тенгиз смутился, до стихов ли, мол, сейчас. Но товарищи пристали к нему — покажи да покажи...

— Это моя первая и, наверное, последняя попытка, — оправдывался он потом, — как-то вечером уж очень заняло сердце, затосковал я по родной деревне, стал думать о погибших, о наших реках, башнях, песнях, вспомнилась мне на-

да ведза³. Уснуть не мог, встал и написал вот это... Где уж мне, спортсмену, разбираться в стихах. Но я почувствовал — на душе немного полегчало...

— Покажи... Покажи, — снова стали уговаривать его ребята.

Тенгиз все отказывался. Тогда они силой вытащили у него из кармана листки и прочли их.

Я запомнил те строки: «Родившимся в грозных горах жизнь не давала покоя, уделом многих стала смерть, других же — слезы и сиротство; когда мурквами⁴ вспоминаю, душа уносится туда же и сердце бьется странно. Доносятся младенцев стоны, душа в волненьи плачет, благословиению и ласке матери не приглушить глухую боль. Выбрав в моем Жамуши жертвой мужчину доброго и малого ребенка, лавина распроклятая пологом траурным покрыла все».

Стихотворение заканчивалось обнадеживающе: «Башня Навериани стоит на грани неба и гор, крепка эта белая башня, Сванетии жить века...»

Сванетия и в самом деле не умрет, ни горная, ни равнинная. В Местийском районе, например, процент рождаемости продолжает оставаться высоким: 24—25 человек на тысячу душ населения (в некоторых республиках этот показатель — всего восемь). А каково положение в семьях мулахцев? Уж не чрезмерное ли преувеличение звучит в стихах Тенгиза? В этом нетрудно разобраться, проведя небольшое демографическое исследование. Мы пересчитали всех детей до единого в трех корпусах, куда временно заселили мулахцев. В доме № 74 по улице Ленина проживают двадцать пять семей, в которых растут восемьдесят детей. В корпусе, расположенном на улице Свердлова, на пятнадцать живущих там семейств приходится сорок детей, на сорок пять с улицы Нариманова — сто двадцать! Думаю, цифры весьма впечатляющие. Но главное все же в том, что родители эти большей частью люди молодые, и они не собираются ограничиваться четырьмя-пятью детьми. Понятно, что в силу обстоятельств пока это трудно осуществимо. И у молодых тоже нет настроения справлять свадьбы... Как ни говори, все еще не покидает переселенцев ощущение, что они в гостях, в роли постояльцев.

Так что обеспечение их жильем на данном этапе — проблема номер один.

³ Ведза — источник минеральной воды.

⁴ Мурквами — башня.

...Довелось мне встретиться и с директором Марнеульско-го домостроительного комбината Ираклием Кизирия, который без обиняков поделился со мной своими заботами.

— Вы, должно быть, слышали, какая горячка была в Ломтагора, пока не выяснилось, что почва там непригодна для возведения корпусов. Нам поручили сорок домов, другим — по десять. Примерно за две недели дело развернулось вовсю. Кроме нас, там было задействовано еще шесть трестов. Потом их перекинули в другое место, а нас перевели в Тамариси. Оказалось, мы понапрасну проделали такой огромный объем работ. Наш годовой план и без того был удвоен, меня очень заботило его выполнение, теперь же, когда нам добавили и это строительство, положение у нас сложилось трудное. Я даже обратился в вышестоящие органы с соответствующим письмом, в котором обосновывал нереальность возложенных на нас обязательств. Но все осталось без изменений.

Пока утверждали новый проект, прошло три-четыре месяца. В Тамариси фактически мы приступили к делу в конце августа. Сейчас уже залиты фундаменты пятидесяти домов, построено около двадцати, возведены первые этажи трех. К концу года закончим разве что тридцать, да и то с большой натугой...

— Дядя Ражден, — попросил я старика, — расскажите еще о здешних местах.

— За такое великое добро надо отплатить той же ценой. Удастся ли нам быть достойными сделанного всем народом для нас? — голос моего собеседника звучит твердо, ровно. — То, что происходит здесь, можно сравнить с тем, когда пустишь ручеек на пашню. Растения благодаря влаге оживают, молодая травка начинает зеленеть, пустыри зацветают садами. Я человек от земли, неплохой хозяин, и знаю — сколько ни поливай непригодную землю, ее все равно не возродишь. Но вода воде рознь: если оросить пашню ледниковой, пользы от нее будет немного, нет в ней той силы, что питает землю, как положено. А вот родниковая вода — благословенна... И скудную травку она заставит подняться, закурчавиться...

— А какая земля здесь?

— Наши парни не давали тебе ее пощупать? Она как масло. Нам пока не пришлось ее возделывать, но здешние люди выращивают на ней все, что им надобно. И они благодарны своей кормилице. Одним словом, сейчас все зависит от ручейка... Мы и есть тот самый ручеек. Значит, теперь все зави-

сит от нас. От каждого из нас. От нашего мужества, совести, человечности. А уж в этом сван никогда не срамился. Думаю, не прогневаешься на нас бог и на сей раз... Но, что бы там ни было, дело это весьма ответственное.

Нашей беседой с Ражденем заинтересовались проходившие мимо женщины в черном. Трое из них, стоя неподалеку, стали прислушиваться к нашим словам. Ражден заметил это.

— Что вы стали в сторонке, подойдите поближе, — приветливо обратился он к ним. — Думаете, наверное, этот человек чужой нам. А он тоже из наших краев.

Женщины оживились. А одна из них, Диду Жоржолиани, сказала:

— Дядя Ражден правду говорит. Разве за такое доброе отношение не должны мы отплатить тем же? Не осталось ни одного человека, кто бы не выразил нам своего сочувствия. Взять хотя бы отношение к нам уважаемого Джумбера Патиашвили — ведь он трижды навещал нас в Сванетии, подбодрял нас. И сюда приезжал несколько раз. Общаясь с ним, мы чувствовали себя запросто, по-домашнему. Каждого из нас он сумел ободрить. Недавно, выступая по телевидению, тоже говорил о наших проблемах. И мы это ценим. Мы должны молиться богу, что он поддержал нас в трудную для нас пору, помог достойно все пережить. Бог милостив...

— Да святится имя его, — согласились с Диду другие женщины.

Сванские семьи, и в особенности у мулахцев, поселившихся здесь, многодетные. Сейчас здесь для них строятся прекрасные квартиры. Но завтра или послезавтра, то есть в ближайшем будущем, на повестку дня неизбежно встанет квартирная проблема. Я знаю семьи, состоящие из восьми и более душ. А к примеру, у Баджу Маргиани, Ладо Шервашидзе, Бухути Калдани и многих других по семь детей. Редко встретишь семью, где было бы меньше четырех ребятишек. Вот и Тенгиз Навериани тоже отец пятерых детей. А глядя на него, никогда и не подумаешь, что он женат. Да и другие родители, которых я назвал, совсем еще молодые...

По словам Тенгиза, сваны стремятся сохранить уровень рождаемости последних лет, считая это святейшей своей обязанностью. Чтобы чтить память умерших, говорит он, необходимо постоянно помнить об их заветах.

Эти наши рассуждения внимательно слушал второй секретарь Марнеульского райкома партии Иванэ Топуридзе...

— На данном этапе, когда республика очутилась в столь необычной ситуации, — включился он в обсуждение этой проблемы, — просто невозможно учесть все важные и второстепенные вопросы. Если погнаться сразу за всем, мы распылим свои силы. Не исключено, что со временем некоторая часть сванов вернется в родные края, чтобы сохранить очаги предков. По вашему мнению, многочисленность семей может способствовать этому, тем более, если будут улучшены жилищные условия...

Следует отметить и то, что в Тамариси, Сиони, Церакви и других новых поселениях достаточно свободных земель, поэтому население этих мест может не опасаться роста рождаемости. Что же касается советского законодательства, то в этом отношении ограничений не будет.

— А как сами переселенцы думают распорядиться квартирами, занимаемыми ими в настоящее время, в случае их освобождения? Мы, да и сваны тоже, считаем, что они должны быть отданы тем, кто в свое время, не раздумывая, уступил их пострадавшим. В этом выразится большая признательность и благодарность всех тех, кого приютили местные жители. Но ведь не исключено, что в Тамариси процесс вселения пострадавших от стихийных сил сванов может затянуться, а тем временем бывших владельцев этих квартир удовлетворят жилищем. К тому же вполне возможно, что многие из приезжих начнут работать на предприятиях и в учреждениях города Марнеули и, согласно законодательству, приобретут право на получение квартиры. Как тогда разрешится этот вопрос? Правда, существуют ведомственные барьеры, ограничивающие возможность использования отраслевых фондов и средств по необходимости, но в нынешних условиях демократизации, может, целесообразно воспользоваться счетом № 700 в целях соответствующей компенсации этих квартир? Короче, «брат с братом счета сводил, но братьями они все ж остались». Следуя этой пословице, наверное, можно договориться с Марнеульским горкомом и в счет этой суммы построить взамен для здешних трудящихся лучшие квартиры? Как говорится, было б желание...

— Этот вопрос имеет много аспектов, — со вздохом произнес Иванэ Топуридзе. — Каждый из них требует пристального внимания. И решать его надо на высоком уровне, так как ни один из них не входит в компетенцию районного комитета партии. Поэтому все пути ведут в Центральный Комитет Компартии Грузии, где под руководством товарища Б. В. Николь-

ского функционирует рабочая группа, курирующая вопросы, связанные со строительством.

— Но одно я могу заявить смело, — продолжал развивать поднятую тему второй секретарь, — отношение к устройству сванских поселенцев в целом серьезное и принципиальное. Все верят, что вселение в новые дома будет проходить на самом высоком уровне. Ибо дело это не только государственное, но и кровное для каждого из нас. В нем проявляются наша совесть и национальное самосознание.

Среди горцев бытует поверье, что молитвы (как и проклятия), возносимые к богу носящими траур, имеют магическую силу. На сей раз они молили всевышнего о покровительстве в добром деле, во всенародном деле, а не для осуществления личных замыслов. Горцы верят в добро. Они обращаются к святому Георгию, моля его: «Будь нашим покровителем, посредником и помощником во всех добрых делах, будь верным проводником и праведным поводырем, умножай носящих белые шапки мужей⁵ в нашем братстве и роду, в нашем ущелье и миру». Третий тост во время застолья, по обычаю, поднимался за святого Георгия. В каждой семье, за каждым накрытым столом воздавали хвалу ему, прося о милости не только к заботам собственным, но и общенародным. И исполнялись их просьбы — множились мужи в Львином ущелье (как называют они свой край), что было символом и олицетворением рождения человечности, мужества, трудолюбия и честности.

Об этом они молили и сейчас. Ражден тоже перекрестился. — Аминь, — добавил он к сказанному женщинами. А ведь и правда, носящих белые шапки, да и вообще просто сванские шапки, стало гораздо больше и в горах, и на равнинах Грузии. В Марнеули, Болниси, Сагареджо, Тетрицкаро, Гардабани и многих других местах то тут, то там вдруг промелькнет сванская шапка. Теплая шапка изящной формы из валяного войлока все чаще стала попадаться на глаза. Но для Раждена и этих женщин главным было то, кем являлся покрывавший ею голову, какова его душа, какие думы гнездились в его сознании, был ли он отважен в служении людям. Сванские шапки носили многие, и еще большее число людей будет их носить. Но, к сожалению, не каждый сумеет называться сыном Красного Мулахи — знаменитым подводником Ярославом

⁵ «Тетркудосани» — доблестный, отважный, мужчина дословно «носящий белую шапку».

Иоселиани, не каждый прославится, как покоритель грозных вершин Михаил Хергиани — Тигр скал, не каждому дано быть Борисом Кахиани...

И потому эти люди мечтали об умножении истинных сынов отечества — носящих белые шапки.

По возвращении в Тбилиси я отправился в Центральный Комитет Компартии Грузии, где был принят товарищем М. Циклаури, которому непосредственно вверено было руководство всеми строительными делами, связанными с переселением сванов. Мне хотелось поделиться своими соображениями и получить компетентные разъяснения по волнующим меня вопросам.

— Батоно Михаил, что вы скажете о характере взаимосвязи общего и конкретного? Ведь главное все же результат — достигнутое и сделанное...

— Как уже не раз отмечалось, в республике в адрес этого строительства сложилось реалистическое, здоровое отношение. Центральный Комитет, его руководство с самого же начала старались создать такую психологическую атмосферу, чтоб всем стала ясна вся важность и, если можно так выразиться, «привилегированность» этой стройки, что дало свои положительные результаты — проблемой номер один у нас признано обеспечение пострадавших квартирами, и это в основном забота строительных отраслей хозяйства.

Я не припомню ни одного рядового инженера или главу производства, кто б не принял близко к сердцу строительство квартир для жертв грозной стихии. Все готовы в меру своих возможностей внести лепту в выполнение этой поистине грандиозной общенародной задачи, поставленной руководством республики.

Парадоксально, но стороннему глазу, думается, трудно воспринять этот накал активизации всех сил, вызванный, очевидно, сложностью и многогранностью решаемой проблемы. Ведь в самом-то деле, даже если очень постараться, как принято говорить, не всякого коня усмиришь...

— А что вы думаете об участии переселенцев в строительстве? Ходят слухи, будто они отлынивают от работы. Верно ли это?

— Таких пересудов, увы, не избежать. Главное, чтоб слухи оставались слухами и не стали б реальностью. Мое мнение, эти разговоры не соответствуют действительности. Но если даже на данном этапе дело обстоит именно так, то, полагаю, мы должны учесть психологический настрой этих людей, их душев-

19135940
1010330

ные переживания, понять чувства тех, кто селится на новом месте, да еще не по собственной воле, а будучи вынужденными покинуть родные места. Одно дело — переходить с места на место по своему желанию, и совсем другое — навечно покидать свои исконные края, не будучи внутренне готовым к этому, в силу непредвиденных обстоятельств. И потому необходимо великодушие, чтобы до конца понять их нынешнее душевное и психологическое состояние, а также, разумеется, трудности материального и социального положения. Надо дать время прийти в себя этим людям, подвергшимся испытаниям на всех фронтах, еще не разобравшимся полностью в происходящем, предоставить им возможность собраться с силами, психологически перестроиться в соответствии с новыми условиями.

Надо уметь многое прощать этим людям. Я глубоко убежден — все станет на круги своя!

Да, все станет на круги своя в самом широком понимании этих слов.

Как сказал великий Илья Чавчавадзе, где человек пройдет или остановится, он должен сеять семена добра, а если где обоснуется, то, окрест себя окинув местность взглядом щедрого и решительного хозяина-господина, должен чувствовать себя свободно и вольно, но быть учтивым, великодушным, гостеприимным, не сгибая при этом угодливо спину. Не теряя своего лица, человек...

Жизнь — борьба, долгий марафон, и надо стремиться донести зажженный факел до финиша, даже если ветер, или дождь, или буря, настигшие в пути, будут стараться погасить его.

ОНИ ПРИБЛИЖАЛИ ПОБЕДУ ОКТЯБРЯ

Игорь ЛЕЙБЕРОВ

Имя Леонида Петровича Серебрякова практически неизвестно читателю Грузии и России. Этот человек долгие годы был близок Ленину, выполнял его задания — нередко в Закавказье и Грузии.

Три месяца из жизни и деятельности (1913 год) Л. П. Серебрякова положены в основу предлагаемого очерка, написанного известным ленинградским ученым-историком, профессором И. П. Лейберовым в результате его исследовательского поиска. Новый материал позволил в широком интернациональном ракурсе показать события в Петербурге, Праге, Баку, Тифлисе, Сухуме.

ЛЕНИНСКИЙ ПОСЛАНЕЦ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Письмо было предельно кратким и зашифрованным. Оно направлялось из Баку в Петербург на адрес одной из явочных квартир Русского бюро Центрального Комитета и Петербургского комитета РСДРП: «Петербург. Центр. Галерная улица, дом 5, кв. 17. Господину Подвойскому Николаю Ильичу». В связи с нарастанием революционных событий в Закавказье и в Грузии и подготовкой всеобщей стачки нефтяников в Баку сюда вызывался опытный партийный работник, который имел бы полномочия от ЦК РСДРП и В. И. Ленина.

Инициатива его вызова исходила от видного грузинского большевика-ленинца Филиппа Махарадзе и его соратника Александра Долидзе, возглавлявших издававшийся в Баку на грузинском языке журнал «Чвени Цкаро» («Наш родник»).

Адрес большевика-ленинца Н. И. Подвойского для переписки с большевистским центром в Петербурге был выбран не случайно. Николай Ильич хорошо знал революционную обста-

новку в Баку, Тифлисе, в Закавказье. Полгода, с января по июль 1911 года, он проживал и работал в Балахнинском районе Баку, раза два по делам подполья выезжал в Тифлис. Там работал рука об руку с руководившими подготовкой по созыву VI-ой Всероссийской конференции РСДРП в Праге большевиками Закавказья Авелем Енукидзе, Степаном Шаумяном, Серго Орджоникидзе, Суреном Спандаряном, Мешади Азизбековым, Филиппом Махарадзе и другими.

Возвратившись через полгода в Петербург, Подвойский в числе организаторов ленинской «Правды» вошел в ее редколлегию, организовывал ее транспортировку в Закавказье, пользуясь высоким доверием В. И. Ленина и Н. К. Крупской. Только с января по июнь 1913 года на два его адреса: «Петербург. Галерная, 5, кв. 17» и «Финляндия. Куоккала, дача Пято» — пришло несколько десятков писем и статей Ленина, писем Крупской для редакции «Правды», думской фракции большевиков.

В письме от 13 июня 1913 года Крупская сообщала ему: «Перед апрелем мы были хорошо связаны с Баку: та публика, связанная с нами, попроваливалась (т. е. была арестована — И. Л.), и что там теперь, ничего не знаю». (См.: Гарибджанян Г. Б. В. И. Ленин и большевики Закавказья. М., 1971, с. 122).

В июне 1913 года в Петербурге появился бежавший с Нарымской ссылки Леонид Петрович Серебряков. Это был многоопытный большевик-конspirатор, обладавший большим личным мужеством и стойкостью. Большевистский центр в Петербурге решил направить его в качестве доверенного лица (или разъездного агента) Центрального Комитета партии в Баку, кстати, он сам раза два бывал там и неплохо знал тамошнюю обстановку. К моменту отъезда из столицы в Баку Л. П. Серебряков почти десять лет, начиная с 1904 года, работал в рядах ленинской партии. Вырос он (родился в 1890 г.) в семье рабочего-металлиста в Самаре, где росло шесть сыновей. Семья жила впроголодь. В поисках заработка отец переезжал из города в город. Уже в десятилетнем возрасте Леня вынужден был работать подручным на пивоваренном заводе «П. Веденева и К°» в Уфе, получая в неделю всего 1 руб. 20 коп. Вскоре семья переезжает в Луганск. Отец и два старших брата работают на паровозостроительном заводе Гартмана. Мальчик получает возможность учиться в двухклассном городском начальном училище. Учеба продолжалась всего два года. В 1904 году отец Лени переехал на заработки в Баку, а мать и все братья остались в Луганске.

Пройдет более двадцати лет, и Леонид Петрович будет вспоминать о тех годах в своей автобиографии: «И тут же 14-летнему мальчику приходится думать о самостоятельном заработке. Юный возраст не позволяет быть рабочим на металлургическом заводе, и ему в документах ставится 1887 год рождения, благодаря чему он имеет возможность стать у токарного станка». Тут же Леонид начинает знакомиться с нелегальной литературой, которую братья его тщательно прятали на чердаках и в сараях. Заметив, что мальчик интересуется рабочим движением, братья и товарищи по заводу стали поручать ему распространение литературы. Леонид вступает в партию. А через год уже, в 1905 году, становится членом Луганского комитета РСДРП. Работа в партии, участие в революции 1905 года не могли пройти даром. Его арестовывают, но с наступлением «свободы» (Манифест 17 октября 1905 г. — И. Л.) освобождают. В 1906—1907 годах он подвергается частым обыскам и арестам, а также увольнениям с завода. В 1908 — после очередного ареста — двухлетняя ссылка в Вологодскую губернию, где он становится революционером-профессионалом, усиленно занимается самообразованием, читает К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, изучает немецкий язык.

Выйдя в конце 1910 года на волю, Серебряков получает задание большевистского центра объехать целый ряд городов юга России в связи с готовящейся VI-й Всероссийской конференцией РСДРП(б) в Праге. В течение полугода Леонид Петрович побывал в Баку, Одессе, Ростове-на-Дону, Луганске, Тифлисе, месяца два проработал токарем на судостроительном заводе «Наваль» в Николаеве. Всю эту ответственную работу он проводил под руководством опытных большевиков-ленинцев Серго Орджоникидзе, Сурена Спандаряна, Исаака Шварца, с которыми в этих поездках сблизился и сдружился.

...Зимняя Прага начала января 1912 года. Сюда нелегально съехались представители более чем 20 большевистских организаций России. Леонид Серебряков был делегирован на конференцию от пролетариев Николаева. В Прагу он приехал через Киев по подложным документам.

В холле Народного дома Чешской социал-демократии, где открывалась конференция, его встретил Серго Орджоникидзе. Тут же подошел и Сурен Спандарян, Серго был делегирован на конференцию от Тифлиса, Сурен — от Баку. Тогда же Орджоникидзе познакомил Леонида Петровича с Лениным.

Потом была двенадцатидневная упорная, ответственная работа. На последнем заседании конференции Владимир Ильич

выступил с заключительной речью. В ней было много радости и оптимизма, она вся была проникнута могучей верой в силы партии, в силы рабочего класса. Для практического руководства партийной работой в России было создано Русское бюро ЦК в составе: Орджоникидзе, Спандаряна, Голощекина, Сталина и Стасовой. Четверо из них в то время жили и работали в Закавказье, прежде всего в Грузии.

Уже в марте 1912 года Ленин писал: «Теперь 12 делегатов (т. е. Пражской конференции — И. Л.) в России, везде делают доклады. Из Питера, Москвы, Киева, Самары, Николаева и Тифлиса есть уже письма об этом. Работа пошла и пойдет». (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 50).

Однако ни Орджоникидзе, ни Спандарян, ни Серебряков не знали, что через два-три месяца их маршруты по России, адреса явок, их партийные клички выдаст жандармерии провокатор.

Орджоникидзе на долгие годы был заключен в Шлиссельбургскую крепость (где в мае 1887 года был повешен Александр Ульянов — старший брат Ленина), а затем навечно сослан в Якутскую ссылку. Спандарян выслан в Туруханскую ссылку, умер в сентябре 1916 года, не дожив полгода до свержения самодержавия. Серебряков получил три года Нарымской ссылки.

Ранней весной 1913 года этот двадцатитрехлетний мужественный большевик совершает рискованный побег с Нарыма и прибывает в Петербург, где в редакции газеты «Правда» встретился и беседовал с членами редколлегии Н. И. Подвойским и А. С. Енукидзе, с депутатами-большевиками А. Е. Бадаевым и Г. И. Петровским. Тогда, в середине июня того же года, было решено, что Л. П. Серебряков направится в Закавказье как уполномоченный ЦК РСДРП. Почти две недели поочередно то Подвойский, то Енукидзе инструктировали Серебрякова, который в последних числах июня исчез из Петербурга.

Пять суток езды скорым поездом разделяли северный Петербург от южного и пыльного Баку. В двойном дне своего модного баула Серебряков вез инструктивные письма для Бакинского и Тифлисского комитетов РСДРП, в боковом кармане его легкого пиджака лежал подложный паспорт на имя «мещанина Нельгунова Александра Павловича», механика-наладчика нефтяного оборудования акционерного общества «Людвига Нобеля» в Петербурге. Но Леонид Петрович внутренне был натянут как струна, хотя внешне держался спокойно и уверенно. Он

знал о крупных провалах большевиков в Баку и Тифлисе. Представлял всю сложность и ответственность того задания, которое возложил на него большевистский центр в Петербурге. ...Леонид Петрович с облегчением покинул свой душный вагон и ступил на жаркую бакинскую землю. Справа от вокзального здания, в укромном тупичке стоял нанятый пароконный фаэтон, в котором важно восседал изысканно и модно одетый статный молодой человек. Это был один из руководителей Бакинской организации большевиков, двадцатилетний юрист Торгового дома миллионера-нефтепромышленника А. И. Манташева — Арташес Баласиевич Каринян (Габриелян). Блестящий выпускник Петербургского университета, прекрасно образованный юрист и экономист по нефтяным проблемам (а такие специалисты были на вес золота в старой России), знающий несколько иностранных языков, талантливый журналист — все это должно было обеспечить Кариняну материальное благополучие и быстрое продвижение в чиновно-бюрократическую элиту Баку и Закавказья. Однако Арташес Каринян пошел тернистым и опасным путем большевика-ленинца (в ряды партии он вступил в сентябре 1907 года, будучи студентом Петербургского университета), революционера-профессионала, пролетарского публициста и журналиста. Он и приехал на вокзал встретить уполномоченного Центрального Комитета партии из Петербурга. Его для этого и прислал Филипп Махарадзе. Серебряков знал уже Кариняна, с которым познакомился в один из наездов в Баку в 1911 году, когда готовилась Пражская конференция. Он подошел к фаэтону, тихо сказал пассажиру:

— Да, жаркая сегодня погода в Баку, — это был их условный пароль.

— А какая погода в столице? — спросил Арташес Баласиевич.

По пути они полунамеками обменивались мнениями о положении дел в Бакинской и Тифлисской парторганизациях...

Всеобщую стачку в Баку начали готовить с весны 1913 года. Подготовку возглавила городская организация большевиков, которую Н. К. Крупская в одном из своих писем того периода назвала «резко большевистской». Важное значение для правильной деятельности бакинских и тифлисских большевиков имела тесная связь с В. И. Лениным и ЦК РСДРП. Еще в апреле того же года Крупская от имени Ильича писала большевику-кавказцу В. М. Каспарову, жившему в эмиграции в Берлине: «Нам нужно сейчас как можно больше знать о Кавка-

зе». Из 22-х кавказских адресатов, отмеченных Н. К. Крупской в «Адресной книге ЦК РСДРП» за 1912—1914 годы, семь адресов приходилось на Баку. Эта связь с Владимиром Ильичем поддерживалась через В. М. Каспарова, проживавших и работавших в Петербурге А. С. Енукидзе и Н. И. Подвойского, находившегося в ссылке в Астрахани С. Г. Шаумяна и работавшего тогда в Тифлисе секретаря Русского бюро ЦК Е. Д. Стасову.

В апреле 1913 года в Департаменте полиции имелись сведения о «сношениях ленинского Центрального Комитета РСДРП из-за границы с Бакинской социал-демократической организацией по адресу — «город Баку. Письма и явки к господину Якову Лещинскому. Латышское общество. Каменистая, 223» (ЦГАОР СССР, ф. ДП. 00, 1913 г., д. 5, ч. 6, л. 27). Вот по этому-то адресу направились Леонид Серебряков и Арташес Каринян. Два дня Серебряков-«Нельгунов» отсиживался на явке, о существовании которой полиция еще не знала и где его посетили руководители Бакинской парторганизации Баграт Борьян, Александр Долидзе, Арташес Каринян. Леонид Петрович передал им инструкции центра, несколько последних номеров газеты «Правда». Обсуждали вопрос подготовки и развития всеобщей стачки нефтяников.

С первых же дней пребывания «Нельгунова» в Баку его опекал Каринян. Сопровождал его на нелегальные заседания Бакинского комитета РСДРП и городского стачечного комитета по запутанным переулкам рабочих пригородов. Переводил с одной явочной квартиры на другую, затем вообще поселил в дачной местности близ Баку. Не один раз Арташес Каринян, стараясь отвести слежку от «Нельгунова», уводил полицейских шпииков за собой. Эта конспиративная тактика в конечном счете себя оправдала (ЦГАОР СССР, ф. ДП.00, 1913, д. 5, ч. 6, п. л. 37, 40).

Только через полмесяца «А. П. Нельгунов» вошел в поле зрения местной жандармерии. Заметим, что никто из бакинских большевиков не знал его подлинной фамилии. Было известно то, что он представитель «центра». Таков был железный закон партийной конспирации. Да и Каринян знал Серебрякова по его прежней кличке «Федор». Поэтому в донесениях местных провокаторов и полиции он проходил под фамилией «А. П. Нельгунов». В середине июля начальник Бакинского жандармского управления И. И. Минкевич в секретном докладе за № 2969 сообщал Директору Департамента полиции: «Цель приезда Нельгунова—восстановить местную организацию

РСДРП, для какой надобности он предполагает создать новые ячейки, скрепить их между собой, понудить членов местной организации к более интенсивной деятельности и снабжать их литературой, которая будет получаться из Петербурга» (ЦГАОР СССР, ф. ДП. 00, 1913, д. 5, ч. 6, л. 37).

Дней через десять тот же начальник жандармского управления доносил в Петербург о том, что «Александр Нельгунов» скрылся в подполье и «до настоящего времени не обнаружен». И далее: «Нельгунов скрывается в одной из дачных местностей близ города Баку из опасения быть арестованным. Розыск его продолжается и по обнаружении таковой будет задержан» (Там же, л. 40).

Однако этого бакинской жандармерии не удалось выполнить ни в июле, ни в августе, ни в сентябре 1913 года.

7 июля в одном из малозаметных домишек рабочего пригорода Балаханы состоялось заседание Бакинского комитета РСДРП. На нем среди других присутствовали Л. П. Серебряков, Б. А. Борьян, А. Г. Долидзе, А. Б. Каринян. При обсуждении вопроса о всеобщей стачке стало ясно, что рабочие рвутся к решительным действиям. Выступивший «Нельгунов» «привел в пример успешную борьбу питерских рабочих», предложил все нефтяные промыслы разделить на стачечные районы и к каждому из них прикрепить члена Бакинского комитета для руководства стачкой. Так руководителям бакинских большевиков и нефтяников передавался лучший опыт революционной борьбы петербургских партийцев и пролетариев (ЦГАОР СССР, ф. ДП.00, II, 1913, д. 5, ч. 6, л. 37 и об.; История КПСС, т. 2, М., 1966, с. 411).

По инициативе Бакинского комитета РСДРП и уполномоченного ЦК Серебрякова был создан общегородской стачечный комитет. В него вошли авторитетные руководители бакинского пролетариата большевики Б. А. Борьян, П. А. Грачев, А. Г. Долидзе, Г. З. Иоаннисян, И. Я. Кожевников, А. Б. Каринян, Я. Д. Ханишвили, С. Я. Якубов и другие (ЦГАОР СССР, ф. ДП. 00, 1913, д. 5, ч. 6, п. л. 40, 42; История КПСС, т. 2, с. 411). Разнонациональный состав стачечного комитета отражал многонациональный характер рабочего класса Баку и обусловленную этим интернациональную линию большевиков в массовом движении.

21 июля члены Бакинского комитета собрались вместе с представителями промыслово-заводских комиссий в Балаханах. Решено было выпустить воззвание к рабочим-нефтяникам и с 25 июля начать всеобщую забастовку. Листовку писали Б. Бо-

рьян, А. Долидзе, А. Каринян; редактировал ее Л. Серебряков. (Свидетельство члена КПСС с 1907 года А. Б. Кариняна; запись автора очерка в апреле 1977 года, г. Ереван). 344935940
30324100933

Вот этот пламенный революционный призыв: «Товарищи рабочие! Настало время борьбы. Весь бакинский пролетариат проснулся, все рабочие рвутся в бой с капиталом. Снова возгорелась заря нашего рабочего движения... К всеобщей забастовке мы призываем вас. Стачечное бюро объявляет днем всеобщей забастовки — четверг 25 июля. В наших руках наша победа! И да подкрепит нас в нашей победе пример героической борьбы петербургских рабочих и рабочих всего мира».

25 июля 1913 года началась всеобщая стачка нефтяников Баку. Рабочие потребовали признания профсоюзов, промышленно-заводских комиссий, легализации празднования 1 Мая, введения 8-часового рабочего дня, увеличения зарплаты, введения преподавания в школах на родном языке и т. п. Однако стачка медленно разворачивалась в силу штрейкбрехерской позиции меньшевиков, эсеров и местных националистов, некоторой стихийности и неорганизованности действий части рабочих. Через несколько дней всеобщая стачка охватила 220 промыслов и предприятий с числом забастовщиков 35 тыс. человек. (См. «Рабочая газета», 1913, 31 июля). В целом это была большая удача бакинских большевиков.

Еще в канун стачки в городе прошли массовые аресты. Среди арестованных оказались члены Бакинского комитета РСДРП и стачечного комитета Б. А. Борьян, А. Г. Долидзе, А. Б. Каринян, И. Я. Кожевников, Г. З. Иоаннисян и другие (ЦГАОР СССР, ф. ДП. 00, 1913, д. 5, ч. 6, л. 40 об.), что ослабило силы городской парторганизации, но всеобщая стачка тем не менее продолжалась.

Одновременно Бакинская жандармерия усиленно разыскивала уполномоченного ЦК партии Серебрякова-«Нельгунова». Аресты и допросы большевиков и стачечников ничего реального не дали. Тогда 3 августа начальник жандармерии «в целях сохранения агентуры» и дальнейшего розыска «Нельгунова» приказал освободить из тюрьмы семь большевиков — членов Бакинского комитета партии и стачечного комитета. При этом делался расчет на то, что представитель большевистского центра вновь будет искать связи с выпущенными партийцами и в результате круговой слежки можно будет его обнаружить и арестовать. В тюрьме же остались Каринян, Долидзе, Кожевников, которые, по мнению жандармерии, имели «наи-

большее влияние на рабочих» (ЦГАОР СССР, ф. ДП. 00, 1913, д. 5, ч. 6, л. 50).

Леонид Петрович Серебряков выполнил ответственное партийное задание в Баку: не только восстановил городскую большевистскую организацию, ее связи с Петербургским центром, но и принял участие в проведении всеобщей забастовки нефтяников. Бакинские жандармы и шпики с ног сбивались в розысках питерского большевистского связного.

А Леонид Петрович был уже в Тифлисе, где положение сложилось крайне тяжелым. Еще весной — в начале лета 1912 года были переарестованы члены Русского бюро ЦК С. Орджоникидзе, С. Спандарян, Е. Стасова, И. Сталин, в августе подверглась очередному разгрому Тифлисская организация большевиков. Грузинские большевики лишились возможности выдвинуть своего кандидата в депутаты IV Государственной думы. В. И. Ленин был обеспокоен подобным положением дел в Грузии и Закавказье. 28 марта 1912 года он писал в Тифлис: «Г. К. Орджоникидзе и другим членам Русского бюро ЦК: Дорогие друзья! Меня страшно огорчает и волнует полная дезорганизация наших (и ваших) сношений и связей. Поистине, есть от чего в отчаяние придти! Ни из Тифлиса, ни из Баку (центры страшно важные) ни звука толком. Были ли доклады? Где резолюции?» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 53—54).

Вместе с тем Тифлисская организация большевиков постепенно, но верно собирала силы, активизировала свою деятельность. Еще в апреле того же года Е. Д. Стасова сообщила в Центральный комитет партии, что во главе тифлиских большевиков встала «Руководящая организация». Она писала: «Мы из группы переименовались в (Руководящую — И. Л.) организацию и сделали это недели три тому назад, руководствуясь тем, что во 1-х мы существуем уже целый год, во 2-х организация наша быстро ширится».

Самое широкое распространение в Тифлисе, Кутаисе, Батуме, Сухуме и других городах Грузии имел ленинский орган партии — газета «Правда».

По приезде в Тифлис Серебряков-«Нельгунов» связался с одним из видных руководителей тифлиских большевиков Саркисом Ивановичем Касьяном (Тер-Каспарьян), остававшимся на свободе в глубоком подполье. Свои явки и ночлежки менял примерно каждые два-три дня. Верный большевик-ленинец, опытный подпольщик, член партии с 1905 года, С. Касьян проводил партийную работу в Тифлисе, Баку, Кутаисе, Эри-

вани, талантливый публицист и организатор рабочей печати, он вел систематическую переписку с В. И. Лениным.

Леонид Петрович и Саркис Иванович встретились в одном из рабочих районов Тифлиса, на Авлабаре, в одном из мало-заметных домишек. Касьян поставил Серебрякова в известность о положении дел в рабочем движении и парторганизации Тифлиса, об оживлении в работе местных грузинских и армянских большевиков, об очередных провалах в организации, о борьбе с меньшевиками-ликвидаторами. Остановился на трудностях этой борьбы, поскольку лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания свою оппортунистическую линию прикрывал антиликвидаторскими лозунгами, на что самое пристальное внимание грузинских большевиков обращал В. И. Ленин (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 193). Серебряков подробно рассказал о широком размахе партработы и всеобщей стачке нефтяников в Баку, об арестах среди бакинских большевиков, передал инструкции ЦК РСДРП и редакции газеты «Правда» тифлисским большевикам.

Внимание обоих было привлечено активизацией деятельности думских депутатов-меньшевиков Н. Чхеидзе, А. Чхенкели, М. Скобелева, делавших в это время объезд городов Закавказья (Тифлис, Кутаис, Баку, Сухум, Батум). Меньшевицкие лидеры открыто выступали против политических стачек и демонстраций, призывали местных рабочих к «умеренно-спокойным» экономическим забастовкам. Они вносили в ряды местного пролетариата дезорганизацию и смятение, иными словами фактически срывали стачечную борьбу. Даже царская охранка с удовлетворением отмечала, что в действиях меньшевицких вожakov в Закавказье «ничего антиправительственного она не находит» (См.: ЦГИА Гр. ССР, ф. 63, оп. 1, д. 5595). Оба меньшевицких руководителя договорились, что необходимо давать более резкий и принципиальный отпор предательству меньшевиков и их руководителей. (Свидетельство члена КПСС с 1907 г. А. Б. Кариняна; запись автора очерка в апреле 1977 г. в Ереване).

Почти неделю «Нельгунов» пробыл в Тифлисе. Беспре-рывно менял явки и ночлег, умело уходил от полицейской слежки. Проверил работу местной подпольной типографии и верность адресов двух-трех запасных явок. Выступил с обзор-ным докладом перед партийным активом тифлисских больше-виков. Затем выехал дня на два в Баку, вернулся назад в Тиф-лис и вновь скрылся в подполье. В первых числах сентября 1913 года Леонид Петрович срочно выехал в Сухум.

А руководящие чиновники из Департамента полиции и штаба Корпуса жандармерии буквально бесновались от неспособности выловить в городах Закавказья неуловимого «мещанина А. П. Нельгунова». Из столицы летели разношерстные телеграммы в Баку, Тифлис, Сухум, Кутаис с приказами «немедленно выследить и заарестовать» уполномоченного ЦК РСДРП. Приведем несколько из них:

9 августа 1913 года из Петербурга в Баку и Тифлис:

«Упомянутый А. Нельгунов предназначен к делегированию на имеющую якобы быть осенью сего года за границей конференцию РСДРП. Для того, чтобы сохранить его от возможного в Петербурге ареста, командирован (большевистским центром — И. Л.) на Кавказ. В Петербурге Нельгунов имеет обширные революционные связи» (ЦГАОР СССР, ф. ДП. 00. 1913, д. 5, ч. 6, л. 54).

13 августа 1913 г., из Петербурга в Баку:

«А. Нельгунов успел скрыться, а произведенная Вами в ночь на 23 июля ликвидация членов Бакинской организации (большевиков) не дала никаких существенных результатов ни в смысле обнаружения при обыске у задержанных партийного материала, ни в смысле арестов главарей помянутой революционной организации и пресечения тем самым дальнейшей преступной работы. Доказательством последнего положения явился выпуск и распространение уже 25-го июля печатного воззвания к бастующим рабочим, ясно указывающие, что Бакинская социал-демократическая организация и Бакинский забастовочный комитет продолжают свое существование» (Там же, л. 51 и об.).

В тот же день из Петербурга в Баку, Тифлис, Сухум:

«Командующий отдельным Корпусом жандармов усматривает в данном случае (т. е. уход из-под слежки «А. П. Нельгунова» — И. Л.) повторение прежних ошибок в деле розыска, заключающихся в том, что взамен беззамедлительного ареста выдающихся своей революционной деятельностью лиц и предупреждения тем самым проявления последствий преступной работы этих лиц, последние не подвергаются аресту в целях выяснения их сообщников, и к моменту ликвидации главари уже успевают скрыться, а плоды их работы создают последствия иногда весьма значительные и трудно поправимые» (Там же, л. 51, об. 52).

Итак, полиции и жандармерии не удалось выследить и арестовать Серебрякова-«Нельгунова» ни в Баку, ни в Тифлисе и ни в Сухуме, куда он плыл из Батума на стареньком пароходе (железная дорога до Сухума тогда еще не доходила) почти сутки. Еще в Тифлисе Серебряков получил явку по адресу «г. Сухум, типография Гелгадзе и Каландарашвили Вала».

Там через некоторое время он встретился с руководителями Сухумской организации большевиков Владимиром Добровольским и Северьяном Кухалейшвили, обрисовавшими положение дел в Абхазии, в ее партийной организации, в массовом движении.

В то время большевистские группы (ячейки) существовали в Сухуме, Гудаутах, Гульрипше и Цебельде. Только в один Сухум из Петербурга приходило до 70 экземпляров большевистской газеты «Правда», которую получала и в глухом абхазском селе Цебельда семья революционеров-профессионалов, большевиков Т. Р. Мясоедова («В. И. Ерофеев», бывший слесарь завода «Эриксон», член партии с 1901 г.) и его жены Л. Н. Вороновой (член партии с 1903 г.). В Абхазской организации РСДРП вместе работали 30—40 большевиков и меньшевиков-партийцев. В Сухуме действовала подпольная типография-гектограф. Склады подпольной литературы размещались в местечке Гульрипш, в лавке для больных во 2-м корпусе санатория «Гульрипш» и в имении «Ясочка» А. К. и Л. Н. Вороновых, в селе Цебельда. Для партийной работы и агитации сухумские большевики успешно использовали как легальное учреждение «Общество народных университетов». В нем преподавателями работали большевики Л. Н. Воронова, В. З. Добровольский, С. И. Кухалейшвили, К. Н. Макаров, близкий к большевикам Б. Н. Захаров, руководитель Сухумской коммуны в 1905 году, родной племянник легендарного революционера Германа Лопатина.

Три недели прожил ленинский посланец в Сухуме, где поступил на работу слесарем-механиком по своему действительному паспорту на имя Леонида Петровича Серебрякова в местный автомобильный гараж Н. Д. Нодия. Все было рассчитано четко: бакинская и тифлисская полиция охотились за «А. П. Нельгуновым», а в Сухуме проживал и работал уполномоченный ЦК Л. П. Серебряков.

Он установил связи с руководителями Сухумской большевистской организации В. З. Добровольским, С. И. Кухалейшвили, Н. А. Лакоба, Л. Н. Вороновой. Съездил как-то на короткий отдых в Цебельду, в вороновскую «Ясочку», где несколько часов провел вместе с питерским большевиком-ленинцем Т. Р. Мясоедовым, скрывавшимся там под именем Василия Ивановича Ерофеева с конца 1907 года. Леонид Петрович выступил перед сухумскими большевиками с докладом по итогам и материалам VI-ой Пражской конференции РСДРП, передал инструкции от Центрального и Петербургского комитетов

РСДРП, от бакинской и тифлисской большевистской организаций. Всюду ленинский посланец координировал действия закавказских партийных организаций с центром, устанавливал связи.

Именно тогда, в сентябре 1913 года, Серебряков переслал шифрованным письмом В. И. Ленину и Н. К. Крупской три сухумских адреса явок и для переписки в Краков. Эти адреса — «г. Сухум, типография Гелгадзе и Каландарашвили Вала»; «Сухум, городская аптека Ахабадзе»; «Сухум, гараж Н. Д. Нодия, г-ну Шварцу». Эти адреса Крупская и вставила в «Адресную книгу ЦК РСДРП. 1912—1914 гг.»

Леонид Петрович был прекрасным, добрым и гуманным человеком, бойцом революции ленинского типа. Эти качества полностью проявились и в эти три летних месяца 1913 года во время его пребывания в Баку, Тифлисе и Сухуме. В семье Л. П. Серебрякова сохранились неопубликованные воспоминания его жены, члена КПСС с 1919 года, известной советской писательницы Галины Иосифовны Серебряковой — автора книг о К. Марксе и Ф. Энгельсе, в том числе трилогии «Прометей» (1933—1962 гг.). Приведем отрывок из этих воспоминаний: «Среди ближайших друзей Л. Серебрякова было очень много грузин, абхазцев, армян и азербайджанцев... Удивительное, неповторимое обаяние Леонида Петровича, как мне известно, до самого трагического его конца притягивало к нему различных людей. Они одаривали его настоящей дружбой и верностью. Все в Серебрякове было самобытно, глубоко прочувствованно и продуманно, внутренняя цельность, отвага, самоотверженность... Леонид Петрович обладал загадочным магическим даром привлекать к себе друзей, внушать доверие и преданность. Достигал этого он без труда, ничего не предпринимая, как если бы нес в себе магнитное поле. Жизненным правилом Леонида была полная снисходительность, ненавязчивость, терпимость. Более всего он уважал, искал в человеке индивидуальность». (См.: рукопись Серебряковой Г. И. «Моей дочери Зоре об ее отце». Передано автору очерка З. Л. Серебряковой в декабре 1986 года в Москве, за что автор ей сердечно благодарен).

Самую добрую память оставил в Закавказье уполномоченный ЦК Л. П. Серебряков своей трехмесячной работой в подполье. 15 декабря 1913 года центральная большевистская газета «Социал-демократ» писала: «На Кавказе во всех городах имеются наши (большевистские) группы, и довольно сильные. Всю работу ведут они. В некоторых городах они объединены

с меньшевиками в некоторых, как Баку, Тифлис, работают самостоятельно. В Сухуме имеют преобладание наши. Работают объединенно». (См.: «Социал-демократ», 1913, 15 декабря, № 32).

Пароход из Сухума держал курс в Крым, оттуда в Николаев и, дальше, в Одессу. Оттуда пути-дороги Леонида Серебрякова лежали в Австро-Венгрию, в Краков к В. И. Ленину.

Еще в Сухуме Леонид Петрович приделался: новый костюм с шикарным галстуком, короткий макинтош. Отрастил себе усы и бородку, соответствующую купцу 1-ой гильдии шевелюру. Имел при себе паспорт на имя сибирского «купца Прокопия Ляпунова», сделанный для него сухумскими большевиками. В Сухуме на этот же пароход шел жандармский ротмистр, который имел всеобъемлющие полномочия на поимку и арест «преступника Александра Нельгунова». В ходе пароходной «одиссеи» сей жандармский служитель нашел в лице «купца Ляпунова» верного собутыльника. Леонид Серебряков так прекрасно разыграл свою роль купца-богатея, что у ротмистра и подозрения не возникло, что на самом деле это — разыскиваемый им профессиональный революционер-ленинец. А ведь ротмистр имел при себе фотографию Серебрякова, его подробное полицейское описание.

Беда нагрянула неожиданно. В Николаеве на пароход случайно подсел многоопытный шпик, который уже несколько лет охотился за Серебряковым, знал его в лицо, его повадки и даже походку. Шпик, хотя и с трудом, но опознал в «купце Ляпунове» большевика Серебрякова. В Одессу в жандармерию пошла соответствующая телеграмма. В Одесском порту у сходней парохода Леонид Петрович был арестован нарядом полиции и отвезен в местную тюрьму.

За Серебряковым по сходям слегка навеселе спускался жандармский ротмистр. У него на глазах «купец» неожиданно был арестован, и ротмистр услышал фамилию — «Нельгунов». Леонид Петрович и тут не утратил чувства юмора. Уже усаживаясь в черную тюремную карету, он успел крикнуть остолбеневшему ротмистру:

— А'ревуар, мой дорогой ротмистр! Несите службу так же верно и лихо, как все эти дни. Вас я и моя революционная партия никогда не забудем...

Затем последовала северная Нарымская ссылка. В апреле 1914 года Леонид Петрович бежал из ссылки в Москву, где участвовал в организации Первомайской стачки и демонст-

рации. Вскоре он был вновь арестован и сослан в ненавистный Нарымский край, и вновь предпринял попытку побега. В 1916 году срок ссылки кончился, Серебряков уехал в Петроград, работал в подполье. Неожиданно его мобилизовали и направили в Кострому в 88-ой пехотный полк. В дни Февральской революции 1917 года Серебряков вместе с большевиком С. С. Дамиловым организовал Костромской Совет рабочих и солдатских депутатов. Октябрьскую революцию Леонид Петрович встретил в Москве, где был секретарем Московского Областного комитета партии, членом президиума Московского Совета, членом Президиума ВЦИКа Советов. В 1919—1920 годах являлся секретарем ЦК РКП(б), членом Политбюро ЦК, избирался делегатом на VIII-ой и IX-ый съезды партии. Сохранился редкий фотоснимок, на котором Серебряков сидит в президиуме IX-партсъезда рядом с В. И. Лениным. Леонид Петрович улыбается, он в красноармейской форме, с короткой стрижкой. Именно тогда Ильич назвал его «гениальным рабочим».

С конца 1920 года Серебряков — председатель Южного бюро ВЦСПС, а затем член Реввоенсовета Южного фронта. С частями легендарной XI-ой Красной Армии, вместе с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым он способствовал установлению Советской власти в Грузии. Много сил он отдавал восстановлению и развитию советского железнодорожного транспорта, работая на должностях комиссара главного управления, заместителя наркома, члена коллегии Народного Комиссариата путей сообщения. Все было в жизни Леонида Петровича: успехи и радость, ошибки и печали. Но в главном он всегда оставался верным солдатом партии и революции. Его доброе имя вернули нам исторические решения XXVII съезда партии.

Еще раз вернемся к воспоминаниям Г. И. Серебряковой: «...Когда мы приезжали в Грузию, то сразу же окунались в родственную атмосферу ее мужественных и скромных людей, ее гордой и прекрасной природы. А в нашей московской квартире тоже останавливались приезжавшие из Закавказья товарищи, такие как Мамия Орахелашвили, Шалва Элиава, Нестор Лакоба, Ефрем Эшба и множество иных. Постоянно из Тбилиси, Кутаиси, Еревана, Баку, Сухуми присылались подарки: вина, виноград, чурчхелы, сыры, мед, которые мы в свою очередь раздавали ближайшим друзьям Леонида, как Феликс Дзержинский, Абель Енукидзе, Михаил Калинин, Григорий Беленький... Редкий вечер кто-нибудь из этих людей не бывал

у нас, а в дни пленумов и съездов партии ночевало с десятком человек. В трех комнатах нашей коммунальной квартиры в «Метрополе» на всех диванах, кроватях, а то и на кошмах, постланных на полу, спали приехавшие из Ленинграда, Грузии, Ростова, Костромы делегаты и члены ЦК РКП(б) и ВЦИКа СССР... Всем сердцем, всей душой любил Серебряков солнечную Грузию, ее красивых людей».

Большевик-интернационалист Леонид Петрович Серебряков прожил всего 47 лет...

ХРОНИКА

НОВЫЕ ЖУРНАЛЫ

Республиканская периодика обогатилась двумя новыми журналами: «Балавери» («Грузинский язык и литература в учебных заведениях Грузинской ССР») и «Русское слово» («Русский язык и литература в учебных заведениях Грузинской ССР»). Эти издания — органы Министерства просвещения и Госкомитета по про-

фессионально - техническому образованию республики, — созданы на базе ежеквартальных предметных приложений к научно - педагогическому журналу «Скола да цховреба», «Картули эна да литература сколаши» и «Русский язык в грузинской школе». Главный редактор «Балавери» — Тамаз Квачантирадзе, «Русское слово» — Андрей Лордкипанидзе.

Светлана КОШУТ

ВАСИЛИЙ ЗУЕВ О ГРУЗИИ

УЧЕНЫМ Грузии почти не знакомо имя Василия Зуева. Ни литературоведы, ни историографы ни разу не упоминали его в своих трудах. Только профессор Т. Н. Гехтман — один из основателей Грузинского географического общества, издав в 1962 г. в Тбилиси словарь-справочник «Выдающиеся географы и путешественники» (изд. АН СССР, Т., 1962), дает краткие сведения о Василии Зуеве, целиком опираясь при этом на единственную и в России монографию о нем академика Б. Е. Райкова «Академик Зуев, его жизнь и труды» (М.-Л., изд. АН СССР, 1955). А между тем, как выяснилось, у этого интереснейшего представителя русской науки XVIII века, естествоиспытателя, путешественника, переводчика, педагога и общественного деятеля имеется работа о Грузии — «Об азиатских областях, к Черному морю прилежащих. Выписка из путешественных записок». Нами этот труд найден в Тбилиси в отделе редкой книги Государственной публичной библиотеки им. К. Маркса. Журналом «Северный Архив» за 1823 год (№ 11, июнь) он был перепечатан из «Месяцеслова» за 1787 г., где был впервые опубликован В. Зуевым. Правда, как выясняется, в «Северном Архиве» допущена ошибка: в подзаголовке написано «Из Месяцеслова на 1777 год». Подробно изучая этот вопрос, досконально разбираясь в биографии Василия Федоровича Зуева, его научной деятельности, библиографии его про-

Автор выражает глубокую благодарность профессору Г. Пайчадзе и сотрудникам Библиотеки им. К. Маркса за квалифицированную помощь в работе над исследованием.

изведений, мы окончательно установили, что в «Северном архиве» должно быть «1787 год», а не «1777». И это уже хотя бы потому, что в 1777 году В. Зуев был еще в Германии, а его «Путешественные записки» еще не были написаны, да и само «путешествие» не было совершено. Кроме того, в библиографических источниках данная работа всюду датируется 1787 годом. Таким образом, мы пришли к заключению, что имеем дело с ошибкой, которая может быть как простой опiskeй, так и показателем недостатка осведомленности в этом вопросе редакции «Северного Архива».

Кто же такой Василий Федорович Зуев и что собой представляет та часть его «Путешественных записок», которая касается Грузии?

Дело в том, что долгое время имя этого интереснейшего человека, солдатского сына, сумевшего овладеть вершинами науки своего времени, совсем молодым (он умер в 40 лет) стать действительным членом Российской Академии и вслед за Ломоносовым заниматься подлинным просветительством, разделять самые передовые идеи прогрессивных философов и ученых своего времени, стать автором первого учебника натуральной истории, — это имя долго было в тени. Можно предполагать, что это связано с преследованиями, которым он в свое время подвергался в Академии со стороны некоторых лиц, захвативших там власть и влияние. Это привело к длительному игнорированию его трудов, их недооценке и забвению. Поэтому-то даже портрета и личного архива В. Зуева не сохранилось. Его творческое наследие очень мало изучено, большинство работ осталось в рукописях, а скудные сведения о нем, встречающиеся в письмах его современников и других документах, разбросаны по разным архивам. Подробно изучая теперь его личность, можно понять, как высоко оценивали его многие современники. Академик Паллас, в экспедицию которого был зачислен 14-летний, только что окончивший Академическую гимназию Василий Зуев, сумел по достоинству оценить недюжинные способности юноши, предоставил ему много самостоятельности, смело доверял ему самые серьезные поручения. Проучившись за границей (в Лейдене и Страсбурге) пять лет (1774—1779), В. Зуев пишет диссертационную работу по зоологии, в которой изложены опережающие время прогрессивнейшие взгляды автора. Эту работу, пролежавшую в неизвестности 175 лет, современные ученые считают «блестящей», «смелой», выражающей «материалистические взгляды на во-

просы закономерности жизни природы»¹. Однако ее идеи расходились с официальными взглядами ученых, и работа была забракована. Зуеву пришлось для получения степени адъюнкта спешно заменить ее другой работой более «безобидного» характера.

В мае 1781 года В. Зуев отправился с научными целями в длительное путешествие по югу России и Крыму (до осени 1782 года). Директор Академии Домашнев пошел навстречу Зуеву, однако другие члены комиссии Академии были против этой экспедиции, мешали ему, ограничивая материально, замалчивая его сообщения и т. д. Делая важное научно-общественное дело, Зуев во время путешествия испытывал тяжелые денежные затруднения.

Интересно и знаменательно, что большую моральную и материальную поддержку оказал экспедиции В. Зуева строитель и начальник гарнизона крепости Херсон — генерал Иван Абрамович Ганнибал (как известно, мать А. С. Пушкина Надежда Осиповна приходилась родной племянницей ему, сыну известного Абрама-Ибрагима Ганнибала — «арапа Петра Великого»). В одном из сохранившихся в архиве писем В. Зуев говорит: «Здесь, возле г. Ганнибала мне очень хорошо, это один из самых любезных вельмож, каких я видел во время моего путешествия»². Не получая в течение длительного времени полагающихся денег от Академии, В. Зуев даже считал, что тамошняя администрация полностью отвернулась от него. Поэтому заключает академик Райков, Зуев «решил действовать самостоятельно и находить выход из положения, как умел, добывая деньги на стороне, при помощи займов. Он перестал испрашивать у Академии позволения внести изменение в свой маршрут»³. Этим объясняется тот факт, что Зуев попал вскоре в Константинополь; отправился он туда на деньги, которые получил от Ганнибала, уплатившего из местных средств жалованье его экспедиции за целый год да плюс еще от себя давшего лично Зуеву 400 рублей.

В. Ф. Гнучева считает, что Зуеву Академией якобы бы-

¹ Б. Е. Райков. Академик Зуев. Его жизнь и труды. М.-Л., 1955, с. 72.

² Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3. т. 65, л. 233. Цит. по указ. книге Райкова, с. 146.

³ Б. Райков. Указ. книга, с. 145.

ло поручено поехать в Константинополь⁴. Однако, на наш взгляд, В. Райков прав, не соглашаясь в этом отношении с Гнучевой. Он считает, что путешествие в Константинополь предпринято было Зуевым самостоятельно и втайне от Академии, которая, как известно, все время делала попытки сорвать его экспедицию. Возможно, помимо всего прочего, это связано было и с довольно неустойчивым положением русских на юге, а также с общей политической обстановкой. Русско-турецкая война 1768—1774 годов только недавно закончилась Кучук-Кайнарджийским миром, Крым объявлен был независимым государством под управлением хана Шан-Гирея. Россия получила только Керчь и Еникале на берегу Керченского пролива, а также право навигации по Черному морю. Ехать сюда было пока опасно и рискованно, а, кроме того, очевидно, для поездки сюда нужно было иметь и особые полномочия от власти предержавных органов.

Обозленный равнодушием и враждебностью Академии, Зуев, будучи человеком решительным и смелым, стал действовать самостоятельно и предпринял это опасное путешествие на свой страх и риск. Очевидно поэтому эта часть поездки Зуева не отражена в опубликованных в 1787 г. «Путешественных записках от Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг.», представляющих первую их часть, касающуюся описания мест по дороге к Черному морю: городов Калуги, Тулы, Мценска, Орла, Курска и других (всего о 27 городах).

По интересному и верному замечанию акад. Райкова, описанное в этой части страшное положение российских барщинных крестьян, их бесчеловечная эксплуатация помещиками и т. д. представляет собой такое же смелое социально-политическое обличение (только в научной манере) тогдашней российской монархии, как и знаменитое радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву», написанное через несколько лет.

Е. Р. Дашкова, сменив С. Г. Домашнева на посту директора Академии в начале 1783 г., продолжила политику преследования Зуева (очевидно, еще и как ученика и сторонника Палласа, к которому она относилась враждебно), даже издала приказ об его исключении из Академии, ссылаясь и на непредусмотренную планом «нелепую его Цареградскую экспедицию»⁵. Лишь после долгих хлопот Палласа, просившего о Зуе-

⁴ В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций АН в XVIII—XIX вв., 1940, с. 119.

⁵ В. Райков, указанная книга, с. 188.

ве императрицу Екатерину, его удалось восстановить в прежних правах. В связи со всем этим становится ясным, почему В. Зуев мог скрыть и возможный факт посещения Причерноморья и Западных районов Грузии, которые были описаны в отдельных статьях, но уже не вошли во вторую часть его «Путешественных записок», хотя и относились к ней. Б. Райков считает, что это описание Западной Грузии (то есть именно та статья В. Зуева, которая нас заинтересовала) «составлено по литературным источникам, так как Зуев на Кавказе не был»⁶. Однако, на наш взгляд, даже в этом случае, если, действительно, Зуеву не удалось попасть на Кавказ и работа написана им только «по литературным источникам», а также и по рассказам людей, бывавших в Грузии, имевших торговые отношения здесь (а с многими из таких он мог встретиться как еще в России, так и в столице Турции, и в Крыму⁷), — все равно она заслуживает быть исследованной в числе трудов о Грузии, которые создавались иноземцами, в частности русскими, особенно если учесть, что в XVIII веке таких работ не столь уж много.

Действительно, конкретных сведений о пребывании Зуева в Грузии нет. Пока нет. Но и о непробывании в Грузии Зуев тоже не говорит нигде. Свое заключение о том, что «Зуев на Кавказе не был», Райков строит на голословном сообщении Зуева в позднейшем рапорте Домашневу, что обратно из Константинополя он ехал «сухим путем — через Европейскую Турцию, Румынию, Болгарию, Валахию, Молдавию и Бессарабию»⁸. Если считать, что Зуев был до конца правдив в этом случае (что тоже сомнительно, так как мы уже отмечали, как было законспирировано это самостоятельно предпринятое на деньги Ганнибала путешествие и как, возможно, многое скрывалось Зуевым даже от хорошо к нему относящегося Домашнева, которого Зуев мог не желать поставить в положение «соучастника» своей «преступной» самостоятельности, а потому не

⁶ Б. Райков, указанная книга, с. 166.

⁷ Недаром и Райков, говоря о широте интересов Зуева, останавливается на том, что он собирал и сведения экономического характера, что «эту работу он продолжал и во время своего пребывания в Константинополе (Стамбуле), пользуясь сообщениями торговых людей и различными письменными источниками, происхождение которых не указывает» (Б. Райков, указ. книга, с. 159).

⁸ Архив АН СССР, д. 1, оп. 37, № 5, л. 1 об. Цит. по указ. книге Б. Райкова, с. 158.

все в полном объеме сообщал ему, что хорошо известно тому же Райкову и не раз подчеркивалось им), — повторяем, даже если он до конца правдив в отношении возвращения из Турции, то ведь он мог попасть на Кавказ и по пути туда, когда, как известно по архивным данным, он отправился на русском фрегате, шедшем под командой английского капитана. Корабль вполне мог заходить по дороге в порты Кавказского Причерноморья. Говоря о возвращении Зуева из Турции, Райков подчеркивает, что выехал он «из Царьграда 22 января 1782 г., а в Херсон прибыл 9 марта, следовательно, в пути был 6 недель и проезжал по очень интересным и с экономической и этнографической точек зрения местностям. К сожалению, он умолчал об обстоятельствах этой поездки»⁹. Да, в письмах-то он умолчал, но не исключено, что как раз статья, о которой идет речь, отразила часть этих впечатлений!

Интересно, кстати, и то, что в своей статье Зуев подчеркивает: так как Восточная Грузия «описана обстоятельно в путешествии покойного профессора Гюльденштедта, потому я оную оставляю без замечания, яко отдаленную от новоприобретенных берегов Черного моря, а буду держаться только западных провинций, по соседству нам к Черному морю прилежащих, каковы суть Мингрелия, Имеретия и Гурия, и при том когда еще они по тогдашним обстоятельствам к турецкому султану принадлежали»¹⁰. Он тем самым как бы снимает с себя имевшие место нарекания в том, не повторяет ли его экспедиция экспедицию Гюльденштедта!

Словом, сумел или не сумел Зуев попасть на Кавказ — этот вопрос пока до конца не ясен и требует своего дальнейшего исследования. Однако работа его о Западной Грузии является совершенно очевидным фактом, который сам по себе весьма интересен, повторяю, даже если и считать, что написана эта работа не по личным впечатлениям автора.

В своих записках «Об азиатских областях, к Черному морю прилежащих» В. Зуев со всей возможной «научностью» старается описать Западную Грузию, ее географическое расположение, ее хозяйство со всеми его отраслями, ее экономико-политическое состояние и, что самое интересное, пытается

⁹ Там же, с. 159.

¹⁰ «Об азиатских областях, к Черному морю прилежащих. Выписка из путешественных записок Василия Зуева». «Северный Архив», 1823, № 11, июнь, с. 221.

вникнуть в историко-этнографические особенности ее различных областей, описать характер представителей населяющих ее этнических групп. Судя по тому, что работа эта опубликована в 1787 году, то есть уже в тот период, когда был заключен трактат 1783 года, станет ясна цель столь пристального внимания, с которым В. Зуев останавливается на всех этих злободневных тогда вопросах.

Во вступительной части работы автор среди всех народов, населяющих Кавказ и Закавказье, особенно выделяет грузин. «Между множеством различных народов, — говорит он, — на местах древней Иберии и Колхиды поселившихся¹¹, а ныне под новым общим именем Кавказской области разумеемых, ближайшее соседство с полуденною стороною России составляет Грузия, древними греками Георгиею, то есть хлебопахотную землю прозванная. Ее называют также персидским именем, без сомнения из того же греческого испорченным, Гургистане...»¹². Затем подробно описано географическое расположение Грузии с точностью до градусов широты и долготы. Рассказано о том, что она «прежде своей подверженности Российскому скиптру разделялась на 5 провинций, имеющих каждая собственного себе государя или князя, из коих лежащие к Востоку две — Карталиния и Кахетия считались в подданстве у Персидского шаха, другие Западные три — Мингрелия, Имеретия и Гурия принадлежали Оттоманской порте».

В. Зуев прибегает к сбобщениям вроде следующего: «Пространная сия земля сколь ни многолюдна и сколь во всем ни избыточна, городов, однако, имеет весьма мало; наибольшую часть селений составляют деревни, слободы и небольшие крепостцы, в коих обитают князья и губернаторы вверенных от персидского шаха и турецкого султана провинций».

¹¹ В этом вопросе Зуев, конечно, ошибается. Население данных мест не «поселилось» здесь, а осталось на месте тем же, каким и было издревле в своем этническом составе.

¹² В. Зуев, указ. сочинение, с. 220. Это замечание В. Зуева особенно интересно, поскольку название Грузии — «Георгия» исследователями и историками чаще всего возводилось к культуре св. Георгия. Ссылка же Зуева на древних греков, подчеркивавших в своем названии «Георгии» такое культурное занятие древних грузин, как хлебопашество, отличавшее их от многих варварских народов тех времен, нам кажется и более верной, и говорящей о компетентности автора в данном вопросе.

Затем дается подробное описание Мингрелии, Гурии и Имеретии — каждой в отдельности.

«Наидространнейшую из сих провинций» Мингрелию или как называют ее местные жители, по словам автора, «Одизию»¹³, занимающую «знатнейшую часть древней Колхиды», он считает очень красивой и плодородной, подробно рассказывает о том, что в основном выращивают здесь, перечисляет все богатство овощей и фруктов, в «великом множестве» здесь имеющих. Описывает способ производства вина, которое он считает «самым лучшим в Малой Азии», шелка и т. д. Делает свои критические замечания, например, говоря о фруктах, подчеркивает, что «мингрелы пользуются ими токмо зрелыми, а впрок заготовлять или тем торговать не знают».

Останавливается В. Зуев и на социально-политической жизни края, рассказывает о мингрельском князе Дадиани, «управляющем народом полновластно», «имеющем власть совершенную над своими подданными, как говорится, в животе и в смерти, равно как и дворяне его в своих отчинах — над своими»¹⁴. И далее автор подчеркивает тяжелое положение простых людей, крестьянства Мингрелии, испытывающих невероятный самодурный гнет со стороны своих владельцев.

Интересные подробности передает автор о взаимоотношениях вассалов и патронов в Мингрелии. В частности, рассказывает, что князь Дадиани «все время проводит в разъездах по своей провинции, так что никто из подданных не ведает, в котором месте их государь находится. Он возит с собою всю свою фамилию и множество прислужников и прислужниц, кои носят за ним его именование на плечах. Сим образом объезжает он свое государство каждый год однажды и в то время собирает подати и решит на том же месте дела судные. В таком случае тяжущиеся лица ожидают Дадиана на дороге, когда ему тут ехать; во время проезда кричат стеньжим голосом, поднимая руки на небо и ударяя палкою по земле, которую носят на сей случай беспрестанно при себе вместо трости. Дадиан, не останавливаясь, по пути выслушивает жалобу и, приняв свидетельства с обеих сторон, дает безостановочное решение. Сим же образом поступают и его дворяне, разъезжая по своим поместьям и живучи наибольшую часть времени на счет своих крестьян, у которых отнимают хлеб, скот, именование, что попало, а нередку и жен и детей».

¹³ Там же, с. 221. Очевидно, искаженное название «Одиши».

¹⁴ В. Зуев, указ. сочинение, с. 222—227.

Эта часть статьи Зуева (как и некоторые другие ее места) весьма напоминает известные записки Шардена о путешествии в Грузию¹⁵. Вполне очевидно, что они и служили наряду с другими одним из литературных источников для Зуева. Причем, интересно, что если Шарден, по словам резко критикующего его И. А. Сливичкого, описывая этот древний обычай, да и другие институты социально-общественного уклада страны, «всегда рубит с плеча», «не забывая бранить грузин при каждом удобном и неудобном случае»¹⁶, то Зуев без особых эмоций протокольно фиксирует все, конечно, отмечая негативные стороны, но делая характерный для политической ситуации того периода времени акцент на главном зле в общем положении страны — иноземном иге, доведшем Грузию до крайних пределов страданий и нищеты народа. Развертывая мрачную картину упадка жизни в этих областях, связанную с полным разорением страны вследствие иностранного владычества, автор показывает, что в итоге все, что забирается от народа, идет не только и не столько на удовлетворение жизни самих феодалов (кстати, Зуев отмечает, что жизнь этих феодалов в то время отличалась определенной внешней «скромностью»: «Дадиан ни роскоши, ни великолепия не знает»), но главным образом — «для подарков пашам или на жертву грабителям»¹⁷. Автор говорит о бесконечных поборах с подданных — и часто не только со своих, о взаимных грабежах и кровопролитиях между феодалами, «от чего нередко и целое княжество запутывается в междоусобные войны». Рассказывая конкретно о размерах податей, которые обязаны платить дворяне со своих поместьев «Дадиану», В. Зуев называет приблизительную цифру — тысяч до ста, «ибо всего народа в Мингрелии полагают до двадцати тысяч»¹⁸. И вот на это маленькое количество людей, оставшихся в разоренной и ограбленной стране, «можно набрать, — говорит В. Зуев, — тысяч до четырех войска. Они вооружены копьями, луком, саблею и толстой палкой. Огнестрельное оружие им мало известно, напротив того тем паче

¹⁵ Впервые вышли во Франции в 1687 г.

¹⁶ И. А. Сливичкий, Шарден и его путешествие по Грузии, Тифлис, 1849. В типографии канцелярии наместника Кавказского, с. 4, 15.

¹⁷ В. Зуев, указ. сочинение, с. 229.

¹⁸ Там же. с. 230.

131435340
1010333

превозносят их в кидании копий, в стрельбании из луков и проворстве на лошадях...»¹⁹.

С огромным восхищением подробно описывает В. Зуев пленительную красоту этого народа: «С самых древнейших времен грузинок почитают первейшими красавицами в свете: мингрелки в том им ни мало не уступают²⁰; они имеют вид благородный, стан красивый, движения непринужденные, телс белое, лицо продолговатое, которое, одеваясь по-персидски²¹, не укутывают наглухо по обычаю турчанок, но обертывают только около лба и шеи. Некоторые из них белятся и румянятся, но это только те, кои или чужой красоте завидуют или своя уже изменять начинает. В прочем вообще они живы, остроумны, горделивы».

Нам кажется, что во всей русской литературе XVIII века трудно найти столь восторженную оду блистательной красоте грузинской женщины — да еще и не в «настоящей» художественной прозе, а только в скромных деловых записках путешественника! А главное, трудно себе представить, что стиль это-го описания не связан с конкретностью лиц, непосредственно наблюдавшихся автором в натуре. Можно предположить, что если Зуев и не побывал в Грузии, то, возможно, все-таки видел грузинок в Турции, в Крыму или еще где-либо, то есть описывал их по непосредственным впечатлениям. Мужчин тамошних В. Зуев считает такими же прекрасными: «они почти столь же красивы в рассуждении статного их тела и пропорционального расположения лица, как и женщины, у коих черты и взор предупреждают даже воображение».

Правда, он потом говорит и о другой, несколько негативной стороне их характера (тоже соответствуя в этом, кстати, впечатлениям Шардена), упоминает о «злобности» женщин, «обманчивости» и даже склонности к «распутству». Отмечая эту определенную «испорченность» нравов и в мужчинах, и женщинах и даже в «попах», говоря о том, что «украсть что

¹⁹ В. Зуев, указ. сочинение, с. 230.

²⁰ Как мы уже могли убедиться, В. Зуеву хорошо известно, что Мингрелия — одна из «западных провинций» Грузии, то есть, что это — часть единой страны. Поэтому, нам кажется, в данной фразе, как бы подсоединяя свойства красоты «мингрелок» к «грузинкам», Зуев не имел в виду (как на первый взгляд может показаться) их национального противопоставления.

²¹ Грузинки никогда не одевались «по-персидски». Это высказывание Зуева можно отнести за счет его некомпетентности.

движимое или человека, убить кого по малейшему в чем и дозрению и преклонности к злобе», похитить кого-нибудь и «похищенных продать или самим туркам и персиянам или их поставщикам», — «не считается у них грехом», автор все время как бы старается тут же объяснить или «оправдать» их появление, их происхождение у «сего народа», «наиболее всех в свете перемен претерпевшего». Ведь каждый из этих людей, — помнит все время автор и читателю не устает напоминать, — с детства живет в «бесправильнейших» для воспитания условиях, в бесконечном ожидании расправ, поборов, грабежей и вполне реальной каждодневной опасности попадания в неволю или гибели, и «всяк себя смолоду должен приготовить на все судьбы слепого счастья».

Хотелось бы отметить, что, при всех определенных слабостях и наивности содержания записок, автор их весьма недалеко ушел от истины даже в этом, на сегодняшний взгляд, обидном и несправедливом изображении определенного «падения нравов» в стране в ту страшную пору. Послушаем для сравнения, что пишут современные грузинские историки именно об этом периоде жизни в Западной Грузии: «Кризис крестьянского хозяйства доходил до того, что иногда крестьяне вынуждены были даже продавать собственных детей...». «...Участились случаи «воровства» одних крестьян другими крестьянами и продажи их за границу...»²².

Кроме того, вполне понятно и то, что все эти моменты не зря подчеркиваются В. Зуевым, который, безусловно, преследовал определенные и хорошо известные в ту пору государственные цели, связанные с большой и политической, и экономической заинтересованностью России Грузией. Здесь все время подспудно звучит мотив необходимости помочь этой единой стране избавиться от ужасных пут турецкого господства.

На описании нравов мингрельцев автор особенно не задерживается. Гораздо больше места уделяет он подробному описанию их обычаев, их одежды, их стола, их занятий. С большими подробностями он пишет о способах и методах ведения охоты, особенно ястребиной. «Они содержат ястребов, соколов, кречетов, но не орлов; всех сих пуцают за зайцами, журавлями и другими птицами; но оленей, коз и других крупных зверей преследуют на лошадях и убивают из луков, либо и»

²² Очерки истории Грузии. Том IV, Тб., 1973, с. 482, 483 (на грузинском языке).

ружей; вообще дичина сих горных мест весьма похваляется; фазаны, сказывают, имеют свое имя от реки Фаза²³, Мингрелии от Имерети отделяющей, где их великое множество и откуда разведены они по всей Европе»²⁴.

В сочинении В. Зуева Имеретии и Гурии посвящено сравнительно меньше места, чем Мингрелии. Говоря об Имеретии, он отмечает, что «вся сия страна преисполнена снежных гор и покрыта, равно как и Мингрелия, непроходимыми лесами; однако народу в ней гораздо более, нежели в Гурии или Мингрелии, и оный, будучи пахотен, наипаче по реке Фазу, живет городами, хотя обычаями и склонностями недалеко отходит от мингрелов». Упомянув крепость Поты, он добавляет, что в «Котатисе» (то есть Кутаисе) и Поты турки содержат свои гарнизоны и «кажется, владеют ими обеими совершенно». И с особой горечью сообщает дальше, что еще совсем недавно, «до подверженности Российской державе» царь имеретинский должен был «платить дань турецкому султану ежегодно сорочка мальчиками и толиким же числом девушек...». А владетель Гурии, в «славнейшей крепости» которой — «Ахалзиг»²⁵ пребывает сам паша, «повелевающий подвластной Грузией», должен был платить султану почему-то еще больше Имеретии, а именно — каждый год надо было поставлять не 40, а 46 мальчиков и столько же девушек (между десятью и двадцатью годами)... Хотя эти трагические цифры теперь уже хорошо известны из истории, еще одно такое напоминание вновь возвращает современного читателя в те тяжелые для страны времена.

На наш взгляд, эта часть «путешественных записок» Василия Зуева, совсем не бывшая до сих пор в научном обороте, может стать достойным дополнением к ряду тех работ русских ученых и путешественников XVIII в., в которых многогранно интерпретируется тема Грузии и Кавказа.

²³ Кстати, интересно, что название птицы «фазан» во все европейские языки (и в русский) вошло именно в связи с древним названием реки Риони — Фазис. Об этом см. в «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера, т. IV, М., «Прогресс», с. 182 («Птица с реки Fasis в Колхиде»).

²⁴ Зуев В. Указ. соч., с. 235.

²⁵ Искаженное «Ахалцихе».

В РИТМЕ ВРЕМЕНИ

Вот и вновь мы знакомим читателей со ставшим для нашего журнала традиционным обозрением журналов «Мнатоби», «Цискари», а также газеты «Литератури Сакартвело». Несмотря на осеннюю суровость и пасмурность, а может быть и вопреки ей, палитра осени литературной оказалась расцвечена яркими, контрастными красками, читателей ждали интересные встречи с писателями, работающими в самых разных творческих манерах.

Так, одна из наиболее значительных публикаций этого времени — окончание романа Тенгиза Чалаури «И не было средь нас героя», произведения сложного и многопланового. Не будем бояться громких слов, таких, как героизм, мужество, стойкость и непоколебимость духа, патриотизм. Именно эти качества и еще — неистребимая жажда свободы помогли советским людям побороть такое страшное чудовище, каким был для людей всей земли фашизм.

Действие романа развивается в Керчи, где в катакомбах Керченского полуострова (бывшие царские гробницы и курганы, остав-

шиеся от некогда могущественного Боспорского государства) находят пристанище советские люди.

Прошло два месяца с тех пор, как фашисты всеми силами пытаются выкурить их оттуда. Впервые применяется фашистами газовая атака, но и это «оружие века» не приносит им успеха. Генерал-полковник Эннек убежден, что в лабиринтах аджимушкайских катакомб осталось в живых лишь несколько десятков фанатиков, пребывающих в предсмертной агонии, ибо ни один нормальный человек физически и психически не смог бы вынести всего этого.

Но в катакомбах была совершенно иная картина: около трех тысяч человек ждали приказа майора Ханнина выйти оттуда и вступить в смертельную схватку с врагом.

Как же надо было верить в правоту своего дела, чтоб накануне этой схватки произнести такие слова: «Запомни, Манохин, — сказал майор Ханнин, — мировую цивилизацию должна спасти любовь, любовь к добру, и вера, и она должна обладать такой физической и разумной силой, чтоб не

только уничтожить и подавить всяческое зло, но в корне изменить его, обратить в силу, равную любви, в противном случае человечество, рано или поздно, ждет погибель».

И хотя героическое сопротивление гарнизона было подавлено, и хотя последние страницы романа не могут не отозваться болью в сердце каждого из нас, мы убеждаемся, что именно любовь — та великая сила, которая спасет мир.

По словам Гегеля, судьба человека не является лишь его личной судьбой, в ней представлена общая нравственная трагическая судьба. Верность этого суждения подтверждается и судьбой героев романа Тенгиза Чалаури. Достоевский считал, что мир спасет красота, Т. Чалаури утверждает, что мир спасет доброта. Что ж, Красота и Доброта могут быть восприняты сегодня как синонимы.

Годердзи Чохели русскому читателю, да пожалуй и грузинскому, известен как автор рассказов о грузинской деревне. На сей раз мы знакомимся с его романом «Волк». Можно смело утверждать, что писатель остался верен своим эстетическим пристрастиям, «чувственной памятью» он привязан к образу своего пращура. Вот откуда у Годердзи Чохели эта удивительная способность убедить читателя, что все, о чем он пишет, близко и дорого ему.

Не сложилась жизнь Лука в городе. Паренек из далекой горной деревни корнями своими крепко привязан к земле, город чужд

ему, и после сложных перипетий он вынужден вернуться в родное село Гудмакари. Водитель автобуса испугавшись, отказывается ехать по покрытой наледью дороге, и Лука, мечтающий поскорее добраться до дома, продолжает путь пешком через лес. И вдруг он слышит отдаленный волчий вой. Этот вой напоминает ему детство — когда он был совсем маленьким, он не раз слышал такой же вой. Встреча с Тэдо (Тэвдоре), беседы с ним помогают Луке связать прошлое с настоящим, понять законы, по которым живет волчья стая и с которыми порой сталкиваемся мы в нашей повседневной жизни. «Неужели потому так умножились среди людей волки, что среди них, волков, непреложен закон борьбы за первенство. Они не знают жалости, один волк идет по следу другого, и так рыщут они по белу свету, завоевывая права. Их много... Так говорит Тэдо, да и сам Лука видел это, видел волков, которые не задумывались о содеянном. Он видел таких и мужчин, и женщин. Неужели они продали душу волкам потому, что в жизни у волков больше возможностей быть первыми. Непреложен их закон, он способен лишь уничтожить, но не создать. Волки свободны от человеческой чистоты. Быть волком куда сподручнее, вот они и размножаются. Кто первый? — Кто больше волк», — так рассуждает Лука, и мы становимся свидетелями, как одним удаётся подавить в себе волчью инстинкты, другие не в силах

с ними бороться, и они мнoжат ряды волков. У каждого в жизни должен быть цвeтoк, который спасет его. Символически звучат заключительные строки романа:

«В руке он держал цвeтoк, и, завидев его, волки бежали.

Бежали из деревень,

Бежали из городов,

Земля освобождалась от волков.

Цветок в руке Луки все расцветал, и по всей земле разливался его аромат. Запах его достиг и Дориасхеви, обиталища волков, и они дрожали, испуганные.

Шел Лука по земле, на которой в одной из деревень ждала его Анна».

Если Тенгиз Чалаури считает, что землю спасает доброта, Годердзи Чохели видит спасение от зла в любви.

Необычно сложилась судьба романа Тины Донжашвили «Гонджаура», начало которого опубликовано в одиннадцатом номере журнала «Мнатоби». Подробно мы расскажем об этом романе в следующем обзоре.

В десятой книжке журнала «Мнатоби», полностью посвященном 150-летию со дня рождения Ильи Чавчавадзе, опубликована и документальная повесть Тенгиза Гоголадзе «Дороги». Она интересна тем, что воссоздает хронику 90-х годов прошлого века, в частности литературно-общественную обстановку в Грузии, предшествовавшую событиям, связанным с перенесением праха Николоза Бараташвили из Гянджи в Тбилиси.

Соломон Долидзе работает машинистом на железнодорожной ветке Аджикабул-Елизаветполь - Гянджа - Акстафа. Пробует он свои силы и на литературном поприще. Знакомый по Озургети сводит его с известным книгоиздателем Закарием Таварткиладзе, который и наталкивает его на мысль о необходимости перенесения праха Николоза Бараташвили на родину. Будучи в Гяндже, Соломон находит церковь, в которой похоронен Николоз Бараташвили. Молодой человек решает обратиться с письмом к духовному отцу грузинского народа Илье Чавчавадзе.

Медлить с перенесением праха тем более нельзя, что по территории церкви намечено провести дорогу и могила поэта, столь дорогая сердцу каждого грузина, в скором времени может быть просто уничтожена. По приезде в Тбилиси Соломон тотчас навещает Закария Таварткиладзе, который рассказывает ему о том, сколько сил приложили прогрессивные деятели грузинской культуры Ильи Чавчавадзе, Нико Николадзе и Димитрий Кипиани к тому, чтобы перенести прах поэта на родину, и как их усилия пропали втуне, переплетаясь с событиями внутренней и внешней политики правительства. Но все-таки их старания увенчались успехом — прах поэта решено перенести в Тбилиси и захоронить в ограде Дидубийской церкви.

Соломону доверено вести специально выделенный для этого состав.

И вот настал, наконец, день, когда он привел этот

поезд в Тбилиси. Огромная толпа собралась почтить память поэта, прочувствованные, взволнованные речи произнесли Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. И Соломон Долидзе стоял рядом с ними.

Нугзар Шатаидзе зарекомендовал себя как мастер «сельской прозы», принимающий близко к сердцу все проблемы, волнующие сегодня людей, которым небезразлична судьба своей земли. Рассказы «Эликари» и «Старый деревенский дом», столь разные по содержанию, объединяет общая боль — ушло из нашей жизни нечто очень ценное, одно из звеньев той цепи, которая в хорошем смысле слова приковывает нас к отчей земле.

Откуда у нынешних молодых людей такая ужасающая бессердечность и жестокость, позволяющие им ждать того мига, когда они смогут загнать в круг и облить бензином бродячего пса («Эликари»)! И не удивительно, что слова Домбура, отца одного из парней «Во всем я виноват», звучат как обвинение в адрес всех тех, кто упустил самое главное в воспитании детей — воспитание в них добра: того, что делает человека человеком.

Относительно недавно на встрече в Останкино выдающийся офтальмолог С. Н. Федоров вспомнил известное изречение о том, что зло порождает зло, а добро — порождает добро. И добавил: — «и тогда жить хочется».

Почему так велик сегодня дефицит добра? Быть может, и потому, — кроме всего прочего, — что мы забываем свои корни, обры-

ваем нить, связующую нас с землей?

«В непогоду у Гогла портилось настроение. Нет, нет, чтобы он не любил дождь, напротив, он любил дождливую погоду, но сейчас его заботил старый деревенский дом, вот отчего у него портилось настроение», — так начинается второй рассказ Нугзара Шатаидзе.

Гогла уже давно живет в городе, однако в водовороте житейских будней он не забывает деревню, отчий дом. Но каждый приезд туда оборачивается пиршеством с ближайшими соседями. На этот раз тоже не помогли ни уговоры, ни требования здравого смысла — ведь ему надо починить прохудившуюся крышу старого отцовского дома. И вот поднявшись на крышу, он мечтает о том, как починит ее, посадит виноградную лозу, дайте только время... Но, поскользнувшись, Гогла падает с крыши. Это был последний день в его жизни.

Еще один рассказ о сельской жизни — «Жила-была старушка» Нодара Шаманадзе. Произведение это нетрадиционно по композиции; автор его, фольклорист, записывает рассказ старушки Тэбро из горной деревушки в Верхней Имерети. Рассказ перемежается вставными повествованиями соседей Тэбро, свидетелями ее нелегкой жизни. Каждый из этих небольших монологов выразителен, ярко характерен и в образном, и в стилистическом отношении.

Но основная доминанта рассказа — конечно же образ Тэбро — одновременно и сказочный, и необыкновенно жизненный, реалистич-

ный. Интересная деталь — старушка ничего не помнит в своей жизни, кроме коров, которые у нее были и благодаря которым удавалось кое-как прокормиться ей и ее семье. С любовью и нежностью вспоминает она имена своих кормилиц, эти имена и помогают ей высветить из глубин памяти трудные годы коллективизации, войны, послевоенные невзгоды, смерть детей... Кончается рассказ на трагической ноте — Тэбро вспоминает о том, как оплакивала она своего мужа, заходится в плаче, засыпает и уже не просыпается боле.

Да, финал печален, но Тэбро прожила настоящую, честную и мужественную жизнь и смерть ее — исход жизни человека, прожившего в ладу со своей совестью, со своей природой и со своей землей.

Грузинская литература богата яркими, героическими образами — бунтовщиков и рыцарей, воинов и мудрецов, образами, насыщенными пафосом бесстрашия и великодушия. Но бок о бок с героями и мудрецами в грузинской литературе всегда существовал «маленький человек» и писательская проблема — добраться до его сокровенной жизни. Интерес к «маленькому человеку» велик и в современной прозе. Вот и в центре рассказа Карло Коберидзе «Музейное ружье» — образ старого, восьмидесятипятилетнего крестьянина Сабы, человека с обостренным чувством справедливости. Вся жизнь его прошла в труде и не нажил он богатства, кроме честного имени, кроме любви ближних своих. Вот почему

принял он так близко к сердцу весть о том, что его внук не может сработаться с директором совхоза, вором и стяжателем — все село знает это.

Старик решает избавить село от этого человека и снимает со стены старое дедовское ружье.

В жанре психологической драмы разрешен рассказ Зураба Тория «Саломе». Как часто семья становится той микромоделью Вселенной, которая позволяет автору спроецировать в одну точку и связать единой нитью разные человеческие характеры, проследить динамику их развития и становления. И как трудно бывает порой отделить в судьбах людей черное от белого, осудить одних и оправдать других. Проще всего было бы возвести на пьедестал Саломе, старшую сестру, всю свою жизнь посвятившую брату и сестре, лишившую себя ради них естественных и необходимых радостей, и вынести обвинительных приговор младшей сестре Лоле, убежавшей из дому с женатым мужчиной, убедиться в духовном падении Чино, их брата, который, — выясняется в конце рассказа, — вовсе не был убит другом, как думала все эти долгие годы Саломе, а упал, напоротившись на собственный же нож, с которым бежал за другом. В таких случаях доброжелатели говорят, что «их рассудит жизнь», да, действительно, но боюсь, что и жизни уже это не под силу, ибо она все же течет и продолжается в каждом из героев этой небольшой повести, оставшихся верными себе — вернувшись спустя семь лет с ребенком

и очередным мужем, Лола вновь уезжает тайком из дому, оставив на этот раз сестре сына, Чино, — тезку погибшего брата. Лола вновь спешит жить, а у Саломе вновь появляется родная душа, которой она готова посвятить свою жизнь полностью и без остатка, как некогда сестре и брату.

«Что обещает ноябрь?» Кети Нижарадзе — это рассказ о женщинах, находящихся в нервной клинике. Он написан тонко и щадяще, с прекрасным знанием женской психологии. Героиня рассказа Нино возвращается после лечения домой, возвращается к жизни. Впереди — ноябрь. Что он принесет ей?

Новеллы Амираана Джмухадзе «Странный человек» и «Образумился» подчеркивают, как важно не забывать о чувстве соразмерности и сообразности, которые не позволяют человеку терять человеческие качества.

Героя очень грустного рассказа Нуну Кадагидзе «Хроника одной жизни», Сандро-Алеко, в первые же часы его появления на свет на двое суток забыла в ворохе белья акушерка. Отсюда начались злключения Сандро Адамидзе (не к имени ли Адам восходит этимология фамилии героя?). Вся жизнь преследовал его бумажный бес. Его фамилия неизвестным образом исчезала из всех списков и ведомостей. Наконец, он вынужден был обратиться в архив, чтоб получить документы, свидетельствующие о его принадлежности к роду Адамидзе. В самом большом архиве города ему пришлось карабкаться под самый пото-

лок, чтоб порываться на полках. Архивариус тем временем заснул, а когда проснулся, то не увидел посетителя — он обнаружил лишь чистый лист бумаги, ослепительно - белый, как свежеравыпавший снег.

Другой рассказ Н. Кадагидзе «Маленькая голубая волна», опубликованный в газете «Литератури Сакартвело», повествует о судьбе Маленькой голубой волны, попавшей из моря в бассейн. Сочетание реального с фантастическим характерно для обоих рассказов Н. Кадагидзе.

Все, что связано со зловещим тридцать седьмым годом, еще долго будет волновать умы. Небольшой рассказ Отара Деметрашвили «Окошко» написан от лица мальчика, отец которого был сослан. Прошло время, и он с матерью приходит в учреждение, где женщина, сидящая за окошком, сообщает ему (мать не в силах встать со стула, чтобы самой подойти к окошку), что отец умер в ссылке. Ошеломленный этой вестью, он все же понимает, что ее следует скрыть от матери. И только спустя время он вспоминает, что женщина за окошечком добавила к сказанному: «Твой отец реабилитирован... Ваша семья получит отпускные отца за два месяца...».

Случайная встреча в пути объединяет в композиционном отношении рассказы О. Иоселиани «Пассажиры» («Литератури Сакартвело», 4 сентября) и «Марго, Марго, Маргарита!..» Гиви Джухадзе («Литератури Сакартвело», 27 ноября). Героя рассказа О. Иоселиани

заставляет задуматься о собственной, на его взгляд — не очень удавшейся жизни, разговор двух попутчиков в купе, участия в котором он старался избежать изо всех сил, даже притворился спящим, тем не менее он невольно оказался его немым свидетелем, проецирующим на собственную житейскую ситуацию услышанные суждения. В купе столкнулись не только разные люди, с разными характерами и пристрастиями, но и две жизненные позиции — пассивная, героя рассказа, и активная — его попутчиков — Гриши и Бадри. Гриша, тот что постарше, в итоге все-таки будит своего «заспавшегося» соседа — не только в прямом, но и в переносном смысле, — к жизни, к активной деятельности, к социализации.

Герои рассказа Гиви Джохадзе случайно сталкиваются в автобусе, и молодой мужчина, ехавший домой с рынка вместе с сыном-шестьиклассником, не без труда узнает в осунувшейся, постаревшей женщине некогда известную на всю округу красавицу Марго, свою первую любовь, сумевшую оставить в его сердце светлый и теплый след.

Сегодня мы часто слышим, что время поэзии прошло, что нынче — время публицистической прозы. Но вспомним слова Юрия Тынянова о том, что «у каждого времени свой способ брожения»... и они помогут нам услышать пульс времени и в лирических зарисовках, и в философских раздумьях, и в психологических поисках, столь щедро представленных

в поэтических рубриках литературной периодики.

Не могут не обратить на себя внимание интересные, значительные поэтические выступления молодых, но уже твердо и серьезно заявивших о себе прозаиков Мераба Абашидзе («Мнато-би», № 9) и Мики Александзе («Литературули Сакарт-вело», 4 сент.). Подборка лирических миниатюр Мераба Абашидзе светла, напевна, выдержана в классическом стиле стихосложения. Мика Александзе, напротив, представлен верлибровой поэмой «Аукцион для старого портрета», написанной на едином дыхании, это монолог-исповедь, через который автор старается постичь не только свой духовный, внутренний мир, но и окружающую его действительность во всей глубине и драматизме ее проявлений. В осенней литературной панораме еще одна поэма — Мурмана Джгубурия «Ладо, Мирза, Коки» («Цискари», № 9), построенная по традиционному сюжетному принципу, это повествование о трех поэтах недавнего прошлого, метафорически привязанное к нашему времени.

И еще одна поэма в той же книжке журнала, но уже поэма-сказка, поэма-аллегория — «Солнечный диск» Муртаза Чахава. И как знать, не свидетельствует ли это обращение литературной молодежи к поэме об усилении интереса к этому древнему поэтическому жанру и не суждено ли именно поэме быть тем переходным мостом, который и заполнит духовно-эстетический вакуум, образовавшийся между двумя крайними полюсами

громко и отчетливо заявивших о себе в последнее время жанров — публицистической прозы и лирической поэзии.

И раз мы заговорили о молодежи, следует упомянуть одну из последних публикаций, увы, трагически ушедшего из жизни Тамаза Бадзага («Литературу ли Сакартвело», 4 сент.).

Необходимо отметить, что в осенних публикациях голоса признанных мастеров грузинского стиха звучат столь же молодо и громко, как и их молодых коллег. Значительными событиями в литературной жизни стали публикации новых произведений Колау Надирадзе, Ираклия Абашидзе, Шота Нишнианидзе, Отара Челидзе, Михаила Квливидзе, Тамаза Чхенкели и других.

По-прежнему жизнеутверждающе звучит голос Ираклия Абашидзе в стихотворении «Гимн естественной смерти». Поистине следует обладать не только творческой, но и чисто человеческой и гражданской отвагой, чтобы написать «Гимн жизни, гимн уходу, уходу естественно, человеческому, христианскому, вечному!», чтобы не только поставить рядом и сделать равнозначными

мы понятия Жизни и Смерти, но и равно почтить их поэтическим отношением и художественным словом.

Разнообразна и в тематическом и в интонационном отношении подборка новых стихов Шота Нишнианидзе («Литературули Сакартвело», 16 окт.) — от граждански патетического стихотворения «Беседа с Прометеем» до иронических зарисовок и эпиграмм.

Большую, серьезную подборку стихов Тамаза Чхенкели опубликовала «Литературули Сакартвело» (27 нояб.). Верен своему лирическому настрою и Михаил Квливидзе («Литературули Сакартвело» от 2 окт., «Цискари», № 9). Читателей этих номеров ждет встреча с Александром Кутатели, Медеей Кахидзе, Лицей Стуруа, Бореной Джачалиани, Лали Тотадзе, Диларом Ивардава, Энвером Нижарадзе и многими другими поэтами, стихи которых, столь разноплановые и разноликие, пронизывает единое чувство ответственности поэта — человека и гражданина — за свое время: всегда сложное, всегда тревожное и всегда непотворимое.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ:

«ПРАВДА»

ИНАНИШВИЛИ Р. «Белый отсвет снега». Рассказы. Пер. с груз., Москва, 1988, 48 с. — (Б-ка «Огонек» № 10) — 150 000 экз., 20 коп.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

ШИНКУБА Б. Проза. Романы, повесть. Пер. с абхаз., Москва, 1988., 543 с., 200 000 экз., 2 руб. 70 коп.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

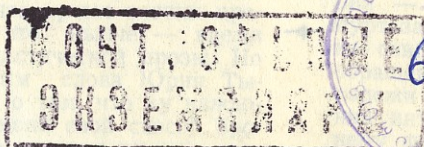
ЧИЛАДЗЕ О. Избранное: «И всякий, кто встретится со мной», «Железный театр». Пер. с груз., Москва, 1988, 830 с., 100 000 экз., 3 руб. 10 коп.

«МЕРАНИ»

ДЕМЕТРАШВИЛИ О. «Тбилисские рассказы». Пер. с груз., Тбилиси, 1987, 126 с., 15 000 экз., 45 коп.

«САБЧОТА САКАРТВЕЛО»

ЖВАНИЯ Г. «Великий Октябрь и победа Советской власти в Грузии». Тбилиси, 1987., 361 с. 2 000 экз., 3 руб. 70 коп.

Сдано в набор 16.02.88 г. Подписано к печати 28.03.88 г. Формат 84×108^{1/32}. УЭ 08950. Высокая печать. Печ. л. 7,0 — усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5.100. Заказ 429. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

60003558m

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Резо АМАШУКЕЛИ (заместитель главного редактора),
Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз
АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ,
Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА,
Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТ-
КИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь).
Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Серги ЧИЛАЯ.

ТЕЛЕФОНЫ: Главный редактор — 93-65-15, заместитель
главного редактора — 93-13-57, ответственный секре-
тарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы —
93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию»
обязательна.

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

„ლიტერატურნია ვრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 კ.

26-88

ИНДЕКС 76117

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

88-202

